

100

ВЕЛИКИХ АВАНТЮРИСТОВ

100 великих (Вече)

100 великих авантюристов

«ВЕЧЕ»

2007

ББК 63.3(0)

100 великих авантюристов / «ВЕЧЕ», 2007 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-9533-2539-4

Книга серии «100 великих» посвящена авантюристам. Одни из них испытывали судьбу, становясь пиратами, другие появлялись под чужими именами. Одни строили финансовые пирамиды и плели политические интриги, другие создавали новые религии, подделывали произведения искусства, шпионили... Но, так или иначе, все они пытались влиять на ход мировой истории. Представим самых известных – граф Калиостро, Емельян Пугачев, маркиз де Сад, Ванька Каин, Наполеон Бонапарт, Григорий Распутин, Сонька Золотая Ручка, Мата Хари...

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-9533-2539-4

, 2007

© ВЕЧЕ, 2007

Содержание

Введение	6
Гаумата (Лжебардий)	8
Балтазар Косса	12
Перкин (Питер) Уорбек	20
Эрнан Кортес	27
Франсиско Писарро	35
Диего де Альмагро	42
Арудж Барбаросса	48
Хайрадин Барбаросса	51
Грейс О'Мейл	56
Фрэнсис Дрейк	60
Мартин Фробишер	65
Уолтер Рэли	68
Бьянка Капелло	72
Томас Кавендиш	76
Кончино Кончини	80
Григорий Отрепьев, Лжедмитрий I	84
Марина Мнишек	90
Лжедмитрий II	96
Иван Исаевич Болотников	99
Тимофей Анкудинов	103
Генри Морган	108
Степан Тимофеевич Разин	113
Пьер Легран	120
Мишель де Граммон	123
Уильям Дампир	127
Мари Пти	131
Джон Лоу	136
Клод Александр Бонневаль	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Игорь Анатольевич Муромов

100 великих авантюристов

© Муромов И.А., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Введение

Авантюрист – искатель приключений, беспринципный делец, проходимец.

Словарь иностранных слов

Французская исследовательница Сюзанна Рот выделила основные качества, характеризующие «образцового» искателя приключений: непредсказуемость, импульсивность, сосредоточенность на сегодняшнем дне, вера в удачу, доходящая до суеверия, богатая фантазия, прожектерство, смелость, решительность, даже жестокость, эгоцентричность и общительность, любовь к внешним эффектам, обманам, мифотворчеству, к игре, умению плести интриги.

Золотым веком для авантюристов был XVIII, когда они вращали рулетку мировой истории. Джон Лоу, не известно откуда явившийся шотландец, своими ассигнациями разрушил банковскую систему Франции. Шевалье Д'Эон, переодевшись в женское платье, руководил международной политикой. Маленький круглоголовый барон Нейгоф стал первым королем Корсики. Калиостро, деревенский парень из Сицилии, видел Париж у своих ног, хотя долго не мог научиться грамоте. Сен-Жермен, маг без возраста, пользовался неограниченным влиянием у короля Франции. Пугачев под именем Петра III поднял народный бунт и заставил трепетать Екатерину II. А еще были Беньовский, княжна Тараканова, Ванька Каин, Тренк, Бонневаль, Кингстон, Занович...

Авантюристы...

Они любят рисковать и умеют подчинять себе окружающих. Это умение и настойчивость нередко приводят таких людей к победе.

Они могут появляться под чужими именами. Самозванчество никак нельзя назвать чисто русским феноменом, однако ни в одной другой стране это явление не было столь частым и не играло столь значительной роли во взаимоотношениях общества и государства. В XVII столетии на территории Российского государства действовало около 20 самозванцев, век же восемнадцатый знает примерно 40 случаев самозванства. Причем они часто так «врастали» в свою роль, что в самом деле начинали отождествлять себя с тем, за кого себя выдавали. Так, Пугачев плакал, когда разглядывал привезенный портрет царя Павла, чьим сыном себя считал.

Они выходят в море, чтобы испытать судьбу. Пираты и их сокровища породили целое направление в приключенческой литературе. Впрочем, приключения, выпавшие на долю морских разбойников, существовавших в действительности, нередко превосходят любой авантурный сюжет.

Они строят финансовые «пирамиды», плетут политические интриги, создают свои религии, шпионят, подделывают произведения искусства, продают статую Свободы и Эйфелеву башню...

Стефан Цвейг писал об авантюристах: «Они носят фантастические формы какой-нибудь индостанской или монгольской армии и обладают помпезными именами, которые в действительности являются поддельными драгоценностями, как и пряжки на их сапогах. Они говорят на всех языках, утверждают, что знакомы со всеми князьями и великими людьми, уверяют, что служили во всех армиях и учились во всех университетах. Их карманы набиты проектами, на языке – смелые обещания, они придумывают лотереи и особые налоги, союзы государств и фабрики, они предлагают женщин, ордена и кастратов; и хотя у них в кармане нет и десяти золотых, они шепчут каждому, что знают секрет *tincturae aurī* (приготовления золота). При жадном дворе они показывают новые фокусы, здесь таин-

ственно маскируются масонами и розенкрейцерами, там у каждого князя представляются знатоками химической кухни и трудов Теофраста. У сладострастного повелителя они готовы быть энергичными ростовщиками и фальшивомонетчиками, сводниками и сватами с богатыми связями, у воинственного князя – шпионами, у покровителя искусства и наук – философами и рифмоплетами. Суеверных они подкупают составлением гороскопов, доверчивых – проектами, игроков – краплеными картами, наивных – светской элегантностью – и все это под шуршащими складками, непроницаемым покровом необычайности и тайны – неразгаданной и благодаря этому вдвойне интересной...»

Именно этим людям посвящена настоящая книга.

Гаумата (Лжебардий) (? – 521 до н. э.)

Мидийский маг (жрец). Выдал себя за тайно убитого Камбисом младшего сына Кира – Бардию (522 год до н. э.). Свергнут и убит заговорщиками во главе с Дарием I.

Персидский царь Камбис, сын царя царей Кира, имел характер гневливый и мстительный. Считая своего брата Бардию соперником, он приказал тайно умертвить его. Когда же это было сделано, щедро наградил убийц и на радостях устроил в своем дворце пир. Музыканты играли, певцы пели, поэты читали свои стихи – все славил мудрого и милостивого владыку.

Прошли дни. Камбис и думать забыл об убитом брате. Он царствовал, творил суд и расправу, принимал послов и вел войны. Когда Камбис завоевал Египет, его бессмысленная, тупая жестокость не знала предела. Он разрушал храмы египтян, убивал их священных животных. Как гласит одна египетская надпись тех лет, «величайший ужас охватил всю страну, подобного которому нет». Но боги, казалось, только ждали момента, чтобы покарать святотатца. И вот момент этот пришел.

Убитый Бардия восстал из мертвых.

В то время в столице Персии жили два брата, владевшие тайнами магии. Одного из них Камбис на время своего отсутствия назначил управляющим царским двором. Его брат, маг Гаумата, внешне очень походил на убитого царевича.

Управляющий решил воспользоваться этим сходством. Он уговорил брата занять царский престол под именем Бардии и взять власть в свои руки. После этого во все стороны были разосланы вестники с призывом к подданным признать царем Бардию.

Камбис находился в Египте с войсками, когда из Персии прибыл гонец и объявил всем, что отныне все должны подчиняться не Камбису, сыну Кира, а Бардии, сыну Кира.

Камбис не поверил своим ушам. В смятении и страхе он вызвал Прексаспа, которому в свое время было приказано убить Бардию. «Так-то ты выполнил мой приказ!»

Убийца, распростертый у входа в шатер, поднял голову.

«Это весть ложная, о царь! Я сам исполнил твой приказ и похоронил Бардию».

Камбис нахмурился. Только он и убийца доподлинно знали, что Бардия убит, что человек, захвативший власть в Персии, – самозванец.

Через несколько дней Камбис, собираясь в поход против того, кто назвался его братом, случайно поранил себе мечом ногу. Вскоре он умер.

Так человек, принявший имя убитого Бардии, стал полноправным царем страны. Одна за другой все области обширной державы объявили о своей покорности. Армия стала под его знамена. Потому что не было в стране другого человека, который был бы сыном царя царей и в силу этого владыкой над всеми персами.

Все славили нового царя, который на три года освободил своих подданных от налогов и от тягот военной службы. Только среди знати росло глухое недоумение и недовольство. Почему новый царь не выходит из дворца? Почему он не принимает никого из знатных людей? А что, если этот человек – не Бардия?

У одного из придворных зародилось подозрение, что власть в царстве захватил маг Гаумата. Но мысль эта была слишком страшной, чтобы решиться ее высказать вслух. Дочь этого придворного находилась в гареме царя. Через евнуха он послал ей записку.

«Федима, дочь моя, – писал он, – правда ли, что человек, который теперь твой муж, сын Кира?»

«Не знаю, – отвечала дочь, – мы в гареме не знаем чужих мужчин, и раньше Бардии я никогда не видала».

Но у мага Гауматы был один признак, по которому его нетрудно было опознать. В свое время Кир за какую-то провинность отрезал ему уши.

«Когда он уснет, – снова писал придворный своей дочери, – ощупай его уши. Если он окажется с ушами, то знай, что супругом имеешь сына Кира. Если без ушей, то ты живешь с магом». Федима долго боялась сделать это. Если человек этот действительно окажется без ушей и поймет, что тайна его раскрыта, он, несомненно, убьет ее. Наконец, когда настала ее очередь идти к мужу, Федима решилась.

Утром придворному стало известно, что под личиной царя скрывался человек без ушей. Это был маг Гаумата.

Придворный решился открыть тайну своим друзьям. На следующий день в его доме собрались шестеро самых близких. Прежде чем открыть им то, что стало ему известно, придворный потребовал, чтобы они дали клятву сохранить все в тайне. Они поклялись богами в верности друг другу. Узнав же страшную новость, растерялись. «Лучше бы я не приходил сюда и не знал ничего!» – подумал каждый.

Выступить сейчас против мага было невозможно. У них не было ни солдат, ни верных людей. Отложить расправу, пока удастся собраться с силами, тоже было нельзя. Если маг узнает о заговоре, их ждет страшная смерть. Но не всех. Одного из них, кто донесет, маг пощадит. Вот почему каждый, для того чтобы его не опередил другой, прямо из этого дома наверняка поспешил бы во дворец. Об этом думали все, но никто не решался сказать вслух. Пока не заговорил сын царского наместника Дарий, бывший среди них.

«Мы должны действовать сегодня же, – сказал он, – если сегодняшняя ночь будет упущен, я сам донесу обо всем магу!»

Между тем маги тоже не теряли времени даром. Они догадывались, что их тайну могут раскрыть и над ними нависнет опасность. Поразмыслив, братья пришли к выводу, что им надо сделать Прекаспа своим другом и союзником. Он столько натерпелся от Камбиса! Даже сына его не пощадил жестокий царь, убил выстрелом из лука. Маги знали, каким большим уважением пользуется Прекасп у персов, знали и то, что только он знает правду о судьбе сына Кира, брата Камбиса.

Они пригласили Прекаспа на тайную беседу, во время которой наобещали ему золотые горы, если он будет заодно с ними. Прекасп поклялся, что не проговорится персам о том, кто на самом деле восседает на троне, и будет выполнять все их задания. Маги тут же дали ему первое поручение: «Завтра мы соберем персов на площади перед царским дворцом. Ты поднимешься на башню и обратишься к собравшимся со словами, что персами правит Бардия, сын Кира, и никто другой. Призовешь их не верить никаким слухам на этот счет».

Прекасп поднялся на башню. Взоры тысяч людей устремились на него. Маги тоже не спускали с него глаз. Прекасп повел речь о предках Кира, потом о самом Кире и о том,

как много хорошего тот сделал для персов. Маги с нетерпением ждали, когда же наконец он произнесет слова, которые развеют подозрения.

Но Прексасп вдруг неожиданно громко объявил, что Бардии, сына Кира, нет в живых, а сейчас правят маги. «Плохо придется вам, персы, если вы не избавитесь от них и не расправитесь с ними», – закончил он речь и тут же бросился головой вниз.

А в это время к дворцу уже двигались заговорщики во главе с Дарием. Когда они узнали о речи Прексаспа и его гибели, стали советовать, стоит ли нападать на магов при таком стечении народа. И решили, что нельзя упускать удобную возможность.

Они были из знатных фамилий, и стража не посмела чинить им препятствий. Заговорщики бросились во внутренние покои. Братья-маги находились там и обсуждали, что им следует делать. Услышав за дверями крики и звон оружия, они сразу догадались, что случилось. Один из братьев взял в руки лук, другой схватил копье. Они вступили в схватку. Одному из персов маг угодил копьем в глаз, другому нанес удар в бок. Но лук для ближнего боя не годился, и потому схвативший его маг выбежал в соседнюю комнату, захлопнув за собой дверь. Дарий с одним из друзей пустились вдогонку. Они настигли мага, и началась схватка.

В темноте перс и маг упали на пол, тщетно пытаясь одолеть друг друга. Дарий в нерешительности стоял над ними с занесенным мечом, не зная, что делать.

«Бей мечом!» – крикнул заговорщик, который боролся с магом.

«Я могу убить тебя!»

«Убей хоть нас обоих, но маг должен погибнуть!» Дарий взмахнул мечом и убил мага.

Так повествует об этой странной истории Геродот. Царем Персии стал Дарий. И сегодня на огромной скале по дороге между Тегераном и Багдадом можно видеть высеченный на камне рассказ об этом событии. Надпись эта была сделана по приказу Дария. «Дарий убил мага и стал царем», – гласит заключительная фраза текста. Рассказ Геродота – одно из самых первых упоминаний о самозванцах.

Дарий начертал на Бегистунской скале историю своего царствования, начиная с этого подвига. Надпись сопровождается барельефом, представляющим царя и девять связанных самозванцев, из которых он одного попирает ногами (это – Лжебардия, о чем свидетельствует особая краткая запись).

Балтазар Косса (? – 1419)

Граф Беланте, владетель Искьи и Процинты, римский папа Иоанн XIII (1410–1415). Один из наиболее развращенных пап эпохи упадка. Известен своими многочисленными любовными приключениями. Юношей занимался пиратством, затем изучал право в Болонье. Студентом был приговорен инквизицией к сожжению на костре. После побега из тюрьмы снова разбойничал, был схвачен. Урбан VI назначил его командующим папских войск. Приняв духовный сан, занимал высшие должности при курии Бенедикта IX. Во время великого раскола стал папой. Собор в Констанце (1415) потребовал его отречения. Бежал, но был арестован. Позже Мартин V назначил его епископом Тускуланским и деканом коллегии кардиналов.

До появления на свет Балтазара его род насчитывал сорок поколений. Коссы сначала были римскими патрициями, а затем – графами Беланте, владельцами обширных земель на берегу Неаполитанского залива. Но к XIV веку род обеднел, а от прежних владений остался лишь остров Искья с несколькими деревнями. Доход от них позволял графам Беланте едва сводить концы с концами. Тогда старший брат Балтазара Гаспар стал пиратом и сумел прославиться своими многочисленными набегами.

Гаспар долго не соглашался брать с собой 13-летнего брата. Увидев же его в деле, понял, что тот сможет постоять за себя. Младшему Коссе нравилось его новое занятие, которое позволяло всего лишь за несколько часов стать обладателем больших денег.

Но больше товаров и ценностей Балтазара привлекали хорошенькие девушки, которых брали в качестве пленниц на захваченных кораблях или в разграбленных поселениях. Бесправные, как и все пленные, они ничем не могли защитить себя, и Косса брал любую, чтобы на следующий день заменить ее новой, а на третий отдать обеих друзьям, поскольку самого его уже захватила очередная страсть.

Косса до самой смерти питал слабость к женщинам, разделяя ложе с неисчислимым количеством любовниц, среди которых были как малолетние девочки, так и зрелые матроны. Впоследствии, когда его судил католический собор в Констанце, этот факт стал одним из главных пунктов обвинения.

Пиратская жизнь продолжалась семь лет. Балтазар не помышлял расставаться с ней, пока в дело не вмешалась мать – по ее совету юноша поступил в Болонский университет, теологи которого славились на всю Италию.

Способности Коссы скоро заметили все: и преподаватели, и студенты. Он считался первым учеником на факультете, был непревзойденным фехтовальщиком и любимцем женщин. Студенты признали Балтазара своим лидером. Он был зачинщиком всех университетских авантур и приключений, Балтазар обожал рискованные свидания с какой-нибудь болонской красоткой, жившей под пристальным присмотром родственников или мужа и оттого особо желанной. Для Балтазара было высшим наслаждением проникнуть через все замки и запоры и провести ночь с очередной любовницей.

Однажды, когда Балтазар возвращался со свидания, на него напал наемный убийца, и только ловкость спасла будущего теолога от смерти. Он отделался лишь ранением в руку. Налетчик, вероятно, думал, что достаточно напугал Балтазара и ноги его не будет в опасном районе, но бывший пират на следующую ночь вновь отправился на свидание. Он выяснил, что нападение организовала его бывшая любовница, которая таким образом решила ему отомстить.

Расправа с несчастной женщиной была жестокой. Мужа, кинувшегося защищать супругу, Балтазар убил у нее на глазах, а затем раздел бывшую любовницу донага, связал ее и концом стилета начертил у нее на груди кровавую звезду. Но уйти сразу не успел – на шум и крики сбежались слуги.

Спасаясь от погони, он забежал в чей-то сад и затаился там. Преследователи пробежали мимо, а Косса, уже собравшийся покинуть свое убежище, вдруг заметил в глубине сада дом. Балтазар отворил дверь и увидел молодую женщину необычайной красоты. Заметив раненого незнакомца, она не растерялась, позвала служанку и велела ей промыть и перевязать незнакомцу рану. После чего скрылась в доме.

Женщина эта была уроженка Вероны Яндра делла Скала. Ее дед и отец занимали пост правителя этого города, но в 1381 году в семье случилась трагедия: отец Яндры был убит своим братом, который захватил власть в Вероне. Спасаясь от преследования, семнадцатилетняя Яндра бежала в Болонью, где и прожила четыре года. В год встречи (1385) Балтазара и Яндры ей шел двадцать второй. Яндра с ранних лет интересовалась магией и чародейством, алхимией и астрологией и умела предсказывать будущее. В те времена такие занятия считались еретическими и жестоко преследовались инквизицией. Яндра рисковала, но ее взял под тайную защиту кардинал ди Санто Кьяре, влюбившийся в нее и поселивший девушку в своем доме.

Вскоре Косса снова навестил Яндру. Но побеседовать они не успели – в дом ворвались люди инквизиции. Арестованных допрашивал сам великий инквизитор Италии Доменико Бранталино. Яндру обвинили в том, что она отреклась от Спасителя и поклоняется дьяволу, приносит в жертву сатане новорожденных детей; что впала в грех кровосмесительства и спала с сатаной, варила и ела человеческие органы.

Потом допрашивали Коссу. Его обвинили в убийстве двух агентов инквизиции во время ареста Яндры, а также в том, что он является ее любовником.

Их ждал костер.

Бывшей любовнице Коссы Име Давероне удалось добиться свидания с ним. Она успокоила Балтазара сообщением, что казнь состоится не раньше чем через три месяца. Это приободрило Балтазара. Не прошло и месяца со дня ареста, как он оказался на свободе, совершив побег с присущей ему дерзостью. Косса убил стражника и в его одежде вышел из тюрьмы, после чего затерялся на улицах Болоньи.

Балтазар встретился с Гаспаром, и они разработали план по спасению Яндры, предусматривавший штурм тюрьмы. Под началом Гаспара насчитывалось сто двадцать пиратов, которые могли захватить не только тюрьму – весь город. Кроме того, пиратам вызвался помочь кондотьер Альберинго Джуссиано. За две тысячи эскудо он давал в подмогу сто своих наемников. Братья стали ждать подходящего момента для нападения.

Он случился в феврале 1385 года. У стен тюрьмы и внутри ее разыгралось настоящее сражение. Балтазар был в очередной раз ранен. Вскочив на лошадей, Косса и Яндра, сопровождаемые друзьями, вырвались из Болоньи.

Балтазар вновь занялся пиратством. Отклонив предложение Гаспара стать его помощником, Косса взял три лодки, которые должны были составить основу будущей эскадры. Затем с несколькими друзьями обошел прибрежные таверны, где набрал экипаж.

Его пиратская карьера продлилась четыре года. Сначала, поскольку в распоряжении Балтазара были только лодки, грабили неподалеку от берега и на самом берегу, но затем пиратам удалось захватить корабль, а вскоре их стало несколько, и флотилия Коссы расширила район действий от северного берега Средиземного моря до южного. В зоне пиратских интересов оказались Тунис, Алжир и Марокко, прибрежные области Испании, Сицилия, Сардиния и Корсика. Грабили как мусульман, так и братьев по вере, христиан. Богатую добычу свозили в родной дом Коссы на острове Искья. Вскоре он оказался переполнен всевозможными товарами, а главное – рабами, торговля которыми приносила огромные деньги.

У пиратов были свои представления о чести. Особенно ревнивы они были в вопросах веры. Поэтому поступок, совершенный Балтазаром на острове Лампедуза, вызвал резкое осуждение в пиратской среде.

Остров Лампедуза, расположенный южнее Сицилии, был в те времена своего рода нейтральной территорией для пиратов Средиземноморья. Мусульмане и последователи Христа в равной степени охотно высаживались на остров, отдыхали там и чинили свои корабли. Но главной его достопримечательностью была пещера, служившая приверженцам разных религий одновременно мечетью и церковью. На одной ее стене висело изображение Девы Марии, у противоположной стены находилась могила мусульманского святого. Христиане складывали свои дары у ног Девы, мусульмане – рядом с могилой святого. Все приношения считались неприкосновенными.

Балтазар Косса это «табу» нарушил. Когда он увидел дары, то приказал погрузить их на свои корабли. Пираты роптали, но авторитет Коссы был непререкаем, и товары переключали в корабельный трюм. Буквально на следующий день после инцидента в пещере корабли Коссы попали в жесточайший шторм. Погибло все: корабли, невольники в трюмах, товары. Вместе с Коссой в лодке спаслись только Яндра, Ринери Гуинджи и одноглазый гигант Гуиндаччо Буанакорса. Более суток их мотало по морю, пока не выбросило, полуживых, на берег. В лодке Балтазар и Гуиндаччо дали обет, что в случае спасения станут священнослужителями.

Не успели пираты прийти в себя, как были схвачены местными жителями, которых они недавно ограбили. Крестьяне узнали своих обидчиков и сначала избили, а потом отправили в ближайший город Ночеру, где пиратов заключили в крепость.

Косса был опознан как жестокий пират, на протяжении нескольких лет терроризировавший побережье Неаполитанского залива. Его ждало справедливое возмездие.

Но в Ночере Балтазар встретил человека, определившего его дальнейшую жизнь, ставшего, можно сказать, крестным отцом будущего хозяина Ватикана.

Этим человеком был папа Урбан VI.

Папа находился в затруднительном положении. Его теснили сторонники антипапы, а в окружении Урбана VI не было человека, которому можно было доверить командование войсками. И вдруг папа узнал, что в городской крепости содержится знаменитый пират Балтазар Косса! «Вот человек, который мне нужен», – решил Урбан VI и приказал доставить к нему Балтазара.

Урбан VI дал понять пленнику, что он и его друзья могут избежать петли, если окажут его святейшеству кое-какие услуги. Косса ответил папе, что занимался пиратством по неведению и, чтобы искупить причиненное им зло, готов стать священником или монахом – как будет угодно его святейшеству. Возглавив папские войска, Косса выступил против врагов папы и неожиданным ударом разгромил их, а затем гнал до самого побережья. В Ночеру Балтазар доставил трофеи – одиннадцать катапульта, захваченных у неприятеля.

Урбан VI дал Коссе новое поручение – заняться расследованием дел тех кардиналов, которые поддерживали Климента VII. Во время процесса Косса выполнял обязанности не только следователя, но и палача, собственноручно пытая престарелых епископов и кардиналов. В конце концов девять из них были задушены или зарезаны, а девять – зашиты в мешки и утоплены. Причем Косса вел следствие, уже будучи посвященным в церковный сан.

Закончив первоочередные дела, Урбан VI поручил Коссе готовить войска для войны с французами и венграми, но она так и не началась: возвращаясь из города Лукка в Рим, папа умер.

Новый папа, Петр Томачелли, принявший имя Бонифация IX, был неаполитанцем и ровесником Балтазара, но... весьма недалеким, к тому же безграмотным. По мнению секретаря Ватикана Дитриха фон Ниму, Бонифаций IX не мог ничего решить самостоятельно и всеми делами фактически заправлял Косса. Он составлял папские буллы и энциклики, писал тексты анафем, которые папа направлял своим врагам, устанавливал цены за должности, объявлял аукционы по ним и придумывал другие способы пополнения папской казны. Бал-

тазар стал незаменимым человеком при папском дворе, и он пользовался выгодами своего положения. Он внимательно следил за изменениями в политической жизни. Когда один из противников Бонифация IX, Колонна, организовал против него заговор, Косса встал во главе папского войска. Заговорщики были разгромлены, главных зачинщиков повесили.

27 февраля 1402 года, отдавая должное заслугам Коссы, Бонифаций IX возвел его в сан кардинала. Коссе было всего тридцать семь лет, и он наслаждался жизнью, устраивая поистине царские пиры и развлечения. Вот что об этом писал Дитрих фон Ним: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые “дела” творил Балтазар Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий».

В начале 1403 года Косса отправился по поручению Бонифация IX в Болонью. Там он попытался разыскать Иму Даверону, с которой не виделся восемнадцать лет. Но Имы в Болонье не оказалось. По словам ее бывшей служанки, она вышла замуж и переехала жить в Милан.

Из Болоньи Косса отправился в Феррару, где возглавил войско, которое вскоре заняло Болонью, Реджо и Парму – города, отошедшие от Папской области и управлявшиеся местными феодалами. В этой операции Балтазар проявил себя не только как способный военачальник, но и как прекрасный политик и превосходный дипломат, ловко использовавший интригу, обман и предательство. В результате 25 августа 1403 года Болонья, Перуджа и Ассизи – самые богатые приходы Папской области – оказались в подчинении папского легата кардинала Балтазара Коссы.

В ноябре 1406 года Балтазара известили о том, что в Риме скорпостижно скончался от апоплексического удара папа Иннокентий VII, преемник Бонифация IX, правивший всего два года.

Ходили слухи, что он отравлен Коссой и его единомышленниками. Со временем эти слухи подтвердились.

В ноябре 1406 года конклав избрал папой Анджело Коррарио, который принял имя Григория XII. Первым протокол об избрании папы подписал Балтазар Косса.

Григорий XII находился в зависимости от всесильного кардинала. Но постепенно он стал тяготиться опекой Коссы и, чтобы ослабить его влияние в среде высших священнослужителей, назначил новых кардиналов. Отношения между папой и первым кардиналом резко обострились. Григорий XII предал Балтазара Коссу анафеме и лишил звания и прав легата. Жители Болоньи и Романьи освобождались от клятвы верности Коссе.

В ответ на это Косса объявил себя абсолютным и независимым властелином областей, которыми он ранее управлял от имени папы. Кроме того, он приступил к объединению священнослужителей и правителей государств, недовольных правлением папы Григория XII.

15 июня 1409 года двадцать четыре кардинала, десять из которых были сторонниками папы Бенедикта XIII, правившего в Авиньоне, и четырнадцать – папы Григория XII, собрались в Пизе, чтобы низложить обоих пап и избрать одного. Косса проделал громадную подготовительную работу, большинство церковных сановников, присутствовавших на нем, высказались за то, чтобы верховным понтификом стал достойнейший из них – Балтазар Косса. Но он отказался от этой чести, мотивируя свой отказ тем, что есть более достойный кандидат на столь высокий пост – грек Петр Филарг, который был его ставленником.

Авторитет Коссы сделал свое дело, и 7 июля 1409 года Петр Филарг стал папой под именем Александра V. В эти же дни Косса встретил Иму. Узнав о соборе, она уговорила мужа приехать в Пизу и вот уже десять дней жила в городе, тайно приходя к дому, где поселился Косса, в надежде увидеть возлюбленного. Балтазар снял лучший дворец в городе, чтобы там встречаться с Имой.

Их идиллия продолжалась почти месяц, пока Яндра не выследила любовников. Нанятый ею убийца четыре раза ударил Иму стилетом. Негодяя схватили и заставили назвать имя заказчика убийства. Хотя раны Имы оказались не смертельными, Косса отравил Яндру...

По странному совпадению в один день с Яндрой, 3 мая 1410 года, умер и папа Александр V, и теперь уже никто не стоял на пути Коссы к престолу апостола Петра. Требовалось лишь собрать кардиналов, которые утвердили бы избрание Коссы.

Конклав кардиналов собрался в Пизе 17 мая 1410 года и состоял из семнадцати человек. Большинство из них были подкуплены Коссой, он обещал им, в случае если они поддержат его кандидатуру, привилегии и льготы.

Неожиданностей не случилось: бывший пират был избран папой. Возведение на престол должно было состояться 25 мая. Косса решил, что станет Иоанном XIII, поскольку симпатизировал Иоанну XII, занимавшему папский престол за сто лет до него.

Став папой, Косса прежде всего обеспокоился пополнением собственной казны, которую он изрядно поистратил на содержание своего предшественника Александра V, а также на подкуп кардиналов.

Косса установил специальные «тарифы», по которым покупались индульгенции по отпущению грехов. Так, если человек убил мать, отца или сестру, он мог искупить этот грех, купив индульгенцию стоимостью в один дукат. За убийство жены полагалось выплатить 2 дуката, жизнь простого священника стоила 4 дуката, жизнь епископа – 9, грех отравления – 1,5, прелюбодеяние – 8, а скотоложство – 12 дукатов.

И так далее. Список «тарифов» был поистине бесконечен, и состояние Иоанна XIII увеличивалось не по дням, а по часам.

Новому папе было уже сорок пять лет, он был обременен государственными делами, однако давняя страсть – любовь к женщинам – не ослабевала в нем. И в поисках все более и более сладострастных утех Иоанн XIII совершил очередное преступление перед людьми и Богом – сделал своей любовницей 14-летнюю внучку, до этого соблазнив свою сестру и мать.

Связь папы с внучкой Динорой продолжалась два года, а затем Иоанн XIII нашел своей любовнице новое применение. Поскольку он давно враждовал с неаполитанским королем Владиславом, то решил поправить положение с помощью Диноры, отправив ее неаполитанскому королю в качестве наложницы. Владиславу понравилась юная красавица, и когда он приблизил ее к себе, Иоанн XIII велел своему аптекарю приготовить любовное снадобье и отослать его Диноре. Снадобье, по словам папы, должно было еще крепче привязать друг к другу Владислава и Динору; на самом же деле оно было ядом, отведав которого, Динора и Владислав отошли в мир иной. Иоанн XIII избавился от политического противника, заплатив за смерть Диноры тысячу флоринов – именно столько запросил аптекарь за изготовление снадобья.

Но деяния такого рода никогда не отягощали сознания Балтазара Коссы. В это время к нему приехала Има. Она ушла от мужа, чтобы никогда больше не покидать любовника. Косса обрел полное спокойствие духа и занялся неотложными государственными делами.

16 ноября 1414 года в вольном имперском городе Констанце под председательством папы Иоанна XIII открылся церковный собор. На церемонию съехались сто пятьдесят делегатов со всей Европы.

Среди членов собора были распространены сведения о преступлениях Коссы. Узнав об этом, Иоанн XIII тайно отправил гонца к своему союзнику, герцогу Фридриху Австрийскому, с просьбой дать ему убежище в случае его бегства из Констанца.

Собор постановил, что отныне высшим церковным органом станет съезд церковных иерархов (то есть собор), которому будет подчиняться и папа. 20 марта 1415 года, почувствовав шаткость своего положения, Иоанн XIII, переодетый конюхом, направился в город Шафхаузен, резиденцию Фридриха Австрийского. Приехав туда и расположившись в неприступ-

ной городской крепости, он отправил письмо императору Сигизмунду, в котором сообщал о своем бегстве. Иоанн XIII рассчитывал на то, что это известие приведет к роспуску собора, поскольку на нем отсутствовал папа.

Собор не распустили, а к папе направили для переговоров послов, которые должны были убедить его вернуться в Констанц. А также напомнить о том, что еще совсем недавно папа обещал отречься от престола, если это будет выгодно церкви. В Констанце считали, что наступил именно такой момент.

Но Иоанн XIII потребовал за свое отречение высокую плату: сохранить за ним Боловью и прилегающие к ней земли, он должен остаться кардиналом с доходом в тридцать тысяч золотых дукатов в год, ему должны выдать индульгенцию с прощением всех его грехов – не только совершенных, но и тех, которые он может совершить в будущем.

Выслушав папу, послы тотчас отбыли в Констанц, где обо всем доложили императору Сигизмунду. Император, человек решительный, приказал немедленно готовиться к войне с Фридрихом Австрийским. Сигизмунда поддерживали церковные иерархи, по настоянию которых собор предал Фридриха анафеме. А спустя некоторое время тридцать тысяч воинов Сигизмунда выступили в направлении Шафхаузена.

Иоанн XIII и Фридрих Австрийский бежали из города, а сам город сдался на милость имперских войск, которые стали разорять и грабить владения Фридриха. Тем временем в Констанце продолжались заседания собора, и два из них были посвящены допросам свидетелей по обвинению Коссы. Свидетели давали такие показания, что даже выдавшие виды следователи не решились внести их в обвинительный акт. Его тщательно отредактировали, и все равно он содержал 54 пункта.

Однако все эти обвинения предъявить было некому, поскольку Иоанн XIII все еще находился на свободе. Обладая колоссальным состоянием, он привлек на свою сторону некоторых крупных феодалов, в том числе правителей Бургундии и Лотарингии. Но силы все равно были неравны, и скоро союзники папы один за другим стали сдаваться Сигизмунду.

17 мая 1415 года Иоанн XIII был пленен во Фрибурге, куда он бежал из Шафхаузена. А тремя днями раньше на специальном заседании собора папа был лишен всех прав и передан в руки правосудия. 29 мая суд вынес окончательное решение по делу Иоанна XIII. В нем бывший папа назывался неисправимым грешником, безнравственным распутником, вором, убийцей, кровосмесителем, нарушителем мира и единства церкви.

Коссу сначала заключили в Готлебенскую крепость, находившуюся в швейцарском городе Тургау. Но новый папа, Мартин V, приказал перевести своего бывшего друга в еще более надежное узилище, в город Мангейм, где он должен был находиться под неусыпным наблюдением курфюрста пфальцского Людвига III, давнего врага Коссы.

Условия содержания в Мангейме были очень суровы. Если бы не Има, которая, подкупая тюремщиков, навещала Коссу, он вряд ли бы выдержал обрушившееся на него испытание.

Через несколько лет с помощью верной Имы Косса договорился с курфюрстом пфальцским, что тот выпустит его на свободу за 38 тысяч золотых флоринов. Сумма была громадная, но речь шла о жизни и смерти, и торговаться не приходилось. К тому же состояние Коссы, награбленное им в разные годы и разными способами, было громадным.

Вместе с Имой Косса сначала перебрался в Бургундию, затем в Савойю и только оттуда – в Италию. Он остановился в одном из городов Лигурии. Косса отправил во Флоренцию Иму с письмом к своему бывшему кардиналу, папе Мартину V. На тот случай, если папа по каким-либо причинам не прочитает письма, Име был дан наказ просить влиятельных людей во Флоренции выступить ходатаями перед Мартином V.

Има исполнила все в точности, и Коссе было дозволено приехать во Флоренцию. Он был принят папой, просил у него прощения и обещал никогда не претендовать на престол

святого Петра. Но, верный себе, попросил у Мартина V откупного. И получил – красную кардинальскую шапку, шапку первого кардинала.

Балтазар Косса продолжал жить вместе с Имой в своем дворце во Флоренции до самой своей смерти, последовавшей 22 декабря 1419 года. Ему были устроены пышные похороны, а позднее Козимо I Медичи, правитель Флоренции, поручил Донато ди Никколо ди Бетто Барди, известному как Донателло, построить над могилой Коссы часовню.

На могильной плите лежит бронзовая, позолоченная маска Коссы, ниже – герб Иоанна XIII, под ним высечены из мрамора кардинальская шапка и папская тиара, надпись гласит: «Здесь покоится прах Балтазара Коссы, бывшего папы Иоанна XIII».

Перкин (Питер) Уорбек (? —1499)

Самозванец. Выдавал себя за сына Эдуарда IV, короля Англии, и претендовал на престол при Генрихе VII. Был принят королями Франции и Шотландии. Его жизнь – один из самых удивительных примеров перевоплощения в мировой истории. Казнен по указанию Генриха VII.

После смерти короля Эдуарда IV остались два несовершеннолетних сына – Эдуард и Ричард. Назначенный протектором Ричард Глостерский, устранив конкурентов в борьбе за власть, объявил себя королем Англии под именем Ричарда III. Он утверждал, что Эдуард IV незаконно занимал трон, поскольку на самом деле он не являлся сыном герцога Йоркского, по этой же причине и его сыновья не могли претендовать на престол. Эдуард V и Ричард были заключены в Тауэр и через некоторое время там же убиты. В 1485 году умерла жена Ричарда III. Короля подозревали в том, что он отравил ее, чтобы жениться на сестре Эдуарда IV Елизавете. Все больше англичан симпатизировали лидеру оппозиции Генриху, графу Ричмонду. В 1485 году, получив помощь от Франции, он повел наступление. В сражении близ Босворта Ричард III был смертельно ранен. С его смертью прекратилась мужская линия династии Плантагенетов. Основатель династии Тюдоров граф Ричмонд взойшел на английский трон под именем Генриха VII. Вскоре он женился на Елизавете. Едва получив корону, Генрих должен был вступить в борьбу за нее.

Однако Маргарита Бургундская, другая сестра Эдуарда IV, не могла смириться с тем, что к власти пришла династия Тюдоров. Она не оставляла в покое Генриха VII, распространяя слухи о том, что второй сын Эдуарда IV, Ричард, герцог Йоркский, не был задушен в Тауэре, – после убийства его старшего брата палачи раскаялись и тайно выпустили младшего на свободу. Эти слухи Маргарита распускала и за границей. Тем временем ее тайные агенты подыскивали красивого и стройного юношу, которого можно было выдать за Ричарда, герцога Йоркского. Наконец поиски увенчались успехом.

Перкин Уорбек, обладавший благородной внешностью и изящными манерами, был примерно того же возраста, что и Ричард. С раннего детства Уорбек много странствовал, поэтому было очень трудно установить, где он родился и кто его настоящие родители. И еще одно немаловажное обстоятельство: король Эдуард IV считался его крестным отцом. Уорбек хорошо знал короля Эдуарда IV и, вполне вероятно, наблюдал некоторые сцены придворной жизни, что могло пригодиться при исполнении роли самозванца. Ему было около десяти лет, когда умер Эдуард.

Вот одна из версий его происхождения. У Джона Осбека и его жены Екатерины де Фаро был сын Питер. Он рос хрупким и изнеженным, поэтому все стали называть мальчика уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Фамилию Уорбек ему дали позднее, но именно под ней Питер прославился.

Еще ребенком он с родителями вернулся в Турне. Чуть позже его отдали на воспитание в дом родственника в Антверпене, и мальчик немало времени проводил в дороге между Антверпеном и Турне. Перкин подолгу жил среди англичан и в совершенстве овладел английским языком. Агент Маргариты Бургундской разыскал его в Антверпене. Обнаружив в нем возвышенный дух и подкупающие манеры, сестра Эдуарда IV подумала, что наконец-то отыскала прекрасную глыбу мрамора, из которой изваяет образ герцога Йоркского.

Маргарита окружила его существование глубокой тайной. Она обучала Перкина изящным манерам, наставляя, как соблюсти величие, но не утратить печати смирения, наложенной перенесенными невзгодами; затем рассказала подробно о Ричарде, герцоге Йоркском, которого ему предстояло играть, описала нрав, манеры и внешность короля и королевы – его мнимых родителей, его брата, сестер и многих других людей, составлявших в детстве его ближайшее окружение, а также те события, которые произошли до смерти короля Эдуарда и могли запечатлеться в памяти ребенка. Она рассказала, что случилось после смерти короля. Что касается мнимого заточения в Тауэре, обстоятельств гибели брата и его собственного побега, то она знала, что в этом его способны уличить немногие, и потому ограничилась тем, что сочинила для него правдоподобную историю, от которой он не должен был отклоняться.

Заговорщики также обсудили, что он будет говорить о своих скитаниях на чужбине. Маргарита научила его обходить всевозможные коварные вопросы, которые ему будут задавать. Впрочем, Перкин обладал такой находчивостью, что она во многом положила на его ум и находчивость. Наконец, Маргарита Бургундская распалила его воображение несколькими пожалованиями в настоящем и посулами большего в будущем, живописуя главным образом славу и богатство, какие принесет ему корона, если все пройдет гладко, и пообещала надежное прибежище при своем дворе, если их замысел провалится.

Маргарита решила, что мнимый сын Эдуарда IV должен объявиться в Ирландии в то время, когда король Генрих VII вступит в войну с Францией. Если из Фландрии он сразу направится в Ирландию, то могут подумать, что это произошло не без ее участия. Кроме того, в 1490 году английский и французский короли вели еще переговоры о мире. Поэтому Перкин под чужим именем выехал в Португалию с леди Брэмpton, англичанкой, и со своим сопровождающим. Там Перкин должен был затаиться, пока не получит от покровительницы дальнейшие указания. Сама же Маргарита готовила почву для его приема и признания не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе.

Перкин Уорбек провел в Португалии около года. Когда король Англии созвал парламент и объявил войну Франции, он отправился в Ирландию.

Уорбек прибыл в город Корк. Сразу по прибытии в Ирландию он выдал себя за герцога Йоркского и начал вербовать сторонников и последователей. Он разослал письма графам Десмонду и Кялдеру, в которых призывал их прийти к нему на помощь и примкнуть к его партии.

Маргарита сумела привлечь на свою сторону доверенного слугу короля Генриха, Стефана Фрайона, который был у него секретарем. Фрайон перебежал от него к королю Франции Карлу и поступил к нему на службу. Карл, поняв замысел Перкина, немедленно отправил Фрайона и некоего Лукаса к Перкину, дабы те уведомили его, что французский король хорошо к нему расположен и желает помочь ему отстоять свое право перед королем Генрихом, узурпатором английского престола и врагом Франции, и приглашал его приехать в Париж.

Перкин приободрился. Сообщив своим друзьям в Ирландии, что услышал зов судьбы, он отправился во Францию.

В Париже самозванец был с великими почестями принят королем, который приветствовал и величал его герцогом Йоркским. Карл поселил Уорбека в великолепных покоях и приставил к его особе почетную охрану. В ту же пору у Перкина побывали многие знат-

ные англичане: сэр Джордж Невилл, сэр Джон Тейлор и около сотни других. А Стефан Фрайон стал главным советником и участником всех предприятий Уорбека. Но со стороны французского короля все это было лишь уловкой, для того чтобы склонить короля Генриха к миру. Впрочем, дорожа своей честью, король Франции не пожелал выдать самозванца королю Генриху (о чем его настоятельно просили), а предупредил Уорбека об опасности и отослал от двора.

Перкин и сам хотел уехать, опасаясь, как бы его не похитили тайно. Он поспешил во Фландрию, к герцогине Бургундской, и там предстал изгнанником, который после многих превратностей судьбы направил свой челн в эти края в надежде обрести безопасную гавань. При этом он вел себя так, словно приехал во Фландрию впервые. А Маргарита притворилась, будто видит перед собой чужака и незнакомца, заявив при этом, что сначала ей необходимо расспросить юношу и удостовериться, действительно ли перед ней герцог Йоркский.

Выслушав его ответы, она сделала вид, что изумлена, обрадована, но в то же время боится поверить в его чудесное избавление. Наконец приветствовала его как восставшего из мертвых, воскликнув, что Бог недаром столь дивным образом уберег его от гибели, уготовив ему великое и счастливое будущее. Да и сам Перкин излучал столько любезности и королевского величия, он так убедительно отвечал на любые вопросы, так ублажал всех, кто к нему являлся, так изящно скорбел и колол презрением всякого, кто выказывал ему неверие, что все решили, что он и есть герцог Ричард. Поэтому герцогиня, как бы отрешившись от последних сомнений, оказывала ему почести, подобающие государю, всегда называла его именем своего племянника и назначила почетную охрану из тридцати человек – алебардщиков, облаченных в ливреи багряных и голубых цветов. Не менее почтительны в обращении с ним были и все ее придворные, будь то фламандцы или иноземцы.

Весть о том, что герцог Йоркский жив, быстро разлетелась по Англии. Говорили, что Ричарда сначала приютили в Ирландии, а потом приютили и предали во Франции и что ныне он признан и живет в большой чести во Фландрии.

Генриха VII начали обвинять в том, что он обирает народ и унижает знать. Припомнили ему и потерю Бретани, и мир с Францией. Но больше всего его укоряли за то, что до сих пор не признана первичность прав королевы Елизаветы на престол. Теперь, говорили в народе, когда Бог явил свету мужского отпрыска дома Йорков, ему несдобровать. Эти слухи распространились столь широко, что вскоре лорд-камергер королевского двора сэр Уильям Стенли, лорд Фитцутер, сэр Саймон Маунтфорд и сэр Томас Твейтс вошли в тайный сговор в пользу герцога Ричарда. Особенно порадовал леди Маргариту приезд сэра Роберта Клиффорда – прославленного и родовитого дворянина. Переговорив с ним, она привела его к Перкину, с которым он потом часто и подолгу беседовал. Наконец, то ли поддавшись убеждениям герцогини, то ли поверив Перкину, он написал в Англию, что знает Ричарда, герцога Йоркского, как самого себя, и что сей молодой человек – несомненно, тот, за кого себя выдает. Таким образом, все в этой стране готовилось к смуте и мятежу, а между заговорщиками во Фландрии и в Англии установились тесные сношения.

Генрих VII должен был разоблачить самозванца и заговорщиков. Для этого ему нужно было найти свидетельства того, что герцог Йоркский действительно убит, или доказать, что Перкин – самозванец.

Король попытался выяснить происхождение самозванца. Он отправил в несколько стран, в том числе и во Фландрию, своих агентов. Некоторые из них выдали себя за перебежчиков и, явившись к Перкину, примкнули к его окружению, другие под разными предлогами стали выспрашивать и выискивать все обстоятельства и подробности, касавшиеся родителей Перкина, его происхождения, характера и странствий, короче, всего, что помогло бы составить его биографию.

Генрих VII щедро оплачивал услуги своих агентов, обязав их постоянно сообщать ему обо всем, что они узнают. Благодаря шпионам король был хорошо осведомлен о каждом участнике заговора в Англии. К тому же ему удалось завоевать расположение сэра Роберта Клиффорда. Генрих VII распространил во всему королевству сведения, разоблачавшие авантюриста Перкина и его ложь о своем происхождении и скитаниях, – сделано это было с помощью придворных сплетен, которые гораздо эффективнее, чем прокламации. Тогда же он решил, что настало время отправить посольство к великому герцогу Филиппу во Фландрию, дабы убедить его отступить от Перкина и отослать его от двора.

После недолгого совещания Совет дал послам следующий ответ: великий герцог из любви к королю Генриху никоим образом не станет помогать мнимому герцогу, он во всем сохранит дружбу с королем. Что же касается вдовствующей герцогини, то она самовластна в землях, отошедших к ней в приданое, и он не может заставить ее поступиться своим имением.

Генриха VII такой ответ отнюдь не удовлетворил, ибо он-то хорошо знал, что приданое не включает в себе суверенных прав, таких, как право набора войска. Кроме того, послы сказали ему, что, по их наблюдениям, самозванец имеет в совете Филиппа сильных сторонников и, хотя великий герцог пытается представить дело так, будто он лишь не препятствует герцогине укрывать Перкина, в действительности он сам оказывает ему помощь и содействие.

Зная, что Перкин больше полагался на друзей и сообщников в Англии, чем на иностранное оружие, король решил, что ему следует сурово наказать нескольких главных заговорщиков в королевстве и тем самым развеять надежды фландрской партии. Король призвал к себе избранных советников и Клиффорда. Последний, бросившись к его ногам, взмолился о прощении, которое король ему тут же и даровал, впрочем, в действительности ему втайне обещали жизнь еще раньше. Затем Клиффорд рассказал все, что ему известно, и, в частности, донес на сэра Уильяма Стенли.

Тайтлер в своей «Истории Шотландии» по поводу показаний сэра Клиффорда, получившего прощение Генриха 22 декабря 1494 года, пишет: «Это разоблачение стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по-видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители приграничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось то, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигэмов, Никсонов и Генрисонов, спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным».

Эти казни, в особенности казнь лорда-камергера, главной опоры заговорщиков, которого к тому же выдал сэр Роберт Клиффорд, – а они ему очень доверяли, – ошеломили Перкина и его сообщников.

Уорбек по-прежнему рассчитывал на привязанность простого люда к дому Йорков. Простонародью не нужно столько обещаний, как знатым особам, думал он, и, чтобы завоевать его привязанность, достаточно воздвигнуть в поле штандарт. Местом своей будущей вылазки он избрал берег Кента.

В это время король, получив тайную весть о намерении Перкина высадиться в Корке, решил заманить его и нарочно уехал подальше на север, чтобы, открыв самозванцу фланг, заставить его подойти вплотную и напасть на него. Войско Перкина состояло, в основном,

из разорившихся гуляк, воров или грабителей. С ним он вышел в море и в начале июля 1495 года стал близ кентского берега, между Сэндвичем и Дилом.

Там он бросил якорь. Поняв, что за Перкином не стоят знатные англичане и что его воины – чужеземцы, способные скорее обчистить окрестности, чем отвоевать королевство, жители Кента обратились к первым дворянам графства и, поклявшись в верности королю, пожелали, чтобы ими располагали и распоряжались так, как лучше для блага короля.

Посоветовавшись, дворяне направили часть сил на берег, чтобы знаками выманить солдат Перкина на сушу как бы для того, чтобы с ними соединиться, а остальным велели появляться в разных местах берега и создавать видимость поспешного отступления, чтобы побудить их к высадке.

Однако Перкин решил не высаживаться с корабля, пока не убедится, что все надежно. Поняв, что больше им никого не выманить, англичане набросились на тех, кто уже высадился, и порубили их. В этой стычке (помимо убитых во время бегства) были схвачены около ста пятидесяти пленников.

Генрих VII для устрашения приказал всех пленников повесить. Перкин же снова отплыл в Ирландию. Здесь он перевел дух, после чего решил искать помощи у Якова, молодого и доблестного короля Шотландии, жившего в ладу со знатью и народом, и противника короля Генриха. В то же время к английскому королю испытывали неприязнь эрцгерцог Максимилиан и король Франции Карл, которые так обеспокоились судьбой Уорбека, что оба тайными письмами и грамотами рекомендовали его королю Шотландии.

Перкин приехал в Шотландию с большой свитой и был с почестями встречен королем. Он прибыл в Стерлинг 20 ноября 1495 года.

Перкина торжественно ввели к королю. Тот оказал ему теплый прием.

Король Яков обещал гостю, что, кем бы он ни был, он никогда не раскается, что отдал себя в его руки. С того самого времени шотландец, то ли очарованный любезным и пленительным обхождением Перкина, то ли поверив рекомендациям великих чужеземных государей, то ли желая воспользоваться поводом к войне с королем Генрихом, стал вести себя с ним, как с Ричардом, герцогом Йоркским. И чтобы развеять последние сомнения в том, что он принимает его за великого государя, а не за самозванца, король дал согласие, чтобы герцог взял в жены леди Екатерину Гордон, дочь графа Хантли и близкую родственницу самого короля, молодую девственницу редкой красоты и добродетели.

Вскоре король шотландцев, сопровождаемый Перкином, с большим войском, состоявшим, в основном, из жителей приграничных районов, вступил в Нортумберленд.

Однако призыв Перкина сплотиться вокруг него не получил отклика у народа. Тогда король Шотландии обратил свое предприятие в набег и огнем и мечом опустошил и разрушил графство Нортумберленд. Узнав, что против него посланы войска, он с большой добычей вернулся в Шотландию. Говорят, что, когда Перкин увидел, что шотландцы принялись опустошать деревни, он, пылая негодованием, явился к королю и потребовал, чтобы война не велась варварским образом, ибо ему не нужна корона, добытая ценой крови и разорения его страны.

Между тем короли Шотландии и Англии начали вести переговоры о мире. Однако вскоре они зашли в тупик. Главным препятствием было требование Генриха VII выдать ему Перкина как лицо, не охраняемое международным правом. Яков наотрез отказался это сделать, говоря, что он плохой судья правам Перкина, но он принял его как просителя, защитил как беглеца, искавшего убежища, дал ему в жены свою близкую родственницу и теперь, по чести, не может выдать его врагам, ибо это означало бы перечеркнуть и признать ложью все, что он перед тем говорил и делал.

Однако король Шотландии, не меняя своей официальной позиции в отношении Перкина, после частых бесед с англичанами и других свидетельств заподозрил, что Перкин –

самозванец. Яков призвал его к себе и, перечислив все благодеяния и милости, которые он ему оказал, посоветовал Перкину подумать о своей судьбе и выбрать более подходящее место изгнания, добавив, что англичане разоблачили его перед шотландским народом, тем не менее он исполнит свое обещание и предоставит ему корабли.

Перкин отвечал королю, что, по-видимому, его время еще не пришло, но, как бы ни сложилась его судьба, он будет думать и говорить о короле по чести. Вместе с женой и преданными сторонниками авантюрист переправился в Ирландию.

Недавние народные волнения в Корнуолле, казалось, не имели никакого отношения к Перкину, хотя его прокламация, обещавшая упразднить поборы и платежи, затронула верную струну, и корнуэльцы поминали его добром. К моменту приезда Перкина корнуэльские мятежники, взятые в плен и получившие прощение, вернулись в свое графство. Однако некоторые из них, прослышав, что Перкин в Ирландии, известили его, что, если он к ним придет, они будут ему служить.

Советники убедили Перкина, что следует полностью опереться на народ и потому надо побыстрее плыть в Корнуолл.

Перкин переправился туда на четырех маленьких барках с 80 воинами. Он причалил в бухте Уитсэндбей. В Бодмине к нему присоединилось до трех тысяч корнуэльцев.

Самозванец выпустил прокламацию, в которой раздавал народу щедрые обещания и разжигал его выпадами против короля и правительства. Перкин начал величать себя Ричардом IV, королем Англии. 17 сентября повстанцы осадили Эксетер, самый сильный и богатый город в тех краях. Подойдя к Эксетеру, они пообещали жителям, что если те первыми признают короля, то он превратит их город в новый Лондон. Однако горожане на провокации не поддавались.

21 сентября Перкин снял осаду и двинулся в Тонтону. Подступив к Тонтону, Перкин, изображая бесстрашие, весь день делал вид, что готовится к бою, но около полуночи в сопровождении трех десятков всадников бежал в Больё, что в Нью-Форесте, бросив корнуэльцев на произвол судьбы. Узнав о бегстве Перкина, Генрих VII выслал пятьсот всадников, чтобы перехватить его, прежде чем он достигнет моря или того малого островка, который называли святилищем. Но отряд подоспел слишком поздно. Поэтому всадникам оставалось лишь окружить убежище и выставить охрану, ожидая дальнейших распоряжений короля.

Генрих VII отправил делегацию для переговоров с Перкином, который с радостью согласился на его условия, поскольку был в плену и лишен всяких надежд. Перкина доставили ко двору. Он пользовался свободой, но находился под постоянным наблюдением.

Перкин пытался бежать, но был пойман. Перкина заковали в кандалы, забили в колодки на эшафоте, воздвигнутом во дворе Вестминстерского дворца, и продержали так весь день. На следующий день то же самое повторилось на перекрестке в Чипсайде, и в обоих местах он вслух читал свою исповедь. Из Чипсайда его перевели и заточили в Тауэр.

Перкин пытался бежать и из Тауэра, и снова неудачно. После неудавшегося побега Перкина, согрешившего против помилования в третий раз, подвергли суду.

16 ноября 1499 года он был приговорен к смерти, а через несколько дней казнен в Тайберне.

Эрнан Кортес (1485–1547)

Испанский конкистадор. В 1504–1519 годах служил на Кубе. В 1519–1521 годах возглавил завоевательный поход в Мексику, приведший к установлению испанского господства. В 1522–1528 годах – губернатор, а в 1529–1540-х – капитан Новой Испании (Мексики). В 1524 году в поисках морского прохода из Тихого океана в Атлантический пересек Центральную Америку. В последние годы жизни проявил себя как талантливый колонизатор.

Двое знаменитых конкистадоров были родом из испанской провинции Эстремадура. Эрнан Кортес появился на свет в городке Медельин, Франсиско Писарро – в Трухильо. Между ними существовала и родственная связь: Кортес был сыном Мартина Кортеса де Монро и донны Каталины Писарро Альтамарино. Кортес, Монро, Писарро, Альтамарино – древние знатные фамилии, отец и мать Кортеса принадлежали к сословию идадьго. Полное имя будущего завоевателя было Эрнан Кортес-и-Писарро.

Отец Эрнана Кортеса прочил единственному сыну карьеру юриста. В четырнадцать лет юношу отправили в университет города Саламанки. Однако через два года Эрнан вернулся домой.

После ухода из университета Кортес проводил свои дни в праздности.

Пылкий и резкий юноша уже тогда подумывал о карьере военного.

В 1504 году девятнадцатилетний Кортес отправился на остров Эспаньолу. Здесь, на Гаити, Кортес обратился в Санто-Доминго с ходатайством о предоставлении ему права гражданства и о выделении земли. Губернатор Овандо выделил ему землю и индейцев для работ. Кроме того, Кортесу, как юристу, дали должность секретаря в совете вновь основанного города Асуа, где он прожил шесть лет. Однако Эрнан не отказался от своей склонности к приключениям и участвовал в боевых действиях против восставших индейцев.

В 1511 году Диего де Веласкес начал завоевание Кубы. Кортес, отказавшись от своих владений, сменил спокойное существование землевладельца на полную приключений жизнь конкистадора. Во время кубинского похода он благодаря своей открытой, жизнерадостной натуре и мужеству приобрел немало друзей. Кортес находился в фаворе у вновь назначенного губернатора Веласкеса и даже стал личным секретарем своего покровителя. Он поселился в первом испанском городе на Кубе, в Сантьяго-де-Барракоа, где дважды избирался алькальдом (городским судьей). Он достиг успехов и как землевладелец, занявшись разведением овец, лошадей, крупного рогатого скота. В последующие годы он полностью посвятил себя обустройству своих поместий и с помощью выделенных ему индейцев добыл в горах и реках большое количество золота.

Веласкес назначил Кортеса главнокомандующим экспедиции в Центральную Америку. Эрнан без промедления приступил к снаряжению флота. Он заложил свои имения, занял деньги у нескольких богатых граждан Сантьяго. Репутация Кортеса, а также весть о богатстве вновь открытых стран заставили многих искателей приключений поспешить под его знамена. Было снаряжено шесть кораблей, более трехсот человек вызвались принять участие в экспедиции.

Однако Веласкес хотел ограничить размеры экспедиции небольшим количеством участников и кораблей, а цели ее – продолжением открытий, чтобы затем самому приступить к колонизации страны. Размах приготовлений вызвал недовольство губернатора, и он отстранил Кортеса от командования экспедицией.

Кортес в этой непростой для него ситуации проявил способность быстро принимать решения, что впоследствии не раз спасало экспедицию от верной гибели. Несмотря на то что экипаж не был полностью укомплектован, а корабли недостаточно оснащены, Эрнан Кортес тайно отдал приказ поднимать паруса. В полночь небольшая флотилия снялась с якоря. Кортес рисковал головой, лишь успех экспедиции мог спасти его.

В Тринидаде Кортес пополнил запасы и приказал поднять свой штандарт черного бархата, на котором были изображены красный крест, окруженный белыми и синими языками пламени, и надпись на латинском «*In hoc signo vinces*» («С этим знаком побеждаю»). К экспедиции присоединялись все новые и новые люди. В конце концов в завоевании Мексики приняли участие около 2000 испанцев. С этим отрядом Кортес отправился в самый рискованный и трудный военный поход своего века.

10 февраля 1519 года эскадра взяла курс на мыс Сан-Антонио, выбранный в качестве места сбора. Экспедиция состояла из 11 старых судов. 18 февраля был взят курс на Юкатан.

Наконец экспедиция достигла устья Рио-Тапаско, или Рио-Грихальва, как эта река была названа в честь ее первооткрывателя. Испанцы заняли столицу провинции Тапаско и вскоре пожалели, что пустились на подобную авантюру, поскольку к городу подошли многочисленные отряды индейцев.

После долгих раздумий Кортес решился дать противнику бой. Отступление в самом начале похода подорвало бы моральное состояние его людей и вдохновило индейцев. 25 марта 1519 года, в день Благовещения, члены экспедиции прослушали мессу, а затем бросились в бой. И хотя испанцам противостояли превосходящие силы аборигенов, они одержали победу. Индейцы, прежде не видевшие лошадей, в паническом страхе обратились в бегство, а всадники, возглавляемые лично Кортесом, с криками «Сантьяго!» устремились вслед за ними. На месте победы впоследствии была сооружена новая столица провинции, названная Санта-Мария-де-ла-Виктория.

Потери испанцев оказались незначительными. Жители Тапаско, потерявшие несколько тысяч человек, заключили с испанцами мир. Вожди преподнесли подарки, и в их числе 20 индейских девушек, которых Кортес после крещения распределил среди своих капитанов. Одна из них, Марина, родила Кортесу сына, получившего в честь деда имя – дон Мартин Кортес и впоследствии ставшего командором рыцарского ордена в Яго...

Экспедиция продолжила путь. В Сан-Хуан-де-Улуа состоялась первая встреча с могущественным правителем Мексики Монтесумой. По рассказам, индейских послов можно было судить о величии и власти империи ацтеков. Идея покорить силой государство, в котором около двух миллионов воинов, отрядом из 600 человек должна была показаться чистейшим безумием. Завоевать Мексику можно было лишь с помощью политических и дипломатических средств, путем ловкого использования раскола, существовавшего внутри индейского народа.

Через неделю послы Монтекумы вновь прибыли в лагерь испанцев. Сотня носильщиков доставили подарки властителя завоевателям. К удивлению индейцев, Кортес заинтересовал желтый металл, который добывался в горных рудниках. Сами индейцы называли золото «нечистотами богов».

С помощью драгоценных подношений Монтекума стремился заставить чужаков отказаться от плана захвата мексиканской столицы. Властитель не подозревал, что именно его богатые дары еще больше вдохновили испанцев на продвижение к источнику этих сокровищ. Эрнан Кортес, прежде чем двинуться в глубь Мексики, заложил на побережье поселок – Вилья-де-ла-Вера-Крус. Для того чтобы соблюсти хотя бы видимость законности, Кортес возложил все полномочия на назначенный им самим городской совет и попросил об отставке с должности главнокомандующего. Власть губернатора Диего Веласкеса сменила власть совета Веракрус. Кортес стал верховным судьей и генерал-капитаном.

В своем решении пробиться к таинственной столице мексиканской империи Кортес нашел неожиданных, а потому столь желанных союзников в лице тотонаков, врагов мексиканцев. Индейцы из этого племени предложили Кортесу посетить их столицу Семпоаллу.

Для того чтобы еще прочнее привязать к себе тотонаков, Кортес приказал захватить пятерых мексиканских сборщиков налогов. При этом он вел двойную игру, поскольку приказал своим людям тайно освободить ацтекских чиновников и отправить их к Монтекуме с дружественным посланием. Таким образом, Кортес снискал расположение тотонаков, а с другой стороны, удостоился благодарности мексиканцев, которые не подозревали о коварстве испанца.

Но конкистадору нужно было заручиться поддержкой еще и испанского короля, чтобы избежать возможных санкций со стороны Веласкеса. Кортес отказался от полагавшейся ему пятой части всей завоеванной до тех пор добычи и сумел уговорить солдат отказаться от своей доли в пользу короля.

В июле 1519 года лучший корабль эскадры при попутном ветре отплыл в Испанию. Для Эрнана Кортеса прием его посланников при дворе оказался триумфальным. Король выразил свою благодарность и вместе с придворными восхищался произведениями искусства Нового Света. Король узаконил деятельность конкистадора; одновременно он отдал распоряжение снарядить три корабля в помощь Кортесу.

16 августа 1519 года испанские завоеватели вместе с тотонаками выступили в направлении мексиканской столицы Теночтитлана. У крутых склонов Кордильер был разбит лагерь.

На четвертый день отряд наконец вошел в горы. Начался крутой подъем к укрепленному городу, который Диас в своих записках называет Сокочима. К нему вело две тропы, вырубленные в скале в виде лестниц и очень удобные для обороны. Однако местный касик получил от Монтекумы приказ пропустить испанцев.

Преодолев перевал, конкистадоры вступили на земли враждебно настроенных племен. Как сообщает Берналь Диас, первое столкновение с главными силами тласкаланцев произошло 2 сентября 1519 года, а через три дня разыгралось еще одно крупное сражение. Кортес утверждал в своих письмах королю, что индейцев было 139 тысяч. Битва происходила на равнине, где и конница, и артиллерия могли развернуться. Тласкаланцы атаковали гуртом, и артиллерия косила их, как траву, а получившие боевую закалку испанские солдаты врывались в толпу неприятеля подобно римским легионерам. Однако вскоре у испанцев осталась всего дюжина лошадей, победу же Кортесу принесли острые клинки пехотинцев.

Впоследствии тласкаланцы нападали небольшими отрядами, которые состязались между собой за честь пленить живого испанца. Но окрестные вожди уже начинали приходить в лагерь с мирными предложениями.

В это время к Кортесу явилось еще одно посольство от Монтекумы – шесть вождей со свитой из двухсот человек, которые принесли в подарок Кортесу золото, поздравления с победой и, что куда важнее, весть о том, что Монтекума готов не только стать вассалом испанского короля, но и платить ежегодную дань при условии, что испанцы не вступят в столицу Мексики. Это была одновременно и взятка, и сделка. Таким образом, Кортес получил возможность вести тонкую игру. Он все еще не доверял тласкаланцам и признавал, что «продолжал обхаживать и тех, и других, тайком благодаря каждую сторону за совет и делая вид, будто испытывает к Монтекуме более теплые чувства, нежели к тласкаланцам, и наоборот».

Вступив в Тласкалу, Кортес не только завоевал тридцатитысячный город, но и весь округ, «девяносто лиг в окружности», поскольку Тласкала была столицей страны, которую можно было назвать республикой. Сам город, по словам Кортеса, «более крупный, чем Гранада, и гораздо лучше укрепленный», лежал в низине среди холмов, а некоторые храмы стояли в окружавших столицу горах. В Тласкале Кортес собрал сведения о мексиканской столице и о самих мексиканцах. Тласкаланцы сообщили ему, сколько подъемных мостов на дамбах и даже какова глубина озера. Они оценивали численность мексиканских армий одного только Монтекумы в 150 тысяч воинов. Тласкаланцы были уверены в том, что испанцы – их единственная надежда в борьбе против Монтекумы, поэтому Кортес получил поддержку всей страны.

12 октября 1519 года испанская армия, усиленная 5000 тласкаланцами, выступила в находящуюся в 40 километрах Чолулу, которая считалась верным союзником Теночтитлана. В этом городе находилось множество роскошных теокалли. Здесь процветали искусства и ремесла.

Утром 13 октября испанцев встретила процессия жителей Чолулу. Чужеземцев, которых со дня появления считали теулями (богами), окурили ароматом растительной смолы. По просьбе вождей индейцы из вспомогательных отрядов Кортеса разбили лагерь вне города, в то время как сами испанцы были расквартированы в самом Чолулу. Однако Кортес подозревал, что им готовят ловушку.

Он пригласил к себе местных вождей, сделав вид, что завтра собирается покинуть город, и попросил их выделить 2000 таманов (носильщиков). Вожди охотно согласились.

Рано утром во дворе дома, где жили испанцы, появились носильщики, а также местные вожди, которых пригласили для прощания. Кортес призвал вождей к себе и обвинил их в заговоре. По сигналу в город вошли тласкаланцы. Начались поджоги и всеобщее разграбление города. Весть о жестоком наказании Чолулы распространилась по всем провинциям империи ацтеков. Страхи Монтекумы получили подтверждение, властитель Мексики решил принять в столице конкистадора.

1 ноября 1519 года испанцы в строгом походном порядке выступили в направлении столицы Мексики. Теночтитлан, который называли «Венецией ацтеков», произвел грандиозное впечатление на европейцев, но к изумлению добавилось все возрастающее беспокойство, ибо, по выражению Берналя Диаса, «перед нами был большой город Мехико, а нас было менее 400 солдат». Кортес понимал, что в случае разрушения мостов город превратится для его отряда в ловушку. Поэтому одной из первых его задач стало строительство четырех бригадин, которые сделали бы его не зависимым от дорог, идущих по дамбам.

Монтекума приветствовал чужеземцев поклоном. Затем произошел традиционный обмен подарками. В сопровождении торжественной процессии испанцы прошли ко дворцу отца Монтекумы Асаякатля, где должен был состояться прием.

Кортес использовал как политические, так и военные средства для осуществления своих планов. В Веракрусе индейцы убили нескольких испанцев, в том числе командира Эскаланте. Поэтому 14 ноября 1519 года Кортес приказал арестовать своего гостеприим-

ного хозяина Монтесуму прямо в его дворце, обвинив властителя в организации нападения в Веракрусе.

В своем докладе Карлу V Кортес представил свои насильственные действия как меру, необходимую для обеспечения безопасности испанцев и для соблюдения интересов короля. Пленный император служил гарантом безопасности его солдат, ведь в этом авторитарном государстве никто не решился бы предпринять что-либо против европейцев без санкции Монтесумы.

Следующим шагом Кортеса стала организация официального отречения Монтесумы от престола. В декабре 1519 года в присутствии высших персон империи был проведен формальный акт принесения присяги на верность испанскому монарху, ввиду отсутствия представленному персоной Эрнана Кортеса. Подчинение страны верховной власти Карла V было торжественно заверено нотариусом.

После перехода власти к Кортесу Монтесуме ничего не оставалось, как подарить сокровища отца чужеземцам. Индейцы ценили золото лишь в виде искусных украшений, испанцы же переплавляли драгоценные произведения искусства в слитки и ставили на них королевское клеймо.

В начале мая 1520 года, спустя шесть месяцев после прибытия в Теночтитлан, с побережья пришло сообщение, которое обеспокоило Кортеса. В Мексике объявилась карательная экспедиция под командованием Панфило де Нарваэса. Ее послал Диего Веласкес для расправы с непокорным Кортесом.

Перед конкистадором возникла угроза войны на два фронта. Попытки договориться с Нарваэсом не увенчались успехом.

Зная о большом численном превосходстве армии Нарваэса, Кортес тем не менее разделил свое и без того немногочисленное войско. Небольшому отряду удалось незамеченным пробраться к столице тотонаков, где расположился карательный отряд, и застать противника врасплох. Армия кубинского наместника сложила оружие. Таким образом, Кортес, недавний возмутитель спокойствия, стоявший во главе кучки авантюристов, стал независимым предводителем армии, доселе не виданной в Новом Свете.

Но в это время Эрнан получил тревожные сообщения из Теночтитлана: ацтеки напали на гарнизон. Мексиканцы имели достаточно оснований для того, чтобы использовать отсутствие Кортеса для нападения на испанцев в Теночтитлане: пленение их правителя, опустошение дворцов, кража сокровищ из золота и серебра, осквернение храмов и разрушение изображений богов... И, наконец, присутствие смертельных врагов, тласкаланцев, что больше всего оскорбляло гордый народ теноча.

24 июня 1520 года, когда положение испанцев в Теночтитлане стало отчаянным, Кортес вновь вошел в мексиканскую столицу. Со своим отрядом он пробился ко дворцу Асякатля и оказался в осаде. Кортес приказал построить переносной деревянный мост, с помощью которого можно было преодолеть разрушенные переходы через каналы.

30 июня 1520 года Кортес отдал приказ о выступлении из столицы. В ночь на 1 июля, когда испанцы переходили через мост, индейцы напали на завоевателей и нанесли им сокрушительный удар. В пресловутую ночь печали погибли все орудия, 80 лошадей, 459 испанцев. Были уничтожены весь обоз и большая часть захваченных в спешке сокровищ. Кортес едва не погиб.

7 июля 1520 года у Отомпана, или, как его называют испанцы, Отумбы, Кортес встретился с огромной армией мексиканцев, примерно в 200 000 воинов, а у испанцев больше не было огнестрельного оружия. Тем не менее испанцы и тласкаланцы с яростью обрушились на превосходящие силы противника. Кортес во главе конного отряда прорвался сквозь гущу врагов и пронзил пышно одетого вождя ацтеков копьем. Когда индейцы увидели свои штандарты в руках испанцев, они запаниковали и бросились бежать.

Окрыленный успехом, Кортес решил снова завоевать мексиканскую столицу. Он приказал построить 13 бригантин, которые после испытаний были разобраны. Носильщики-индейцы перенесли их через сьерру к озеру Тескоко. Бригантины были вновь собраны на расстоянии 800 метров от берега; одновременно около 40 000 индейцев были заняты рытьем канала, ведущего к озеру. Почти семь месяцев длились эти приготовления.

28 декабря 1520 года Кортес со своей внушительной армией отправился в Мексику. Он выбрал нелегкий, но безопасный путь через дикую сьерру. Перед началом штурма Теночтитлана у Кортеса были 650 человек пехоты, 194 стрелка, 84 кавалериста и вспомогательные индейские отряды численностью 24 000 человек, а также три тяжелые пушки и 15 полевых орудий.

20 мая 1521 года начался штурм мексиканской резиденции. Бригантины уничтожили всю флотилию индейских каноэ. Но продвижение по дамбам шло с большими потерями, поэтому Кортес решил взять Теночтитлан осадой. Мексиканцы, имеющие большое превосходство в живой силе, продолжали сопротивляться.

13 августа 1521 года испанцы ворвались в город и, подавив сопротивление оборонявшихся, захватили его. По разным данным, погибли и умерли от голода или болезней от 24 до 70 тысяч мексиканцев. Точное число потерь испанцев тоже не установлено; по меньшей мере 100 человек попали в плен и были принесены в жертву языческим богам, примерно столько же погибли. Потери союзников приближались к 10 тысячам.

Осада продлилась 75 дней, и, согласно сообщениям Кортеса, не было дня без боя с индейцами. Вождь ацтеков Куаутемок во время бегства попал в руки испанцев и, закованный в цепи, предстал перед Кортесом.

Однако сокровища, ради которых, собственно, и затевалась эта грандиозная операция, бесследно исчезли. Куаутемок даже под пытками не сказал, где они спрятаны.

До 1524 года испанские конкистадоры основали в Мексике несколько городов. Кортес большую часть времени проводил в Койоуакане, откуда лично руководил восстановлением Теночтитлана. В эти годы он проявил себя как талантливый колонизатор. По воле испанца путем слияния древнеамериканской и христианских культур должна была возникнуть новая, иберо-американская культура. Большой прогресс был достигнут и в обращении индейцев в христианство. Кортес просил короля прислать миссионеров «доброй и образцовой жизни».

Сам Кортес на протяжении всей жизни пользовался доверием индейцев, которые, по свидетельству очевидцев, очень уважали и почитали его. Однако недоверие испанского двора к конкистадору и отношение королевских чиновников в самой Мексике не позволили Эрнану Кортесу осуществить свою мечту – распространить власть Испании до Южного моря и до берегов Азии. Тем временем его, принесшего монарху в качестве трофея могущественную державу, завистники обвинили в стремлении к отделению от испанской короны. Кортес отправился в Испанию для встречи с королем. В конце мая 1528 года конкистадор с внушительной свитой высадился в порту Палос. При дворе императора его приняли со всеми почестями. Кортес поклялся в своей верности монарху. 6 июля 1529 года император пожаловал ему титул маркиза дель Валье-де-Оахака, наградил большим крестом ордена Святого Иакова и подарил ему обширные земельные угодья в Мексике. Однако должности губернатора Новой Испании он не получил.

В июле 1529 года конкистадору были переданы новые участки земли в столице Оахака. Кортес стал сеньором 22 поселений и 23 000 вассалов-индейцев. Женившись на Хуане Суньиго, дочери графа де Агилара и племяннице герцога де Бехара, Эрнан получил доступ к наиболее влиятельным домам высшей испанской аристократии.

Весной 1530 года он в сопровождении супруги и своей престарелой матери доньи Каталины вернулся в Мексику, где посвятил себя преимущественно задачам колонизации. Он завез с Кубы сахарный тростник, разводил мериносовых овец и разрабатывал золотые

и серебряные рудники. Но эти мирные занятия не могли удовлетворить его натуру авантюриста.

В 1532 и 1533 годах он снарядил две небольшие флотилии. Кортес предпринял попытку основать в Калифорнии поселение. Но подобные предприятия требовали больших денег, не принося ничего взамен. В 1535 году Кортес сам отправился в экспедицию, прошел вдоль побережья Калифорнийского залива до 30-го градуса северной широты. На юге Калифорнийского полуострова он основал город Санта-Крус, нынешний Ла-Пас. В 1539 году три корабля не вернулись назад. Финансовый ущерб, нанесенный Кортесу, составил в итоге почти 200 000 золотых дукатов.

Тем не менее географические открытия были весьма значительными. Было установлено, что Калифорния не остров, а часть материка. Наконец, Кортес исследовал большие участки западного побережья американского континента и Калифорнийский залив.

К сожалению, все инициативы Кортеса в Испании не находили отклика у дворян. По возвращении на родину король также не поддержал его планов расширить границы испанской империи за счет всей территории вновь открытого континента. После трех лет, проведенных в ожидании, Эрнан решил вернуться в Мексику.

Однако ему удалось добраться лишь до Севильи. Там он заболел дизентерией. Кортес еще успел завершить свои земные дела и 11 октября подписал завещание. Он умер 2 декабря 1547 года в возрасте 62 лет.

Франсиско Писарро (1478–1541)

Испанский конкистадор. В 1513–1535 годах участвовал в завоевании Перу. Разгромил и уничтожил государство инков Тауантинсуйу, основал семь городов, в том числе Лиму. В 1535 году ему был пожалован титул маркиза. Убит в Лиме.

Франсиско Писарро родился в Трухильо, провинции Эстремадура, в 150 километрах к юго-западу от Мадрида.

Франсиско был незаконнорожденным сыном дона Гонсало Писарро, солдата, получившего знатный титул за храбрость в сражениях против мавров. Его мать, Франсиска Гонсалес, была дочерью простолюдина. Мальчика никогда не учили читать, он играл со своими сверстниками в окрестностях Трухильо, иногда присматривая за овцами или свиньями. С ранней юности он жаждал приключений.

По всей вероятности, Писарро покинул Трухильо в 19-летнем возрасте и присоединился к испанской армии в Италии. Это закалило его и подготовило к трудным экспедициям в Южную Америку. Достоверно известно, что в 1502 году он отправился в Америку уже опытным солдатом. Молодой Писарро участвовал в кровавом походе против индейцев на остров Спальола (ныне Гаити).

Писарро было около 35 лет, когда он принял участие в знаменитом пересечении Панама вместе с Васко Нуньесом де Бальбоа. Это было началом «отважного похода за Большим призом», как позже стали называть завоевания испанцев в Южной Америке. В 1519 году был основан город Панама, и Писарро стал одним из первых его жителей. Он получил свою долю земли, на которой работали индейцы. И даже стал губернатором. Он разбогател, обрел почет и уважение.

Что заставило Писарро отважиться на отчаянное путешествие вдоль берега Южной Америки, играть судьбой, подвергать жизнь и здоровье новым испытаниям, преследуя иллюзорную мечту? Многие биографы Писарро объясняют эту тягу к приключениям его натурой прирожденного игрока. И в то же время он был уравновешенным и осмотрительным человеком. У него было только две страсти: сражение и поиск. И больше, чем покоя, он жаждал славы.

Чтобы финансировать экспедицию в Америку, он привлек к проекту Диего де Альмагро и священника Эрнандо де Луке. Втроем они купили корабль, оснастили его всем необходимым, наняли людей. 14 ноября 1524 года Писарро отплыл из Панамы, возглавив первую из трех своих исследовательских экспедиций.

Однако только в 1528 году удача улыбнулась Писарро. Переплыв экватор, его отряд высадился на побережье Эквадора и Перу. В одном месте их приветствовала женщина-вождь, и по тому, как держались она и ее приближенные, сколько на них было золота и серебра, они поняли, что попали в очень богатые края.

Вернувшись в Панаму, Писарро решил, что необходимо как можно скорее оказаться в Испании, поскольку тогда ни один конкистадор не осмеливался сделать и шагу без королевского дозволения. В конце 1528 года Писарро прибыл ко двору короля Карла в Толедо и сумел произвести сильное впечатление на 28-летнего короля. Дары в виде шкур лам и культовых предметов инков из золота, преподнесенные королю, обеспечили Писарро титул губернатора и позволили получить королевское благословение. Он был наделен столь широкими полномочиями, каких не удостаивался никто из конкистадоров за всю историю покорения испанцами Южной Америки.

Писарро отплыл из Испании в январе 1530 года, но лишь спустя год, в январе 1531-го, экспедиция смогла наконец выйти из Панамы. Три судна – два крупных и одно небольшое, на борту которых находились 180 солдат, 27 лошадей, оружие, боеприпасы и пожитки. Отряд был слишком мал, чтобы покорить империю, простиравшуюся на тысячи миль в глубь суши, до амазонской сельвы. Писарро знал, что вся огромная территория инков покрыта сетью военных дорог, что многочисленные крепости охраняются сильными гарнизонами, а страна беспрекословно повинуетя одному самодержавному правителю. Но он все же надеялся добиться успеха! Тщеславный Писарро считал, что он вполне способен повторить свершения своего земляка Кортеса.

Писарро не был ни дипломатом, ни великим полководцем, но отличался отвагой и решительностью, о чем свидетельствуют его первые действия в ранге командующего экспедицией.

Его корабль отплыл вдоль побережья прямо в Тумбес, но спустя две недели штормы, встречные ветры и течения вынудили его укрыться в бухте Святого Матвея. Писарро сошел на берег и отправился пешком на юг. Корабли нагнали его, следуя вдоль побережья. Проведя тринадцать дней в тесноте на борту трех маленьких судов, боровшихся с ветром и непогодой, солдаты были измождены. Несмотря на это, Писарро после трудного перехода через полноводные реки области Коакве совершил набег на маленький город. Испанцам повезло: они награбили золота и серебра на 20 тысяч песо, большей частью в виде грубых украшений. Сокровища он погрузил на корабли и отправил в Панаму в расчете на то, что, увидев их, остальные конкистадоры присоединятся к нему.

Затем он возобновил продвижение на юг.

Награбить больше не удалось. Деревни, попадавшиеся на пути, были покинуты, а все самое ценное унесено. Конкистадоры страдали от ужасной жары и тропических ливней. Их кожа покрывалась огромными гнойными язвами. Люди теряли сознание, умирали. Это было самое бестолковое начало кампании, когда-либо задуманное военачальником, и то, что

испанские солдаты дошли до залива Пуаякиль, красноречивее всего свидетельствует об их стойкости. Походная жизнь длилась пятнадцать месяцев.

Писарро решил, что остров Пуна может стать для них подходящей базой. Обитатели Пуны враждовали с Тумбесом, лежавшим всего в тридцати милях от них. Остров был большой и лесистый, здесь можно было не опасаться внезапного нападения. Писарро устроил лагерь и стал ждать подкрепления. Во время похода на юг к нему присоединились два корабля. Первый привез королевского казначея и других чиновников, не успевших примкнуть к экспедиции, когда она отплыла из Севильи, второй – 30 солдат.

Из Тумбеса прибыли индейцы, и хотя Писарро знал, что они – заклятые враги обитателей Пуны, он принял их в своем штабе. А потом, когда два его переводчика предупредили Писарро, что вожди Пуны собрались на совет и готовят нападение, он тотчас же окружил их на месте встречи и выдал жителям Тумбеса. Итогом стала кровавая резня. На лагерь напали несколько тысяч воинов Пуны, и испанцам пришлось искать убежища в лесу. Потери были сравнительно небольшие: несколько убитых, брат Эрнандо Писарро был ранен дротиком в ногу. Но индейцы продолжали атаковать лагерь.

Когда прибыли еще два корабля с сотней добровольцев и лошадьми (кораблями командовал Эрнандо де Сото), Писарро почувствовал, что у него достаточно сил, чтобы перебраться на материк. Слабое сопротивление тумбесцев было быстро подавлено конницей Писарро. Основной отряд испанцев пересек залив на двух судах. Наконец они вошли в Тумбес – город, где, как гласила легенда, в садах висели золотые фрукты, а храмы были облицованы золотом и серебром. Однако их ждало горькое разочарование: город Тумбес в заливе Гуаякиль, описанный четырем годами ранее как процветающий, лежал в руинах, а его население вымерло от оспы. От него не осталось ничего, кроме крепости, храма и нескольких зданий.

Писарро лишился возможности быстро обогатиться, зато, как оказалось, получил нечто гораздо большее – ключ к завоеванию страны. Территория была раздроблена и могла вновь покориться одному правителю. Это Писарро выяснил, когда расспрашивал о причинах столь плачевного состояния города. Разрушение его было делом рук островитян с Пуны. По словам перуанцев, король-Солнце – Инка Уаскар, был слишком занят войной с братом Атауальпой, чтобы оказать городу необходимую помощь. Он даже отозвал из крепости своих воинов. Борьба за власть завершилась незадолго до высадки Писарро в Тумбесе. Атауальпа победил, и его войско пленило Уаскара. Узурпатор из Кито стал Инкой (верховным правителем), но жители Тумбеса и других районов не одобряли смены правителя.

Империя инков была раздроблена, чем и воспользовался Писарро.

Оставив часть отряда в Тумбесе, он отправился с лучшими солдатами в глубь страны, чтобы привлечь на свою сторону туземное население. Франсиско использовал политику Кортеса. Грабеж был запрещен. Доминиканские монахи обращали индейцев в христианство. Поход превратился в крестовый, и у солдат появилось ощущение их божественного предназначения. Жажда золота не уменьшилась, но теперь она рядилась в мантию христовой истины. Индейских вождей, оказывавших сопротивление, сжигали живьем в назидание другим, и вскоре вся округа была покорена.

В июне он заложил поселение на реке Чира, примерно в 80 милях к югу от Тумбеса. Поселение строилось по обычному колониальному образцу: церковь, арсенал и здание суда. Однако, несмотря на то что в Сан-Мигеле существовало законно назначенное городское правление, Писарро воспользовался своими полномочиями, данными испанским правительством. Это дало ему возможность наделить каждого колониста землей, а поскольку индейцы привыкли к палочной дисциплине, которую насаждали их собственные правители, они не роптали. Все добытое золото и серебро испанцы переплавили в слитки, и Писарро сумел

уговорить солдат отказаться от своей доли. Поэтому после вычета королевской доли, пятой части, он смог отправить сокровища на двух судах в Панаму, оплатив счета экспедиции.

Сокровища, разумеется, подтвердят рассказы капитанов о блестящих возможностях, открывающихся перед поселенцами в Новой Кастилии. Но Писарро не мог решить, стоит ли ему ждать подкрепления или сразу выступить в поход. Три недели он размышлял, пока не обнаружил, что бездействие порождает недовольство. Писарро решил выступать. Тем более что Атауальпа покинул столицу инков Куско и был теперь в Кахамарке. Куско находился примерно в 1300 милях от Сан-Мигеля. До Кахамарки же было всего около 350 миль, на высоте 9 тысяч футов. Дорога, по сообщениям союзных индейцев, должна была занять не более 12 суток.

24 сентября 1532 года, примерно через шесть месяцев после своей первой высадки на побережье, Писарро выступил из маленького поселения. Отряд состоял из 110 пехотинцев (но лишь 20 из них были вооружены арбалетами или аркебузами) и 67 всадников. Это было жалкое войско, не способное противостоять инкам. Атауальпа, как сообщали, лечился на вулканических источниках Кахамарки (рана, полученная во время междоусобной войны против собственного брата, загноилась). Кроме того, он совершал объезд своих новых владений, добиваясь их полного подчинения. Его сопровождала армия, насчитывавшая, по некоторым оценкам, от сорока до пятидесяти тысяч воинов.

В ноябре 1532 года Франсиско Писарро принял очень смелое решение, определившее его дальнейшую судьбу. Главная королевская дорога инков между Кито и Куско пролегла через долины Анд, и Писарро узнал, что победивший Инка Атауальпа идет по ней на юг, чтобы быть коронованным в Куско.

Испанцы были потрясены устрашающим величием армии индейцев. Единственную свою надежду Писарро связывал с отчаянно дерзким планом – попытаться захватить врасплох многотысячную армию Инки. Войско Атауальпы пришло в движение к середине дня. Но его выходу предшествовал торжественный парад. Все индейцы несли на головах большие золотые и серебряные украшения, похожие на короны. Началось песнопение.

Лишь к концу дня передовые части этой пышной процессии вошли на центральную площадь Кахамарки. Атауальпу воины несли на носилках, покрытых серебром. На голове его красовалась золотая корона, на шее – ожерелье из больших изумрудов.

Писарро, спокойный и решительный, дал сигнал к бою. Артиллерист поднес фитиль к стволу пушки. Всадники и пешие солдаты под звуки боевых горнов вырвались из своих укрытий с криками. Среди индейцев началась паника, нападавшие испанцы косили их направо и налево. Инки были не вооружены, в начавшейся давке долго не могли прийти в себя, мешали друг другу, и конкистадоры своими остро отточенными пиками пустили реки крови.

Писарро был плохим наездником, поэтому дрался пешим, мечом и кинжалом. Пробившись сквозь толпу к носилкам Атауальпы, он схватил Инку за руку и попытался стащить его вниз. Подоспевшие всадники перевернули носилки, и Атауальпа был схвачен.

Резня продолжалась и в долине. Через два часа шесть или семь тысяч индейцев лежали мертвыми. Игрок Писарро сорвал банк. Захватив богоподобного Инку, он парализовал жизнь во всей империи.

Трагедия инков состояла в том, что их правитель не понимал того, что эти 160 чужеземных солдат были не просто разбойниками, а вестниками грядущего колониального вторжения. Он же считал их просто алчными искателями сокровищ. Подметив у своих тюремщиков неутолимую жажду золота, Атауальпа решил выкупить свою свободу. За нее он предложил заполнить камеру, где его содержали, золотом на высоту 10,5 испанской стопы (294 сантиметра). И еще дать двойное против золота количество серебра. И Атауальпа сдержал свое слово. Приказ верховного правителя, пусть даже и плененного, но для инков все равно

остававшегося королем-Солнцем, исполнили беспрекословно. Комнату заполнили сказочно прекрасными золотыми изделиями. Многие из них представляли собой немалую художественную ценность, но для испанцев это был лишь дорогостоящий металл, и все было переплавлено в слитки. Пятая их часть была отправлена королю Испании, остальное разделили между собой конкистадоры, больше всего золота досталось, конечно, Писарро.

Но испанцы вероломно нарушили и этот договор. Атауальпа был казнен.

Испанские власти в Панаме осудили казнь: Атауальпа был все же монархом, и казнь его подрывала веру в божественное происхождение власти.

Итак, покорение Перу началось с захвата и казни его владыки, сражения последовали позже. Во время 800-мильного марша по Великой дороге инков от Кахамарки до Куско отряд Писарро провел четыре сражения против армии Атауальпы. Инки сражались храбро, и какое-то количество захватчиков были убиты. Но все же они не могли противостоять оружию и тактике испанцев.

15 ноября 1533 года Писарро вступил в столицу инков Куско.

Чтобы закрепить завоеванное, Писарро возвысил одного из уцелевших сыновей Уайна Капаки – Манко, он был коронован в начале 1534 года. Конкистадоры надеялись, что новый Инка станет марионеткой в их руках и окажет помощь испанцам в порабощении своего народа.

Сокровища Куско также были захвачены, переплавлены и распределены между завоевателями. Золота и серебра оказалось даже больше, чем от выкупа Атауальпы. Но Писарро совсем не имел опыта в управлении государством. Чтобы заставить испанцев остаться в этой далекой стране, он выделил каждому офицеру в награду тысячу индейцев. Писарро приказал священнику Суско защищать интересы индейцев, а также издал указ, предусматривающий для испанцев наказания за надругательство над аборигенами. Но это мало помогало, индейцы вымирали катастрофически быстро. Приходили в упадок ирригационное хозяйство и террасное земледелие инков.

Главную свою задачу Писарро видел в строительстве городов для испанцев. Он основал семь из них – и все семь сохранились до наших дней. Столицу решено было расположить на побережье для поддержания морских связей с остальной частью Испанской Америки. Город появился в 1535 году на берегу реки Римак и первоначально носил название Съодад-де-лос-Рейес – город королей. Однако сохранилось не столь претенциозное название, а искаженный топоним самой реки – Лима.

На склоне жизни Писарро занимался прокладкой улиц в городах, раздаривал дома своим друзьям. Индейцы выстроили и его личную резиденцию в испанском стиле, с патио – внутренним двориком, засаженным привезенными оливковыми и апельсиновыми деревьями.

Но спокойное время продолжалось недолго. Младшие братья Писарро и другие испанцы в Куско нарушили договор и оскорбили марионеточного правителя Манко. Возбешенный, он тайно мобилизовал свою армию и приготовил оружие. В апреле 1536 года Манко исчез из Куско и созвал своих вождей на встречу, где они поклялись изгнать ненавистных завоевателей из Перу. И уже в мае 190 испанцев в Куско оказались окруженными индейцами.

Восстание Манко продолжалось до декабря. Четыре экспедиции, посланные Писарро в поддержку своих братьев, потерпели поражение в горах, еще на подходах к Куско. Около 500 испанцев были убиты. И все-таки перуанцам не удалось освободить свою страну. Корабли с подкреплением прибыли из Центральной Америки, и блокада Куско была прорвана. Манко бежал в джунгли Амазонии, к священному городу Мачу-Пикчу, где и правил остатками своей империи вместе с тремя сыновьями в течение 35 лет.

Но еще большие трудности, чем с индейцами, испытал Писарро со своим старинным соратником и даже когда-то другом Диего де Альмагро. Тот всегда организовывал снабжение

и пополнял людьми экспедиции Писарро. И был жестоко уязвлен тем, что король назначил его лишь губернатором Перу. Как только представился случай, Альмагро обвинил Писарро в присвоении всех званий. Схватки между испанцами не заставили себя долго ждать, причем они были не менее яростными, чем битвы с индейцами.

Междоусобицы закончились в Куско в 1538 году, когда Альмагро было нанесено поражение братом Писарро – Эрнандо. Неистовый и кровожадный Эрнандо казнил 120 человек, а самого Альмагро убил как предателя. Но, вернувшись в Испанию, он был заключен в тюрьму за этот акт мести.

Казнь Альмагро повлекла за собой и более жестокое возмездие. Горстка его сторонников в Лиме испытывали горечь от поражения и нищеты. Они стали союзниками молодого сына Альмагро. Их объединяла ненависть к Писарро, и они решили убить его.

Воскресным утром 26 июля 1541 года, когда Писарро принимал в своем дворце гостей, в дом ворвались 20 человек с мечами, копьями, кинжалами и мушкетами. Гости разбежались, некоторые выпрыгивали прямо из окон. 63-летний Писарро дрался отчаянно, убил одного из нападавших, но силы были неравны, и вскоре он упал замертво от множества нанесенных ран.

Диего де Альмагро (около 1470–1538)

Испанский искатель приключений (конкистадор). Организовал две экспедиции к западному побережью Южной Америки в 1524–1526 годах; участник завоевания Перу (1533), возглавлял поход в Чили (1535–1536). Был одним из богатейших граждан новой колонии, основанной в Дарвене.

В 1519 году испанцы основали на берегу Тихого океана город Панаму и начали продвигаться вдоль побережья Южного моря. Упорные слухи о стране золота и сказочных сокровищ, лежащей где-то к юго-западу от Панамского перешейка, возбуждали у конкистадоров желание как можно скорее овладеть этой страной. Но испанцы, пытавшиеся проникнуть в глубь материка, сталкивались с огромными трудностями. Высокие горы, непроходимые болота, густые тропические леса создавали для завоевателей серьезные препятствия, к которым прибавлялось еще упорное сопротивление воинственных туземцев. Слухи о баснословных богатствах стран, омываемых Тихим океаном, доказал Франсиско Писарро, предприимчивый искатель приключений, сопровождавший Васко Нуньеса де Бальбоа в его плавании по Южному морю. Однако он не располагал никакими средствами, поэтому заключил союз с двумя другими авантюристами, которые согласились снарядить экспедицию на свои деньги. Одного из них звали Диего де Альмагро, другого – Эрнандо де Луке.

Участники предприятия быстро договорились между собой и разделили обязанности. Луке согласился предоставить большую часть денежных средств для снаряжения кораблей и выплаты жалованья солдатам; Альмагро, поставив на карту все свои сбережения, руководил подготовкой экспедиции; Писарро, владевший только шпагой, взял на себя непосредственное руководство открытиями и завоеваниями.

Четвертым, неофициальным компаньоном стал панамский наместник Педро Ариас д'Авила, которому была обещана четвертая доля будущей добычи за одно лишь обещание не чинить препятствий инициаторам экспедиции.

С трудом снарядив один корабль, в ноябре 1524 года Франсиско Писарро вышел из Панамского порта на поиски «Золотого царства».

Вскоре Диего де Альмагро, снарядив второй корабль, вышел из Панамы с семьюдесятью испанцами по следам своего компаньона, оставлявшего по пути условные знаки. Не застав его в Пуэрто-де-ла-Амбре, Альмагро двинулся дальше и достиг устья реки Сан-Хуан. Каждая высадка испанцев на берег сопровождалась ожесточенными стычками с индейцами. В одном сражении Альмагро лишился глаза. Разгромив и предав огню несколько селений, он решил повернуть обратно и, плывя вдоль берега, достиг Чикамы, где и нашел Франсиско Писарро с остатками его отряда.

Соединив свои силы, оба конкистадора стали обдумывать план новой экспедиции в Перу. Людей у них было мало, припасы иссякли, средства истощились. Конкистадорам не оставалось ничего другого, как вернуться в Панаму и просить о содействии жадного и упрямого д'Авила. Встретив с его стороны решительный отказ, Писарро и Альмагро снова прибегли к помощи священника Луке; последнему удалось заинтересовать богатых купцов и чиновников и добыть необходимые средства. И тогда три компаньона заключили договор, согласно которому, каждому причиталась третья часть будущей добычи, причем ни один из них не имел понятия не только о величине и могуществе, но даже о местоположении «Золотого царства», которое они собирались завоевать.

Заключив этот договор, Писарро и Альмагро не без труда набрали отряд из ста шестидесяти человек и, закупив все необходимое, отправились на двух кораблях во второе плавание. Конкистадоры достигли без помех устья реки Сан-Хуан и поплыли вверх по течению. Они разорили несколько туземных деревень и захватили богатую добычу.

Однако индейцы здесь были более цивилизованными, чем в других, уже завоеванных испанцами областях. С малыми силами нечего было и думать о покорении этой густонаселенной страны. Необходимо было получить подкрепление. Эта задача была возложена на Альмагро, который тотчас же отправился обратно в Панаму с захваченным у индейцев золотом, чтобы заняться вербовкой добровольцев. Другой корабль Писарро отправил под командой опытного кормчего Бартоломе Руиса к югу, на разведку, а сам остался со своим отрядом в захваченной индейской деревне с намерением исследовать близлежащие местности.

Бартоломе Руис успешно выполнил свою задачу: избегая столкновений с индейцами, он продвинулся далеко на юг, почти до экватора. Перед изумленными испанцами открывались цветущая земля, хорошо возделанные поля, богатые селения.

Тем временем Альмагро нанял в Панаме еще восемьдесят добровольцев из числа вновь прибывших испанских колонистов и также присоединился с ними к Писарро. Экспедиция, теперь уже в полном составе, двинулась дальше на юг, вдоль узкой береговой полосы, окаймляющей горную цепь. Вскоре она достигла границы страны перуанских индейцев – инков. Однако начать завоевание этого обширного государства с такими ничтожными силами Писарро не решался, так как несколько столкновений с перуанцами кончились не в его пользу. Он остался на месте со своим отрядом, еще раз отправив Альмагро в Панаму за подкреплением.

Однако новый наместник, присланный в «Золотую Кастилию» после смерти д'Авилы, запретил Альмагро вербовать добровольцев для этого «безрассудного предприятия» и отправлять их «на верную погибель». Он не только не помог Альмагро, но направил корабль за Писарро и его спутниками. Писарро не подчинился и, поселившись на необитаемом острове, названном им Горгоной, вместе с двенадцатью спутниками терпеливо ожидал обещанной помощи от Альмагро и Луке.

Когда корабль, отправленный за ними, наконец прибыл на Горгону и капитан огласил приказ наместника вернуться назад, все тринадцать авантюристов, забыв о своих лишениях, стали уговаривать приехавших за ними матросов отправиться к берегам Перу за богатой добычей. Уговоры подействовали. Корабль направился в южном направлении вдоль берега

нынешнего Эквадора, пересек залив Гуаякиль и достиг перуанского города Тумбеса. Конкистадоры открыли страну инков, полную золота и серебра. Но они не могли покорить могущественную страну своим маленьким отрядом, поэтому вынуждены были вернуться.

К тому времени неудачные экспедиции вконец разорили его компаньонов Альмагро и Луке. Писарро в 1528 году отправился в Испанию на аудиенцию к королю Карлу V. После долгих хлопот он получил от него в качестве поощрения за свои труды звание наместника, военачальника, должность главного судьи, дворянский герб и пожизненную пенсию. Писарро выговорил также награды и титулы для обоих своих компаньонов и для всех остальных участников экспедиции.

В начале 1530 года Писарро вернулся в Панаму, где сразу же столкнулся с новыми, неожиданными осложнениями и трудностями. Диего де Альмагро видел в нем теперь не союзника, а соперника. Если Эрнандо де Луке королевским указом назначался епископом Новой Кастилии, то для Альмагро Писарро выхлопотал только дворянское звание, денежную награду – жалкие пятьсот дукатов – и начальство над еще не существовавшей крепостью в Тумбесе. Альмагро, потративший значительно большую сумму на предварительные путешествия, счел себя обманутым и отказался участвовать в новой экспедиции. Сплотив вокруг себя недовольных и обиженных королевской подачкой, он обвинил Писарро в вероломстве и заявил о своем решении приступить к завоеваниям независимо от него.

Распавшийся было союз конкистадоров все же удалось восстановить благодаря посредничеству Луке и красноречию самого Писарро, давшего торжественное обещание уступить своему компаньону должность аделантадо – губернатора.

Однако средства Писарро, Альмагро и Луке были так ограничены, что они снарядили только три небольших корабля и на вербовали всего лишь сто восемьдесят солдат. Правда, среди них были тридцать шесть всадников. В январе 1531 года Писарро в сопровождении четырех сводных братьев отправился в свое последнее плавание к берегам Перу, в то время как Альмагро остался в Панаме, чтобы подготовить вместе с Луке вспомогательную экспедицию.

Писарро успешно завоевывал страну инков. Альмагро с большим трудом снарядил экспедицию. В феврале 1533 года он привел в Кахамарку сто пятьдесят пехотинцев и пятьдесят всадников. Но прибыл он слишком поздно, и помощь его была уже не нужна. Тем не менее по условиям договора он имел право на третью часть добычи. Писарро уговорил его взять меньшую долю и решил начать дележ награбленных богатств.

Между тем в Перу стремились толпы авантюристов. На перуанском побережье высадился с крупными силами губернатор Гватемалы Педро де Альварадо. Он надеялся первым дойти до Кито, а уж потом отстаивать права владельца. Узнав об этом десанте, Писарро послал на спорную территорию Диего де Альмагро. Конкистадор отправился в поход с теми незначительными силами, которые были в его распоряжении.

Оба отряда изготовились к бою. Но сражение не состоялось – в Кито не оказалось никаких сокровищ. Альмагро понял, что сражаться, по сути дела, не из-за чего. Вступив в переговоры с Альварадо, он заключил с ним сделку. Губернатор Гватемалы согласился за сто тысяч песо отказаться от своих притязаний и уступить Писарро весь свой флот и все военное снаряжение. После этого Альмагро вошел со своим отрядом в Кито и отправил к Писарро гонцов с донесением о новой блистательной победе.

Пока в Перу происходили эти события, Эрнандо Писарро прибыл в Испанию с богатым грузом награбленных сокровищ, которые обеспечили ему при дворе превосходный прием. Эрнандо добился для своего брата Франсиско расширения наместнических прав и привилегий, а также ему был присвоен титул маркиза. Отныне Франсиско Писарро – маркиз де Альтавильяс – приобщался к придворной знати, Эрнандо Писарро получил рыцарское звание. Что касается Альмагро, то он был утвержден в должности аделантадо; его владения про-

стирались на двести испанских миль (больше тысячи километров) без обозначения границ подвластной ему территории, что открывало широкий простор для всевозможных недоразумений и произвольных толкований. Альмагро никогда не мог простить своему компаньону ни его лукавства, выказанного в переговорах с Карлом V, ни той развязности, с какой он присвоил себе в ущерб союзникам большую часть власти. Но сила была не на его стороне, и до поры до времени он скрыл свое неудовольствие и досаду.

Договорились, что Альмагро отправится открывать новые страны на юге, и если найдет что-нибудь хорошее, то для него будет испрошено наместничество у его величества короля; если же ничего не найдет, то Писарро разделит с ним свои владения.

После этого Альмагро занялся приготовлениями к новому походу. 3 июля 1535 года во главе отряда, состоящего из 500–700 испанцев и 15 тысяч индейцев, он выступил из Куско по направлению к Чили. В пограничном районе испанцы перехватили груз золота, которое покоренные южные племена послали инкам. Дележ добычи, конечно, только усилил их жажду золота.

Альмагро дошел до 30° ю. ш., но ни золота, ни сокровищ в этом краю не оказалось. В сентябре 1536 года ему пришлось повернуть обратно.

Альмагро вернулся в Перу, когда часть страны охватило восстание, поднятое Манко Капаком. Индейцы полгода осаждали столицу страны Куско, где заперлись с горсткой людей Эрнандо и Гонсало Писарро; третий брат, Хуан, был убит во время вылазки. Перуанцы были уже близки к тому, чтобы взять город штурмом, когда у стен Куско неожиданно появился со своим отрядом Диего де Альмагро. Он разбил наголову войска Манко и снял осаду с Куско.

Сославшись на то, что этот город не подвластен Писарро, Альмагро ввел в него своих солдат. Перевес в силах был на его стороне, и братьям Писарро пришлось сложить оружие. 8 апреля 1537 года Альмагро взял под арест Эрнандо и Гонсало Писарро и объявил себя законным губернатором перуанской столицы.

В это же самое время значительный отряд перуанцев осаждал новую столицу – Лиму, где находился Франсиско Писарро. Все свои корабли он отправил за подкреплениями в Панаму и послал гонцов в недавно построенную крепость Трухильо, где во главе большого гарнизона находился Алонсо де Альварадо. Писарро приказал ему немедленно отправиться в Куско на выручку Эрнандо и Гонсало. Приблизившись к городу, Альварадо с удивлением узнал, что осада с Куско снята и он снова находится в руках испанцев. Не успел Альварадо опомниться, как Альмагро устроил засаду и взял в плен весь его отряд.

Теперь силы Альмагро удвоились, так как к нему охотно присоединились почти все солдаты Альварадо. После этого Альмагро оставалось только двинуться на Лиму, чтобы раз и навсегда покончить с Франсиско Писарро и объединить под своей властью оба губернаторства. Но Альмагро, видимо, испугался далеко идущих последствий своего бунта против «великого маркиза». Так или иначе, вместо того чтобы выступить в поход, он остался в Куско и начал с Писарро переговоры, продолжавшиеся несколько месяцев. Тем временем Гонсало Писарро и Альварадо удалось подкупить стражу и бежать. Едва только последний из его братьев получил свободу, как Писарро, отбросив всякую мысль о мире или перемирии, объявил, что только оружие решит, кто из них – он или Альмагро – будет хозяином в Перу. В короткое время он собрал семьсот человек, начальство над которыми поручил двум своим братьям.

26 апреля 1538 года произошла решающая битва. В этом сражении пали с той и другой стороны сто сорок испанцев. Братья Писарро снова вошли в Куско и тотчас же захватили престарелого, больного Альмагро. Победенный соперник «великого маркиза» был предан суду и приговорен к смертной казни.

8 июля 1538 года Альмагро задушили в тюрьме, а затем публично обезглавили его труп.

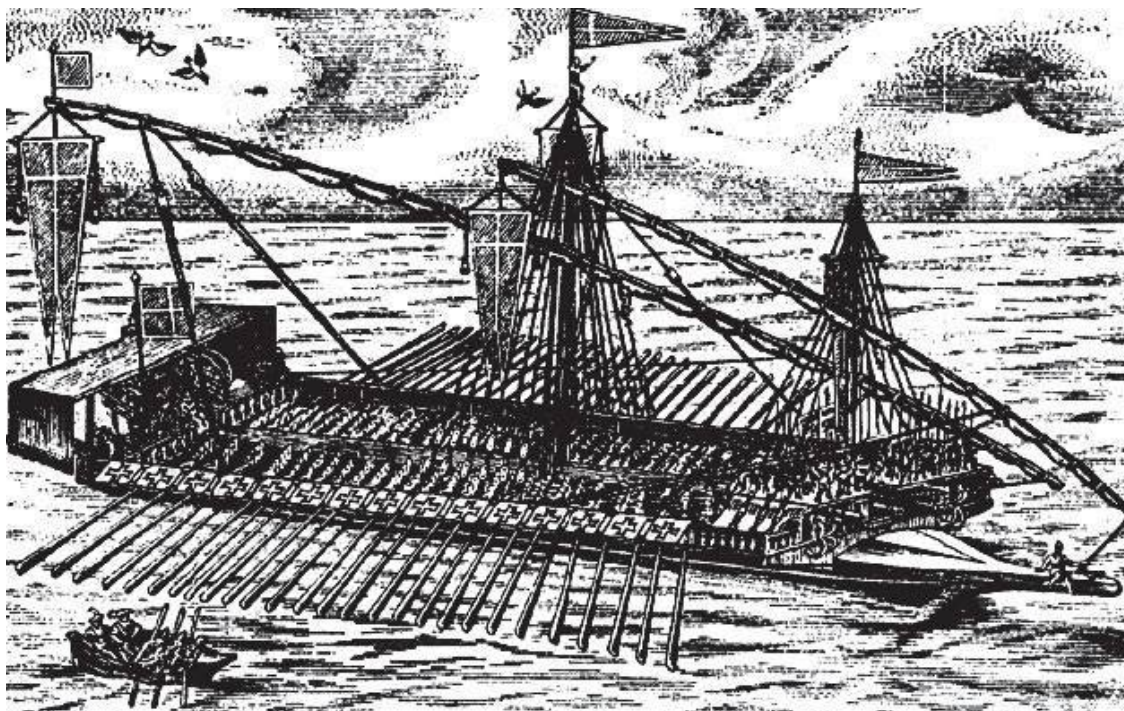
Приверженцы казненного Альмагро, пылая жаждой мести, сплотились вокруг его сына Диего и решили покончить с Франсиско Писарро.

26 июня 1541 года Писарро был убит заговорщиками.

Арудж Барбаросса (1473 или 1474–1518)

Турецкий мореплаватель, средиземноморский пират. Родился на острове Матилини (Лесбос). Устранив Селима ат-Туми, стал правителем Алжира под именем Барбароссы. Захватил город Тлемсен (1517) и низложил правящую династию, однако вынужден был бежать из города в Марокко, после того как сильная испанская экспедиция осадила город. В мае 1518 года Барбаросса погиб в бою с испанцами.

Историкам довольно подробно известна родословная братьев-разбойников Барбаросса. Оба они были греками, сыновьями гончара Якоба Рейса, переселившегося в свое время с Балкан на остров Лесбос. Когда в середине XV века остров захватили турки, Рейс с семьей перешел в ислам. У Якоба имелось небольшое судно, на котором он перевозил свои гончарные изделия; на нем позднее, когда подросли, сыновья стали пробавляться морским разбоем. Но размах был, что называется, не тот, и вскоре Арудж примкнул к турецким корсарам. Уже в 20 лет он отличался храбростью и беспощадностью в сражениях. Однако в одном из них Аруджа захватили в плен рыцари-иоанниты. Его сослали на остров Родос.

Арудж стойко выдерживал каторжный труд галерного раба, а тем временем его брат Ацор, будущий Хайрадин, в одиночку грабил христианские суда и собирал деньги, необходимые для выкупа Аруджа. Денег требовалось немало, и прошло несколько лет, прежде чем Арудж вновь оказался на свободе.

Он снова стал пиратом. Но, не удовлетворившись ролью рядового пирата, Арудж взбунтовал команду и захватил корабль, стал предводителем. Он сплотил вокруг себя мелкие пиратские флотилии и вскоре стал серьезно угрожать судам христианских государств. Дело дошло до того, что в 1504 году Арудж не побоялся захватить две галеры самого папы римского.

Эта победа еще более прославила имя Аруджа, но сам пират понимал, что без покровительства какого-либо владельца его разбойные действия рано или поздно будут подавлены христианскими войсками. Поэтому после недолгого раздумья он обратился за помощью к эмиру Туниса. Само собой разумеется, эта помощь не могла быть оказана бесплатно, и после переговоров обе стороны пришли к компромиссу. Эмир отдавал во владение пиратов остров Джербу, за что получал двадцать процентов от пиратской добычи – сумму немалую, учитывая то обстоятельство, что удача не покидала Аруджа, из каждого грабительского похода он возвращался с богатыми трофеями.

Получив в распоряжение Джербу, Арудж расширил территорию своих действий, а главное, стал грабить не только корабли в море, но и портовые города Франции, Италии, Испании. Особенно доставалось последней, поскольку Арудж расценивал разорение испанских городов как месть испанцам за изгнание арабов с Пиренейского полуострова.

Такое положение вещей в конце концов побудило арагонского короля Фердинанда начать ответные действия против пиратов. Испанские экспедиционные войска захватили главные опорные пункты берберских пиратов, такие, как Алжир, Бужи, Оран. Города эти были разграблены и сожжены, а их жители обложены большой данью. Кроме того, чтобы преградить пиратским кораблям доступ к Алжиру с моря, испанцы построили мощную систему фортов на острове Пеньон, которая долгое время перечеркивала всякое желание пиратов вернуть себе Алжир.

Победа испанских войск подорвала авторитет Аруджа и подвигла его на необдуманные поступки. Так, в горячке он решил напасть на Бужи и одновременно – на испанский флот. То и другое кончилось для него полным провалом, и Аруджу пришлось смириться с пребыванием испанцев в Северной Африке. Он снова сосредоточил все свои усилия на грабежах судов в море.

Тем временем в 1516 году умер король Фердинанд, и этим тотчас воспользовалось население Алжира, которое подняло восстание против оккупационных войск. Его возглавил араб Салим, пригласивший к себе на помощь Аруджа с его пиратами. Алжир был атакован с моря и с суши и после ожесточенной борьбы взят. Оставшиеся в живых испанцы отошли к острову Пеньон, под защиту его фортов.

Таким образом, Алжир вновь перешел к арабам, и Салим провозгласил себя его эмиром. Но этот факт ни в коей мере не устраивал честолюбивого Аруджа. Ему и его пиратам принадлежала честь отвоевания Алжира у «неверных», и пиратский предводитель не собирался терпеть на эмирском троне никому не известного до сей поры Салима. А потому в один прекрасный день Арудж отправился во дворец нового эмира. Он застал его купающимся в бассейне и, не долго думая, задушил. Покончив с соперником, Арудж провозгласил себя правителем Алжира и присвоил себе титул – султан Барбаросса. Но, поскольку этим же именем стал называться и брат Аруджа Ацор, то историки во избежание путаницы присвоили братьям порядковые номера – Арудж стал Барбароссой I, Ацор – Барбароссой II.

Итак, султан Арудж стал одним из богатейших людей Североафриканского побережья. Казалось бы, есть все основания укрепить свое влияние и возглавить борьбу против испанцев, под властью которых оставались некоторые арабские города.

Но случилось обратное. Арудж показал себя в Алжире не мудрым правителем, а жестоким тираном, чем вызвал недовольство жителей, которое вскоре переросло в восстание и осложнилось новой военной экспедицией испанцев. Их предводитель, маркиз де Комарес, захватил город, и Аруджу пришлось бежать. Легенда утверждает, что на всем пути отступления Арудж, дабы задержать преследователей, разбрасывал серебро и золото. Но это не помогло, и Арудж погиб вместе с верными ему пиратами.

Так, в мае 1518 года, на 36-м году от роду, после 14 лет бродячей жизни и двадцатимесячного царствования, погиб человек, имя которого на протяжении долгого времени наво-

дило ужас на прибрежные города Средиземного моря. Узнав об этом, христианская Европа вздохнула свободно.

Хайраддин Барбаросса (1468–1546)

Турецкий мореплаватель, могущественный средиземноморский пират, подчинивший своей власти почти все побережье Алжира. Унаследовав после гибели старшего брата крупную пиратскую флотилию в несколько тысяч человек, провозгласил себя Барбароссой и признал верховную власть Османской империи. Турецкий султан Селим I назначил его главнокомандующим всего флота и бейлербеем («эмиром эмиров») Африки.

После гибели брата Ацор занял его место. Позже ему дали другое имя – Хайраддин, что означает «хранитель верующих».

Ему досталась крупная пиратская флотилия, в состав которой входили несколько тысяч человек, а кроме того, как преемник родного брата, пусть и недолго, но восседавшего на троне, он претендовал на власть над Алжиром.

Однако Хайраддин был слишком умен, чтобы не понимать шаткость своего положения. В отличие от брата он сознавал силу испанцев и не рассчитывал справиться с ними самостоятельно. В то время в Средиземноморье на политической сцене господствовала Испания, королем которой под именем Карлоса I был император Священной Римской империи Карл V Габсбург. Его поддерживали сильные в морском отношении итальянские города-республики, такие, как Генуя и Венеция, а противостояла османская Турция, союзником которой стала Франция, желавшая завладеть Италией.

Само собой разумеется, что мусульманин Хайрадин не мог опираться на какую-либо христианскую страну. Он мечтал стать властелином Алжира и – при благоприятном стечении обстоятельств – Туниса, но осуществить эти мечты одному было явно не по силам.

Взвесив свои возможности, Хайрадин принял решение и в 1518 году отправил своих посланцев в Константинополь. Они передали турецкому султану желание Хайрадина стать вассалом Высокой Порты, за что султан должен был помогать пирату в осуществлении его планов.

Султан согласился. Предложение Хайрадина было ему выгодно: Турция только что завоевала Балканы и была не прочь распространить свою власть и на Северную Африку. Не долго думая, султан присвоил новому вассалу титул паши и отрядил ему в помощь несколько тысяч янычар, солдат своей гвардии. А кроме того, султан не имел ничего против притязаний пирата на Алжир.

Ободренный такой поддержкой, Хайрадин приступил к осуществлению своих намерений. Возвратить Алжир было невозможно, ибо путь туда преграждал испанский гарнизон на острове Пенъон, отбивавший всякие попытки захватить его.

Роль Пенъона отлично понимали в Испании, поэтому в 1519 году Карл V направил на помощь острову целый флот из пятидесяти кораблей под командованием вице-короля Сицилии, но обстоятельства повернулись против испанцев. Буря выбросила на берег половину испанских кораблей. Погибли четыре тысячи человек, а дальнейший разгром эскадры довершили пираты Хайрадина. Однако гарнизон острова, насчитывавший всего пятьсот человек, еще десять лет защищал свои позиции от превосходящих сил арабов и турок.

Но в конце концов в мае 1529 года пал и Пенъон. Чтобы навсегда избавиться от угрозы со стороны острова, Хайрадин пригнал на него тысячи христианских невольников, которые в течение двух лет возводили огромный каменный мол, соединивший остров с материком. Так Пенъон стал полуостровом, а порт Алжира – главной базой берберских пиратов.

Достигнув вершины власти, став правителем Алжира, Хайрадин тем не менее не забывал и о другой своей цели – овладеть Тунисом. Однако прошло пятнадцать лет, прежде чем ему удалось исполнить задуманное.

В августе 1534 года, побывав предварительно в Константинополе у султана Сулеймана Великолепного, он во главе большого флота появился у берегов Италии. Хайрадин захватил и разграбил города Реджо, Санта-Лусию и Фонди, пираты взяли в плен большое количество жителей, которых незамедлительно продали в рабство. Обогатившись, Хайрадин повернул свои корабли на юг и в середине августа оказался недалеко от Туниса, точнее, в виду небольшого, хорошо укрепленного городка Гулетты, прикрывавшего морские подходы к метрополии.

Захват Гулетты сильно напоминал захват Пенъона – бомбардировка стен корабельными орудиями, а затем штурм и расправа с защитниками. Эта акция предопределила падение Туниса. Хайрадин стал полновластным хозяином страны.

Перемена власти очень обеспокоила Карла V. Владея Тунисом, Хайрадин представлял большую угрозу для Сицилии и Неаполитанского королевства, находившихся под эгидой Испании; помимо этого, Карла V страшила и возможность заключения союза между берберскими пиратами и французским королем Франциском I, который мечтал подчинить Италию своему влиянию. Этого нельзя было допустить, и король испанский стал собирать силы, чтобы вернуть Тунис под покровительство императорской короны.

В подготовке нападения на Тунис приняла участие целая коалиция европейских государств. Помимо Испании, солдат и корабли для их перевозки предоставили Португалия, Италия, Германия, Мальта и Франция.

16 июня 1535 года объединенные силы подошли к Тунису, а на другой день началась высадка десанта. Как и при захвате Туниса Хайрадином год назад, на пути наступавших вновь оказалась Гулетта. Ее осада началась в двадцатых числах июня, но только в середине следующего месяца осаждающие решились на штурм. При поддержке артиллерии с сухопутных и морских батарей армия, разделенная на три корпуса, устремилась в брешь, пробитую ядрами к полудню 15 июля.

Защитники Гулетты продержались недолго, после чего Хайрадин с уцелевшими янычарами отступил непосредственно в Тунис.

В отличие от Гулетты Тунис не мог пожаловаться на малочисленность своего войска. В самом городе и вне его стен собрались более ста тысяч человек. Правда, профессиональных солдат среди такого количества людей было немного, и только этим объясняется тот факт, что двадцатидвухтысячная армия Карла V, пошедшая 20 июля на приступ Туниса, достигла быстрых результатов. Хайрадину пришлось отступить.

Три дня и три ночи в захваченном городе продолжались грабежи и убийства, в результате которых, по свидетельству хроник, в Тунисе погибли более семидесяти тысяч человек.

Первого августа 1535 года испанский вассал Мулай Хасан был восстановлен на тунисском троне, Хайрадин же направил свои стопы в родной и давно обжитый Алжир. Там, придя в себя и пополнив свои силы, он подготовился к новым набегам и вскоре, неожиданно напав, опустошил остров Менорку, где захватил шесть тысяч пленных. Онигодились Хайрадину, когда он в октябре этого же года отправился к турецкому султану.

Сулейман Великолепный весьма обрадовался подарку – за шесть тысяч рабов на константинопольском рынке можно было получить баснословные деньги – и назначил Хайрадина командующим всем турецким флотом и одновременно бейлербеем Африки. С этого дня все беи африканских государств должны были неукоснительно подчиняться одному человеку – Хайрадину.

Потерпевший поражение в Тунисе, Хайрадин быстро наращивал мощь в Алжире. Его внезапные набеги буквально терроризировали острова и города Средиземноморья. Так, во Франции, то есть во владениях своего союзника, короля Франциска I, он пытался разорить Ниццу, и только мальтийские рыцари, несшие там гарнизонную службу, спасли город. Однако, возвращаясь из Франции в Алжир, Хайрадин опустошил Эльбу и Липарские острова. В Алжир была привезена огромная добыча – семь тысяч пленников-христиан. Затем настала очередь Бизерты и острова Корфу.

Алжирский пират был постоянной головной болью всех европейских государей, и в 1538 году они послали против него мощный флот, состоявший из двухсот кораблей. Командовал им Адреа Дориа. Помимо кораблей, у него в подчинении были шестидесятитысячная армия и две с половиной тысячи орудий. Сила, что и говорить, внушительная, но у Хайрадина людей и кораблей имелось вдвое больше!

В конце сентября 1538 года оба флота встретились в заливе Превеза. Был штиль, и корабли стояли в бездействии, но вскоре подул ветер. Он дул в спину пиратам Хайрадина и в лицо христианскому воинству, и это обстоятельство решило исход битвы. Генуэзец потерпел полное поражение.

Лишь через три года Карл V решился на реванш. На этот раз его флот был еще больше и насчитывал более пятисот кораблей, а командовал им снова Дориа. В составе армии было пятьсот мальтийских рыцарей, которые считались лучшими воинами того времени.

18 октября 1541 года флот вышел из Майорки и через два дня занял позиции на подступах к Алжиру. Карл V, находившийся на флагманском корабле, посовещавшись с герцогом Альбой, который командовал армией, послал к коменданту Алжира парламентаров с требованием сдаться. Естественно, алжирцы не пошли на это, и 23 октября, выбрав удобное место восточнее города, испанцы начали высадку десанта. Всего высадились двадцать пять тысяч человек.

Вероятно, испанцы одержали бы победу, но в дело опять вмешался случай: вечером 23 октября поднялся сильный северо-восточный ветер, сопровождаемый ливнем. Ночью он перешел в ураган, который разметал солдатские палатки, сорвал с якоря несколько десятков кораблей и бросил их на прибрежные скалы. В довершение всего на рассвете 24-го алжирцы совершили вылазку и, пользуясь паникой, царившей в испанском войске, устроили настоящую резню. Дело дошло до того, что сам Карл V, обнажив шпагу, встал во главе растерянных солдат и повел их в контратаку.

Буря между тем продолжалась, и с якорей срывались все новые корабли. Скоро их число перевалило за сорок, весь алжирский берег был завален их обломками. Гибли люди, боевые припасы и продовольствие. Это была катастрофа, и, видя ее, Карл V приказал отступать.

Так закончилась крупнейшая попытка европейских государств расправиться с пиратами Хайраддина. После этого поражения Карл V и его преемники в течение тридцати лет не могли собрать силы для новой борьбы.

Шли годы. Хайрадин старел. Ему было уже далеко за семьдесят, когда он решил наконец-то уйти на покой. Остаток жизни он провел в Константинополе. Хайрадин построил в живописном месте Константинополя, над Босфором, роскошный дворец. Как истинный правоверный, старый пират не забыл и Аллаха – неподалеку от дворца были воздвигнуты мечеть необыкновенной красоты и мавзолей. В нем Хайрадина и похоронили (4 июля 1546 года он умер в своем дворце), и с тех пор на протяжении многих лет все турецкие корабли, выходявшие из бухты Золотой Рог, салютовали мавзолею, а команды возносили благодарственные молитвы в честь выдающегося турецкого флотоводца, каким Хайрадин считается и по сей день.

Грейс О'Мейл (1530–1603)

Дочь предводителя одного из ирландских кланов Оуэна О'Мейла. Знаменитая пиратка.

Грейс О'Мейл родилась около 1530 года. После смерти отца главой клана был провозглашен ее младший брат Адульф, однако Грейс заявила свои права и во время поединка убила брата. Она укрепила родовой замок и продолжила дело отца: заметив торговый корабль, немедленно окружала его своими легкими баркасами, наполненными отчаянными головорезами, и брала на бордаж.

Во время атаки она всегда была впереди. Уже один вид ее, высокой, разъяренной, с развевающимися волосами, приводил обороняющихся в трепет. Захватив добычу, они перегружали награбленное на свои суда, а корабль и команду пускали на дно.

Старейшины клана выдали Грейс О'Мейл замуж за Доннела Икотлина, главу клана О'Флагерти. Муженек Грейс, известный пират и беспринципный наемник, был убит в 1553 году во время очередного налета на купеческие корабли. Согласно его завещанию, все руководство кланом, его армией и флотом перешло к молодой вдове.

В течение нескольких десятилетий Грейс О'Мейл оставалась на этом посту. Слава ее была так велика, что под ее знамя стекались авантюристы не только со всей Ирландии, но и из Англии, Шотландии и Уэльса. Было время, когда под ее командованием находилось до тридцати галер – сила, с которой приходилось считаться любому правительственному флоту. Подати, которыми Грейс самовольно обложила жителей прибрежных городов, уплачивались исправней, чем королевские налоги, – до Лондона далеко, а головорезы Грейс могли нагрянуть в любой день. Они боготворили свою повелительницу и были готовы выполнить любой ее приказ. Многие добивались руки О'Мейл, хотя было ясно, что «король» будет играть при ней второстепенную роль. Так оно и случилось. Мужем Грейс стал известный предводитель береговых пиратов Южной Ирландии Ричард Берк по прозвищу Железный Ричард, человек недюжинного ума, бесстрашный и волевой. Но не успел закончиться медовый месяц, как ее люди заняли замки Берка и О'Мейл расторгла ставший теперь не нужным брак.

Потом Грейс влюбилась в одного из своих пленников, и элегантный кастилец несколько лет участвовал во всех ее походах.

Купцы – владельцы судов, которым приходилось пересекать воды, подвластные Грейс, буквально «волками были» от ее поборов. Их бесчисленные жалобы побудили власти принять действенные меры по охране судоходства в этом районе.

Именно усиление правительственных войск и флота на побережье Ирландии вынудило Грейс отправиться на поклон к королеве.

В 1576 году в устье Темзы вошли три большие галеры. Первой на берег сошла высокая, с величественной осанкой женщина, ярко-рыжие волосы которой были перевязаны широкой белой лентой. Появление Грейс О'Мейл в королевском дворце произвело сенсацию.

В одном конце огромного зала сидела на троне представительница династии Тюдоров, роскошно одетая, увешанная бриллиантами, в другом – стояла королева ирландских вод, весь наряд которой состоял из нескольких метров желтого холста, обмотанного вокруг тела, да куска черной парусины вокруг талии. Обута Грейс была в обычные морские сапоги. Когда шталмейстер подал знак подойти поближе, она решительными шагами пересекла зал, схватила протянутые ей для поцелуя хрупкие пальцы королевы и принялась энергично трясти. С трудом высвободив руку, Елизавета широко раскрытыми глазами смотрела на необычную гостью. Удивление сменилось весельем, когда Грейс с деловым видом тут же уселась рядом, не дожидаясь, пока ее пригласят.

Елизавету очень позабавило эксцентричное поведение гостьи, и она отпустила Грейс с миром, одарив ее землями в Ирландии.

По возвращении домой Грейс принялась за старое, и с еще большим успехом, так как теперь выступала в качестве «правительственной служащей». Но когда в следующем году ее пираты захватили два больших судна, на борту которых находилось принадлежащее казне золото, воинственную ирландку объявили вне закона и отправили против нее карательную экспедицию. Начальником экспедиции назначили Железного Берка! Кто-то, а он знал всю систему укреплений, окружавших клан О'Мейлов, а еще лучше – тактику своей бывшей супруги.

Вскоре правительственные суда настигли ее в море. Силы были слишком неравны, и Грейс предпочла сдаться, чтобы не губить своих людей.

Следствие тянулось долго, она провела в тюрьме около полутора лет. Но за это время подручные Грейс сумели ей переслать драгоценности, так что в конце концов ей удалось подкупить стражу и бежать. Очень скоро ирландское побережье вновь целиком оказалось в ее власти.

Разъяренная королева приказала во что бы то ни стало схватить Грейс О'Мейл, за ее голову была назначена награда в целое состояние. Чего не смогло добиться оружие, сделали деньги – бывший капитан одной из галер Грейс, разжалованный ею за какую-то провинность, выдал ее властям. Через неделю его нашли в собственной постели с ножом в груди, но самой Грейс это не помогло: охранялась она тщательней, чем другие преступники, и была приговорена к повешению.

Ирландка обратилась к королеве с прошением о помиловании, предлагая отдать в казну все накопленные ею богатства и обещая всемерно содействовать замирению Ирландии – в этой провинции происходило одно восстание за другим. Королеву особенно заинтересовало второе предложение. Елизавета оставила у себя заложниками двух детей Грейс, предложив ей самой немедленно отправиться выполнять обещанное. Явилось это результатом деятельности Грейс или нет, но Ирландия действительно немного поутихла. По крайней мере почти полностью прекратились нападения на английские посты с моря.

В 1593 году Грейс О'Мейл получила письмо от королевы Англии, которая приглашала ее в гости! Во второй раз пиратка вошла со своими галерами в устье Темзы, но теперь она была воплощением скромности. На королевском приеме она вела себя столь почтительно, что, растрогавшись, королева предложила ей поступить в королевский военный флот, вернула значительную часть состояния и отпустила домой ее детей...

Грейс умерла, как и ее отец, в родовом замке Каригаули. Потомки ее дружинников до сих пор показывают туристам развалины ее замка и место, где глубоко под землей покоится гроб с ее останками.

Однако существует легенда, повествующая о том, что кастилец – ее последняя любовь, тайно похитил тело Грейс, погрузил его на баркас и вышел в море...

Фрэнсис Дрейк (1540–1596)

Английский мореплаватель, вице-адмирал (1588), руководитель пиратской экспедиции в Вест-Индию. В 1565 году перевозил рабов из Гвинеи в Южную Америку. Организатор и участник ряда успешных морских походов в Вест-Индию с целью захвата судов испанских работаровцев и грабежа испанских владений. Совершил второе (после Магеллана) кругосветное плавание (1577–1580). В 1588 году фактически командовал английским флотом при разгроме испанской Непобедимой Армады.

Фрэнсис Дрейк, родившийся в Девоншире, близ Тейвистока, был старшим из двенадцати детей фанатичного протестанта, который в начале пятидесятих годов XVI века переехал в Кент. Там многочисленное и бедное семейство обитало на протекающем, полуразвалившемся корабле. Корабль был первым домом, который помнил Дрейк. Воспитание Дрейк получил с помощью дальнего родственника, сэра Джона Хоукинса, знатного вельможи и известного моряка. В двенадцать лет он стал юнгой. Юношей Дрейк принимал участие в плаваниях Хоукинса. В 1567 году он уже командовал кораблем «Юдифь», который вместе с другими судами Хоукинса совершал нападения на испанцев у берегов Америки.

В 1572 году Дрейк возвратился к американским берегам с двумя небольшими судами и совершил одну из первых пиратских десантных операций – ему удалось захватить испанский город Номбре де Диос, ограбить его и разрушить церкви. Но налетевший шквал намочил порох, а сам Дрейк был ранен в ногу. Пришлось спасаться бегством. Затем он отправился в путешествие, которое сразу выделило его из числа простых искателей приключений. Чтобы попасть в Тихий океан, он организовал переход через Панамский перешеек.

Из этого путешествия Дрейк, ограбивший по пути несколько сухопутных испанских караванов, возвратился в Плимут 9 августа 1573 года. Он обрел славу смельчака, знающего путь к незащищенным испанским владениям.

Но новой экспедиции Дрейка была необходима поддержка. Королеву и ее ближайших помощников он хотел соблазнить возможностью найти путь к Молуккским островам и другим землям, пока закрытым для англичан. Тех, кого Дрейк надеялся убедить финансировать его плавание, он соблазнял сказочной добычей у тихоокеанских берегов Америки. А для всех остальных капитан Дрейк готовился отплыть... в Александрию.

Сам Дрейк вложил в предприятие тысячу фунтов стерлингов, практически треть всей необходимой суммы. Рассчитывали, что королева отдаст ему один из своих кораблей. Но королева не захотела, чтобы ее имя связывали с сомнительным предприятием.

Дрейк полагал, что внешний блеск укрепляет авторитет, поэтому приказал тщательно оборудовать и украсить свою каюту, заказал у лучших портных несколько камзолов для торжественных встреч и, помимо пажа (своего двоюродного брата Джона), раба-негра и лакея, в дополнение к обычным в таких экспедициях трубачу и барабанщику, нанял еще трех музыкантов, которые должны были услаждать слух адмирала и поднимать настроение команды.

Всего на борту снаряженных им пяти маленьких суденышек было сто шестьдесят четыре человека.

Выйдя в открытое море, они подстерегли два португальских корабля, и Дрейк с удовольствием воспользовался случаем для того, чтобы вспомнить старое ремесло пирата, а также проверить в деле своих новых спутников. Но главное, на что он рассчитывал, нападая на португальцев, – это найти на кораблях секретные карты или взять в плен хорошего кормчего. Последнее ему удалось. Кормчий да Силва сначала отказывался вести корабли англичан к Бразилии и дальше на юг, но после порки стал более сговорчивым.

Как только Фрэнсис Дрейк достиг берегов Америки, он переименовал свой корабль «Пеликан» в «Золотую лань». Под этим именем корабль и вошел в историю.

7 сентября 1578 года первые английские корабли прошли Магелланов пролив, и для Дрейка и его спутников начались суровые испытания. Через два дня после того, как корабли вышли в Тихий океан, налетела буря. После штормов «Золотая лань» продолжила путь одна.

5 декабря с помощью индейца «Золотая лань» проникла в гавань Сантьяго, где стоял галеон «Капитан». К испанцам направилась лодка Дрейка. На «Капитане» в знак приветствия забил барабан – там были убеждены, что в гавань вошел испанский корабль, ибо появление англичан казалось невероятным. Восемнадцать англичан во главе с Дрейком пристали к галеону и без единого выстрела захватили корабль.

Вечером на борту «Золотой лани» был пир в честь начала пиратской кампании. Дрейк поклялся своим спутникам, что не уйдет из этих вод, пока не соберет миллиона дукатов. На «Капитане» было найдено тридцать семь тысяч золотых дукатов из Вальдивии да еще две тысячи бочонков хорошего вина.

Путешествие продолжалось. У маленьких испанских поселений «Золотая лань» высаживала десанты и грабила их дочи́ста.

Дрейк вошел в один из испанских портов, узнав, что туда должен войти галеон, груженный серебром. В порту на якорях стояло двенадцать кораблей, их команды сошли на берег. Англичане обыскивали корабль за кораблем, срубая мачты, чтобы избавиться от погони. Оказалось, что галеон с серебром уже вышел из порта. Дрейк бросился в погоню.

Галеон оказался плавучей сокровищницей. На нем было найдены четырнадцать сундуков с серебряными монетами, восемьдесят фунтов золота и тысяча триста серебряных слитков, не говоря уже о драгоценных камнях и экзотических товарах. Всего, как подсчитал Дрейк, захваченный груз оценивался в четверть миллиона фунтов стерлингов, то есть в сто

раз превышал затраты на снаряжение экспедиции Дрейка. Один из современных исследователей полагает, что это примерно пятьдесят миллионов долларов.

На радостях Дрейк отпустил галион. Он вообще гордился тем, что не пролил крови ни одного испанца, за исключением тех, кто погиб в честном бою. Дрейк выработал хитроумную стратегию: он приказывал рубить мачты у захваченных кораблей и отправлял их плыть по воле волн...

К тому времени, когда адмирал появился у берегов Молуккских островов, положение султана Баабулы было тяжелым. У него на складе скопилось много непроданных пряностей: ведь торговля в этом районе была практически блокирована португальцами и лишь единичные корабли из Индии и Китая прорывались сквозь португальскую блокаду.

Прием у султана произвел на гостей сильное впечатление. Султан восседал на троне в огромном зале под вышитым золотом балдахинном, окруженный тысячей придворных и шестьюдесятью мудрыми советниками. Страшного вида телохранители стояли за троном, обнажив сабли, а паж обмахивал султана веером, украшенным сапфирами.

Дрейк мог радоваться своей предусмотрительности – расшитые камзолы, которые он приказал своим офицерам держать в сундучках и беречь от плесени, ничем не уступали одежде португальцев. Англичане платили султану за пряности награбленным золотом и серебром, платили щедро, и обе стороны – редкий случай в истории отношений азиатов с европейцами в те времена – были довольны друг другом и мечтали о том, чтобы эти отношения продолжить и в будущем.

Через несколько дней «Золотая лань» снова пустилась в плавание. На Яве состоялась встреча с местными властями. Весть о прибытии врагов португальцев неслась от острова к острову, лишний раз подтверждая, насколько велика была ненависть в Индийском океане и Южных морях к португальцам и сколько замечательных возможностей открылось здесь для их конкурентов. Слухи о «Золотой лани» вскоре дошли до португальцев, которые развернули за ней настоящую охоту.

Сократив стоянку на Яве, Дрейк пустился напрямик через Индийский океан, стараясь держаться в стороне от торговых путей. Ни о каких пиратских набегах и авантюрах и речи быть не могло. Главное сейчас было добраться до дома. И 26 сентября 1580 года, пробыв в плавании два года десять месяцев и одиннадцать дней, «Золотая лань» благополучно прибыла в Плимут. Дрейк стал первым капитаном, который обошел земной шар, сохранив при этом жизнь большинства матросов.

Особые почести оказала Дрейку королева Елизавета, обращавшаяся к нему «мой дорогой пират». Знаменитая «Золотая лань» стала объектом поклонения. Сам же Дрейк был осыпан почестями англичан и, естественно, проклятиями испанцев. Испанский посол в Лондоне во всеуслышание назвал его «главным вором», на что королева и лорды лишь улыбались.

Мало того, королева сделала Дрейка рыцарем. Посвящение в рыцари считалось очень большой наградой – в Англии было всего 300 рыцарей.

В 1585–1586 годах сэр Фрэнсис Дрейк снова командовал английским флотом, направленным против испанских колоний Вест-Индии, и так же, как и в прошлый раз, возвратился с богатой добычей. Впервые Дрейк командовал таким большим соединением: у него в подчинении был 21 корабль с 2300 солдатами и матросами.

Благодаря энергичным действиям Дрейка выход в море Непобедимой Армады был отсрочен на год, что позволило Англии лучше подготовиться к военным действиям. 19 апреля 1587 года Дрейк, командуя эскадрой из 13 небольших кораблей, вошел в гавань Кадиса, где готовились к отплытию корабли Армады. Из шестидесяти кораблей, стоявших на рейде, он уничтожил тридцать, а часть оставшихся захватил и увел с собой, в том числе и громадный галион водоизмещением 1200 тонн.

В 1588 году сэр Фрэнсис приложил свою тяжелую руку к полному разгрому Непобедимой Армады. Но это было зенитом его славы. Экспедиция в Лиссабон в 1589 году закончилась неудачей и стоила ему расположения и милости королевы. Взять город он не смог, а из 18 тысяч человек в живых у него осталось только шесть тысяч. Кроме того, королевская казна понесла убытки, что не могло понравиться королеве.

И в последнем плавании к берегам Америки адмирала преследовали неудачи. В местах высадки оказывалось, что испанцы уже предупреждены и готовы к отпору, сокровищ не было, а англичане несли потери не только в боях, но и от болезней. Адмирал также заболел тропической лихорадкой. Почувствовав приближение смерти, Дрейк поднялся с постели, с большим трудом оделся, попросил своего слугу помочь ему облачиться в доспехи, чтобы умереть как воину. На рассвете 28 января 1596 года адмирала не стало. Новый командующий Томас Баскервиль приказал поместить тело сэра Фрэнсиса Дрейка в свинцовый гроб и с воинскими почестями опустить в море...

Мартин Фробишер (1530 или 1540–1594)

Английский пират, исследователь, привати́р. В 1585–1586 годах в качестве вице-адмирала участвовал в плавании Дрейка в Вест-Индию и сыграл важную роль в захвате Санто-Доминго и Картахены. В 1588 году за участие в сражении с испанской Непобедимой Армадой возведен в рыцарское достоинство.

Фробишер, человек неистового нрава, сокрушавший все препятствия на своем пути, был невероятно силен и храбр, как лев. Несмотря на ужасный характер, он снискал огромную популярность среди англичан и добился уважения самой Елизаветы.

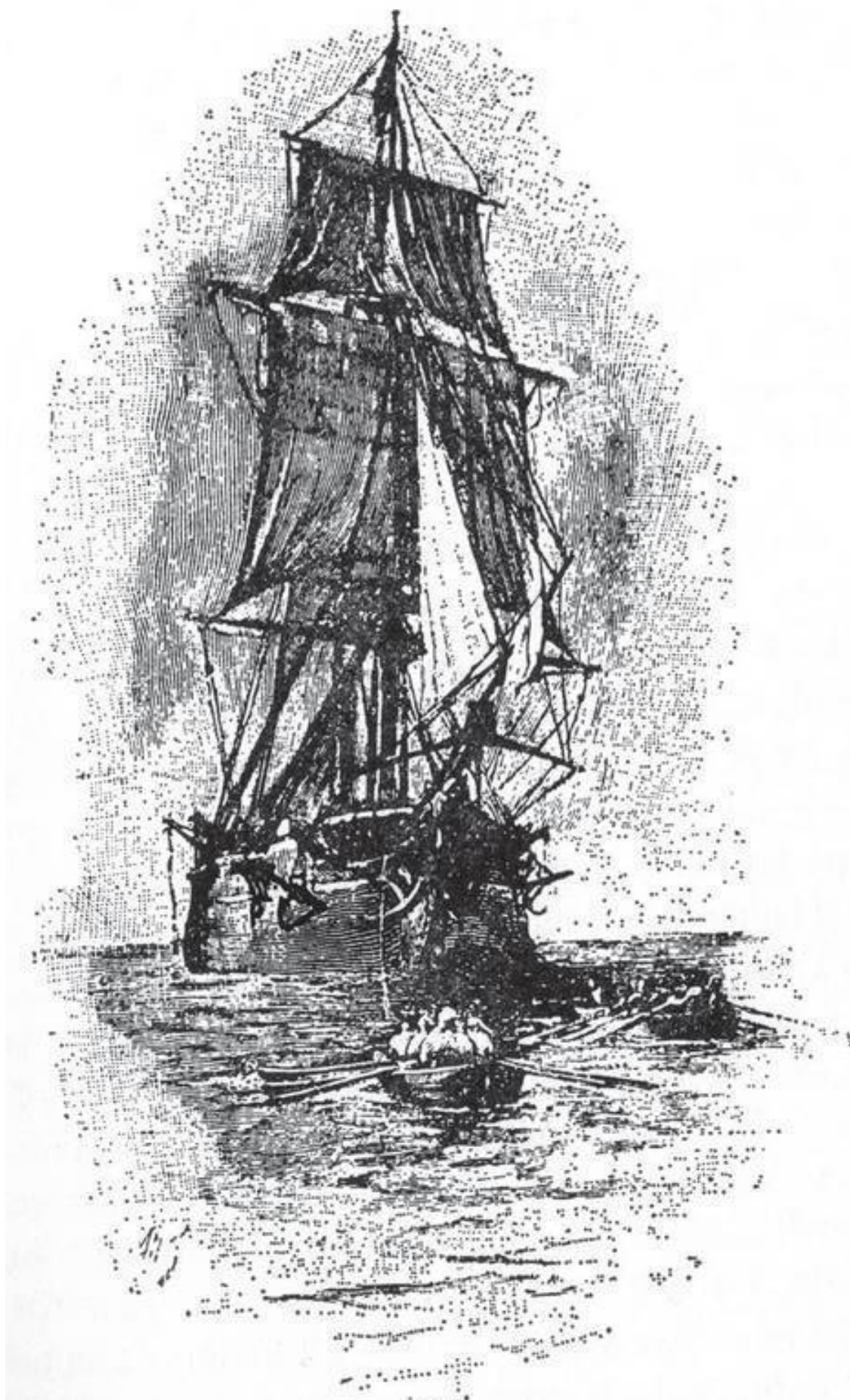
Он родился в 1539 году в Йоркшире в уэльской семье, переселившейся в Англию еще в середине XV века. Его отец, Бернард Фробишер, был одним из наиболее почтенных в округе людей. Мать происходила из семьи сэра Джона Йорка, известного лондонского купца.

С ранних лет мальчик начал выходить в море. Первые большие плавания он совершил к берегам Гвинеи в 1553 и 1554 годах. Во время второго из них произошли события, позволившие юноше проявить свой характер. Один из туземных вождей перед началом торговли потребовал от англичан оставить заложника. Мартин отправился на берег добровольцем. В течение девяти месяцев туземцы удерживали его как заложника, бросили в тюрьму. Он и пират по имени Стренгуэйс пытались захватить португальскую крепость в Гвинее, но португальцы схватили его. Каким образом он сумел выбраться на свободу – неизвестно, но уже в 1559 году он находился в Англии и совершил плавание в Средиземное море, к берегам Магриба.

В 1563–1574 годы Фробишер занимался и пиратством, и привати́рством. В 1563 году некий купец снарядил три корабля для каперства, одним из них командовал Фробишер. В мае он привел в гавань Плимута пять захваченных французских кораблей; в 1564 году захватил в Ла-Манше корабль «Кэтрин», который вез в Испанию гобелены для самого короля Филиппа II. По возвращении в Англию Фробишера посадили в тюрьму, но длилось заключение недолго. Уже в 1565 году он оказался на свободе и на корабле «Мэри флауэр» вновь вышел на промысел. В последующие годы он грабил на «законных» основаниях. В 1569 году Фробишер получил патент на привати́рство от принца Вильгельма Оранского. В эти годы его неоднократно арестовывали, и английское правительство отправляло неукротимого разбойника в тюрьму, однако до судебного разбирательства дело ни разу не доходило. Знание и опыт молодого моряка, несомненно, делали его услуги необходимыми правительству, и оно закрывало глаза на его «проступки». В августе 1569 года его арестовали за пиратство. Он почти год провел в лондонской тюрьме. Освободили его благодаря ходатайству леди Элизабет Клинтон, жены адмирала Англии и фаворитки королевы Елизаветы.

В 1570 году Мартин Фробишер был уже на службе у королевы. Однако это не мешало ему нападать на корабли для личных целей.

Третий этап жизни Фробишера знаменателен тем, что удалой пират и привати́р превратился в пионера покорения Арктики и поневоле стал одним из знаменитейших мистификаторов эпохи. XVII век жил надеждой открыть северо-западный проход в Китай, Японию и Индию. Фробишер, знакомый с географическими данными того времени, полученными им от португальских мореплавателей и английских ученых, решил отыскать неизвестные пути в восточные страны.

В 1574 году власти санкционировали его экспедицию. К ней присоединился Майкл Лок, как и Фробишер, стремившийся отыскать этот путь. В июне 1576 года экспедиция отправилась в плавание. Два корабля, «Габриэль» и «Михаэль», и пинасса вышли в июле из Дептфорда, прошли Северное море, обогнули Шотландские и Фарерские острова и добрались до южной оконечности острова Гренландия. Не выдержав трудностей перехода, одно из судов, «Михаэль», вернулось в Бристоль; пинасса погибла в пути. Фробишер на «Габриэле» с командой из восемнадцати человек отважно пробивался во льдах, пока не вышел в залив, названный впоследствии его именем. Отсюда корабль Фробишера повернул обратно и вернулся в Харвич 2 октября. Его возвращение произвело сенсацию в Англии. Дело в том, что на пустынном берегу новооткрытого залива были найдены черные камни с прожилками, очень похожими на золото. Немедленно была организована компания с участием королевы, важных государственных сановников и магнатов лондонского Сити.

Цели следующей, второй экспедиции определялись не столько поисками северо-западного прохода, сколько освоением открытой «Золотой земли», названной королевой «Мета инкогнита» («Неведомая цель»), отсюда намеревались вывезти как можно больше руды. Экспедиция вышла в море в мае 1577 года и вернулась в сентябре. Было привезено около 200 тонн неизвестной черной породы с «золотыми» блестками. Известный немецкий ученый Бурхард Кренич исследовал новую породу и дал оптимистический прогноз по поводу возможного содержания в ней золота. Все наперебой помещали деньги в сказочно богатое предприятие. Королева вложила в дело 1350 фунтов, а граф Оксфорд – 2 тысячи фунтов. Было решено отправить в следующем году пятнадцать судов с горняками, каменщиками, золотодобытчиками, привезти 2 тысячи тонн камня, на месте находки заложить форт и организовать масштабную добычу руды.

Отплыв в мае 1578 года, 15 кораблей Фробишера с трудом выдержали тяжелое плавание и возвратились в Англию, загрузив на корабли новую партию «золотых» камней. Но после повторных исследований выяснилось, что никакого золота в руде нет. Компания потерпела полный крах; многие пайщики обанкротились.

В 1585–1586 годах Фробишер в качестве вице-адмирала участвовал в плавании Дрейка в Вест-Индию и сыграл важную роль в захвате Санто-Доминго и Картахены. Накануне битвы с Армадой он командовал флотом Ла-Манша и крейсировал в проливе, охраняя побережье Англии от испанского вторжения. После разгрома испанцев в 1588 году Фробишер продолжал играть ведущую роль в антииспанской борьбе. Как и Хоукинс, он считал, что борьбу против Испании необходимо сосредоточить на ее «золотых» коммуникациях с Вест-Индией. Фробишер участвовал в нескольких операциях у Азорских островов по перехвату галионов (1589, 1590, 1592, 1593). В 1594 году, когда испанские войска высадились в Бретани и захватили Брест, создав угрозу вторжения в Англию, Фробишера назначили командовать маленькой эскадрой, направленной для помощи французским гугенотам, действующим против испанцев. В ноябре при штурме форта Крозон в окрестностях Бреста он был смертельно ранен и вскоре умер.

Уолтер Рэли (1552 или 1554–1618)

Английский мореплаватель, организатор пиратских экспедиций, поэт, драматург и историк. Фаворит королевы Елизаветы I, в честь которой назвал открытую им Вирджинию в Северной Америке. Один из руководителей разгрома испанской Непобедимой Армады (1588). Обвиненный в заговоре против Якова I, заключен в Тауэр (1604–1616). Казнен после неудачной экспедиции в Америку.

Уолтер Рэли и по сей день остается загадочной личностью. Он был талантлив, дерзок, смел и не упускал ни единой возможности для самообразования: в перерывах между боями и в период стоянки на зимних квартирах во Франции Уолтер в совершенстве овладел древними языками; он превосходно знал право, философию, историю. Бретер, и притом опасный (недаром его называли первой рапирой Англии), завсегда с собой всех кабаков и злых мест Лондона, игрок, душа веселых компаний, он успевал в промежутках между очередной дуэлью и попойкой набросать проект экспедиции в Северную Америку, ославить едкой эпиграммой незадачливого вельможу, часок-другой поработать над историческими сочинениями и урвать минуту для того, чтобы где-нибудь в Саутуроке встретиться с неким Вильямом Шекспиром, юным актером театра «Глобус»...

Рэли рассматривал пиратство как разновидность финансовой спекуляции. Вложив деньги в экспедиции нескольких профессиональных капитанов, он сколотил огромное состояние.

В 1578 году в полупиратской, полуйсследовательской экспедиции сэра Хэмфри Гилберта Рэли командовал небольшим кораблем «Фолкон». Шесть месяцев он находился в Атлантике, испытал множество опасных приключений, не раз вступая в схватки с испанскими кораблями, и, наконец, в мае 1579 года вернулся в Англию.

В 1580 году Рэли стал пехотным капитаном английской армии во время вторжения в Ирландию. Там он захватил трофеи и приобрел репутацию храброго и жестокого воина. Около 400 итальянских и испанских наемников высадились у Смервика и присоединились к двумстам ирландским жителям. Осажденный город капитулировал в ноябре. Во главе с Рэли и с еще одним офицером английские солдаты ограбили беспомощных пленников и закололи их мечами и кинжалами. В начале 1582 года Рэли вернулся в Англию.

Однажды он познакомился с фаворитом королевы Елизаветы графом Лестером и произвел на него такое сильное впечатление, что Лестер вскоре представил своего нового друга королеве. Уолтеру было тогда тридцать лет, Елизавете – сорок девять. Стройная фигура, пламенные речи, красивые глаза пленили стареющую королеву, и Рэли вскоре был посвящен в рыцари, не совершив при этом подвигов адмирала Дрейка. Королева подарила ему особняк в Лондоне и обширные земельные владения. Она также выдала ему патенты на торговлю вином и экспорт сукна. В дополнение к другим должностям Рэли был назначен вице-адмиралом Корнуолла и Девона. Таким образом, он контролировал и пресекал контрабанду и пиратство в западной Англии.

Однако сам Рэли стабильно получал доход от пиратства. Уже в 1582 году по морям рыскали его корабли, иногда прикрывая свою деятельность лицензиями, выданными различными группировками в гражданской войне во Франции. Вероятно, именно на средства, добытые во Франции и Ирландии, Рэли построил мощный боевой корабль и назвал его «Барк

Рэли», переименованный позже в «Барк ройал». В 1584 году к нему присоединился «Олень», водоизмещением 300 тонн, названный по гербу на новых доспехах Рэли.

В этом же году он организовал две экспедиции в Америку с целью грабежа и колонизации ее восточного побережья. Итогом экспедиции было открытие Вирджинии, названной в честь королевы Елизаветы I (англ. Virgin, Дева), и нанесение на карту неведомых ранее земель. Кроме того, корабли доставили в Англию редкостные и удивительные растения – табак и картофель. С легкой руки сэра Уолтера, вирджинское зелье стали курить при королевском дворе, а вареные картофельные клубни вошли в меню званых обедов.

В мае 1585 года королева Елизавета начала выдавать лицензии, разрешающие нападать на испанские и португальские суда.

Капитаны кораблей Рэли нападали на суда как враждебных, так и нейтральных стран. В 1591 году Рэли стал пайщиком в синдикате Уоттса, финансировавшем высокоприбыльные рейды Уильяма Лэйна в Вест-Индию. Однако Уолтер продолжал вкладывать деньги и в пиратские рейды.

В 1592 году Рэли вложил большую сумму денег и сам возглавил подготовку вторжения на Панаму. В последний момент королева отказалась расставаться со своим фаворитом, и корабли отправились под командованием сэра Мартина Фробишера и сэра Джона Бурга. У Азорских островов эскадра Бурга присоединилась к кораблям, напавшим на португальское судно «Мадре-де-Диос». После ожесточенного боя сказочно богатая каракка была захвачена английскими пиратами и стала одним из самых ценных трофеев, приведенных в английский порт.

В ноябре 1591 года Рэли тайно женился на фрейлине королевы Элизабет Трокмортон, а в марте следующего года Элизабет родила сына, которого сдала на руки кормилице и, как ни в чем не бывало, вернулась во дворец к исполнению своих обязанностей фрейлины. Королева была в полном неведении об этом похищении своего фаворита. Но тайное рано или поздно становится явным. Взбешенная таким «предательством», Елизавета арестовала обоих незадачливых супругов. Только 13 декабря 1592 года супругов выпустили на свободу.

Удаленный от королевского двора, Рэли отправился на поиски золота в Гвиану. Многие испанские колонисты верили, что в глубине материка находится баснословно богатый индейский город. Его легендарного правителя звали Эль Дорадо (позолоченный), потому что он покрывал свое тело слоем золотой пыли.

Увлечшись поисками сказочной страны, Уолтер Рэли снарядил несколько крупных экспедиций. В 1593 году четыре корабля под командованием сэра Джона Бурга атаковали испанские поселения в Венесуэле и Тринидаде, контролировавшие морской путь в Гвиану.

9 февраля 1595 года Рэли вышел из Плимута с флотилией из пяти кораблей. Поднявшись по течению Ориноко, он долго и безуспешно искал страну «позолоченного короля». Единственным итогом его путешествия явилась книга путевых очерков «Путешествие в огромную, богатую и прекрасную империю Гвиана с великим и золотым городом Маноа», которая была переведена на многие европейские языки и издавалась в Англии, Германии, Голландии, Франции.

В 1596 году сэр Уолтер Рэли отличился в экспедиции лорда Эссекса против Кадиса. Он сыграл не последнюю роль в разгроме испанского флота и захвате города. Королева Елизавета встретила его очень приветливо, они провели вместе несколько часов, и сэр Уолтер снова получил разрешение посещать ее в любое время.

Обычно новые земли, открытые кем бы то ни было из подданных, объявлялись собственностью короны. И только Уолтер Рэли, поэт и советник английской королевы Елизаветы, волей ее величества получил исключительное право – считать все земли, которые откроет он в Новом Свете, своей личной собственностью.

В 1597 году Рэли был вторым по старшинству в неудачном рейде в Португалию. Командующий граф Эссекс решил не нападать на португальские порты и просто упустил несколько кораблей с сокровищами у Азорских островов. Тем не менее Рэли продолжал получать прибыль от каперских плаваний, пока в 1603 году не окончилась война с Испанией.

24 марта 1603 года умерла королева Елизавета. На английский престол вступил под именем Якова I король Шотландии Яков VI Стюарт, отношения с которым у сэра Уолтера сразу же не сложились. Враги Рэли довели до сведения короля, что тот выступал против восшествия на трон Якова. Все это было выдумкой от начала до конца, однако сэра Уолтера арестовали, судили за государственную измену и приговорили к смерти. Однако король решил повременить с казнью, в ожидании которой Рэли провел в тюрьме 12 лет. Неожиданный поворот судьбы он встретил достойно, как подобает философу. Все эти годы он много и напряженно работал. В Тауэре были написаны: «Трактат о кораблях», «Обзор королевского военно-морского флота», «Прерогативы парламента», «Правительственный совет» и, наконец, «История мира», доведенная до 130 года до н. э.

Вероятно, Рэли так и окончил бы свои дни в неизвестности в глухих казематах королевской тюрьмы, если бы его не вывела на свободу все та же страстная мечта об Эльдорадо. Он написал королю, поверяя ему все, что слышал и знал сам об этой стране, о ее баснословных золотоносных копях, о жителях, которые за неимением другого металла используют золото для самых обыденных целей. И в конце письма – самое главное: страну эту вот уже который год тщетно ищут испанцы, и, если не поспешить, они могут прийти туда первыми. Письмо возымело действие. Однажды тяжелая глухая дверь приоткрылась.

За порогом «государственного преступника» ждали начальник тюрьмы и королевский офицер для особых поручений. Рэли провели к ожидавшей его внизу карете...

Минуло всего несколько недель, и небольшая эскадра, выйдя из устья Темзы, развернулась под ветром и взяла курс к берегам Южной Америки. Уолтер стал начальником экспедиции. Он знал, что подобный шанс выпадает только раз в жизни. Но ветры, течения и судьба опять были против него.

Кораблям так и не удалось войти в устье Ориноко. Ураганный ветер рвал паруса, отбрасывал корабли к скалам, бешеные волны выбрасывали их на мели. После множества безуспешных попыток, когда экипаж был уже на грани бунта, Рэли приказал лечь на обратный курс.

Однако он не мог вернуться в Англию с пустыми руками, поэтому решил компенсировать казначейству расходы, связанные с экспедицией, если не золотом Эльдорадо, то хотя бы золотом, захваченным на встречных испанских кораблях.

Казначейство посчитало, что добыча окупит расходы на экспедицию. Но как успокоить раздраженных испанцев? Поразмыслив, король решил казнить Рэли – смерть обидчика должна была удовлетворить экспансивных испанцев, очевидно, не меньше, чем золото, которое можно будет в этом случае и не возвращать. Король предпочитал решать вопросы с точки зрения государственных интересов...

Замешанный в заговоре и обвиненный в государственной измене, преданный друзьями, бывший искатель Эльдорадо снова был приговорен к смертной казни.

Рэли отнесся к вести о предстоящей казни без особого волнения. Стоя на эшафоте и рассматривая топор палача, он сострил в последний раз: «Это лекарство – снадобье острое! Но врачует от всех болезней!»

Бьянка Капелло (1548–1587)

Самая красивая венецианка своего времени. Почти четверть века за этой женщиной с пристальным вниманием следил весь мир.

Красавица Бьянка Капелло происходила из патрицианского венецианского рода. Она была молода, но родственники уже присматривали для нее достойную пару. Но вот в Венеции появился молодой и красивый флорентиец Пьетро Бонавентури. Да, он был молод и красив, но очень беден, а в Венецию попал по служебному поручению своего хозяина банкира Сальявати. Совершенно случайно он поселился напротив палаццо Капелли, где жила Бьянка, а всем известно, что улицы в Венеции очень узки. Пьетро несколько раз увидел Бьянку и влюбился в нее. Но из-за своей бедности он не мог рассчитывать на брак с ней. Однажды ему повезло, в один из праздников Бьянка со своей воспитательницей отправилась погулять, и когда они собирались переехать на гондоле через Большой канал, Пьетро сел в их гондолу. Переезд длился недолго, но Бьянка успела влюбиться в красивого юношу.

Она была значительно решительнее своего возлюбленного: когда выяснилось, что открыто встречаться они не смогут из-за разности в их общественном положении, Бьянка не побоялась согласиться на свидание в комнате Пьетро. За первым свиданием последовали и другие. Когда все в доме засыпало, Бьянка осторожно спускалась по лестнице, открывала тяжелую дверь, выходила на улицу, аккуратно прикрывала дверь за собой, но не захлопывала ее, так как у нее не было ключа, перебегала через узкую улицу и скрывалась у своего

любовника. Но в одну из ночей проходивший ночной страж заметил неплотно прикрытую дверь в палаццо Капелли и закрыл ее. Мышеловка захлопнулась!

Но Бьянка отличалась решительным характером. Она поняла, что для спасения своей репутации должна связать свою судьбу с семейством Бонавентури. Пьетро под предлогом срочных банковских дел достал ночной пропуск на выезд из Венеции. Когда наступило утро, любовники уже ехали в сторону Феррары. Жуткого скандала удалось избежать. Добравшись до Флоренции, они поженились и поселились в доме отца Пьетро Бонавентури. Тут Бьянку ждала отчаянная бедность.

Однажды по улице, где стоял дом Бонавентури, проезжал герцог Франческо, сын Козимо Медичи, тогда еще наследник престола. Проезжая мимо дома Бонавентури, молодой герцог поднял глаза вверх и увидел в окне Бьянку. Герцог моментально влюбился в нее и решил, что она должна стать его любовницей. В этом ему помог его друг и старший наставник, испанец по национальности, маркиз Мондрагон. Маркизе удалось познакомиться с семьей Бьянки, когда она в церкви Сан-Марко подошла к старухе Бонавентури. Женщины разговорились, и старуха Бонавентури стала жаловаться маркизе на бедность, на обстоятельства жизни, рассказала про женитьбу сына, его жену и т. д. Маркиза Мондрагон выказала живое участие в жизни семейства Бонавентури и пригласила обеих женщин приехать к ней в гости.

Через несколько дней за Бьянкой и старухой Бонавентури была прислана нарядная карета. Их отвезли в огромный дворец на площади Санта-Мария Новелла. Женщин здесь встретили чрезвычайно ласково. Маркиз Мондрагон внимательно выслушал историю Бьянки и обещал ей помощь и свое покровительство. Затем маркиза предложила женщинам осмотреть дворец. Но старухе Бонавентури было тяжело ходить по лестницам, и она осталась подождать Бьянку в крытом садике. Маркиза долго водила Бьянку по апартаментам, а потом привела ее в комнату, где было множество шкафов с различными нарядами. Здесь она предложила Бьянке выбрать что-нибудь из нарядов и украшений, а сама вышла из комнаты. Бьянка стала рассматривать украшения, когда услышала, что кто-то вошел в комнату. Она оглянулась и увидела перед собой некрасивого смуглого юношу с тяжелым взглядом – это был герцог. Вскоре Бьянка стала официальной любовницей герцога Франческо. Ее муж, Пьетро Бонавентури, был осыпан всякими благами и допущен ко двору. Он с готовностью принял свое новое положение. Тут вскрылась вся его сущность: он стал высокомерен, заносчив и крайне неосторожен. Друзей у него и раньше не было, а врагов и завистников появилось теперь великое множество. У Бьянки тоже были свои взгляды на открывающиеся возможности, а Пьетро становился помехой в их осуществлении. Как бы там ни было, но однажды ночью Пьетро был убит за мостом Тринита. Бьянка для приличия поносила траур, но не очень горевала о судьбе мужа. Примерно через год после убийства Пьетро Бонавентури умер Козимо Медичи, и Франческо стал великим герцогом Тосканским. Вскоре умерла от родов и его жена. Теперь ничто уже не мешало Бьянке стать законной женой Франческо и герцогиней Тосканской. В 1579 году Бьянка Капелло обвенчалась с Франческо и была коронована под именем «дочери Венецианской республики и королевы Кипра». Но, чтобы укрепить свое положение, ей был нужен наследник. Очень нужен! Ведь врагов у нее стало много, а время шло. От первого брака у нее была дочь, которую выдали замуж в Феррару и о которой старались не вспоминать. Но в браке с Франческо у нее детей не было. Тогда Бьянка решила симулировать роды. Нашли младенца, который был крещен как сын Бьянки и Франческо – Антонио де Медичи. В заговор были посвящены еще четыре женщины. После крещения ребенка Бьянке удалось быстро устранить трех свидетельниц. Но четвертой удалось скрыться, и тайна рождения Антонио де Медичи была нарушена. У Франческо не было других сыновей, поэтому его законным наследником являлся его брат, кардинал Фердинандо, которому и стали известны обстоятельства дела. Кардинал давно ненавидел Бьянку, так как

она могла лишить его престола и наследства... Кардинал не стал поднимать шум, но выжидал своего часа. Состояние вооруженного нейтралитета продолжалось до 1587 года. Окончание этой истории носит легендарный оттенок... Осенью упомянутого года Бьянка и герцог жили на своей любимой вилле Поджио в Кайано, а кардинал Фердинандо, по соседству, на вилле Петраия. Герцог пригласил его на охоту, и кардинал приехал в Кайано. Вечером после охоты в небольшой зале замка состоялся интимный ужин. Бьянка настойчиво пыталась угостить кардинала пирожным, которое она приготовила собственноручно, но кардинал не менее решительно отвергал угощение. Герцогу Франческо это препирательство надоело. Со смехом он сказал кардиналу: «Уж не думаете ли вы, что оно отравлено?» – взял кусок пирожного и съел его, продолжая шутить. Бьянка побледнела, но, улыбаясь, съела свою долю. Наступило тягостное молчание. Вскоре герцог и Бьянка почувствовали действие яда и стали умолять, чтобы позвали доктора, но люди кардинала с оружием в руках перекрыли всякий доступ в комнату. Вскоре все было кончено. На следующий день на трон возшел новый герцог – Фердинанд I. Следует сказать, что Франческо Медичи был погребен со всеми положенными почестями, но Бьянку похоронили, как бесчестную женщину. Ее гербы были всюду стерты и разбиты, а в официальных документах ее титул был заменен словами «злодейка Бьянка» (*la pessima Bianca*).

Фердинанд I пощадил Антонио де Медичи, но заставил его вступить в Мальтийский орден...

Томас Кавендиш (1560–1592)

Английский буканьер. Искал богатства и славы во время каперской войны между Англией и Испанией (1585–1603). Второй английский капитан, после Дрейка, совершивший кругосветное плавание.

21 июля 1586 года из английского порта Плимут вышли три корабля. Флагман «Желание», «Удовлетворение» и «Красавчик Хью». На мостике флагмана стоял красивый, довольно молодой капитан Томас Кавендиш. Образованный вельможа, эсквайр, окончил колледж в Кембридже, он, как и многие в ту эпоху, был одержим манией открытий новых земель, где золото валяется под ногами.

Существовал и иной способ заполучить золото: отнять его у того, кто им владеет. Тогда этим золотовладельцем была Испания. Ее корабли перевозили добытый драгоценный металл из Южной Америки, из Перу, где его добывали, по Карибскому морю и дальше, через Атлантический океан. Только с 1521-го по 1530 год было отправлено 5 тонн золота. Затем еще 25 тонн золота и 178 тонн серебра. Дальше – больше. За десять последующих лет Испания получила 47 тонн золота и более 300 тонн серебра.

Но золото любили не только испанцы. Поэтому очень скоро пиратство превратилось в весьма прибыльный промысел. И с 1537 года испанцы ввели строгий порядок вывоза сокровищ в Европу.

Каждую весну из Испании в Новый Свет отправлялась огромная флотилия – десятки галионов с продовольствием и товарами. Продав товары и погрузив золото и серебро, корабли соединялись в Гаване, на острове Куба, откуда отправлялись на родину. На всем пути галионы сопровождал конвой из военных фрегатов. И только при переходе из порта Кальяо (на побережье Перу, в Тихом океане) в Панаму золото оставалось без охраны корабельных пушек. Об этом знал еще Фрэнсис Дрейк. Помнил об этом и Кавендиш.

Как и другие пираты, например, тот же Дрейк, Кавендиш сочетал в себе азарт первооткрывателя и исследователя с жадной охотой за обогащением. Собственно, это и побудило его отправиться в рискованное плавание. Готовясь к нему, он не пожалел денег (продал даже свое имение), погрузил на корабли в избытке припасов и воды. Набрал команду из ста двадцати трех опытных матросов и офицеров. В снаряжении экспедиции принимали участие и другие так называемые компаньоны – те, кто, вложив деньги, надеялся на большие проценты от награбленного.

Как это было и с Дрейком, сама королева Елизавета I вложила кое-какие деньги в это предприятие. Она же дала Кавендишу наказ объехать земной шар и нанести на морские карты неизвестные острова, благоприятные течения, попутные ветры и записать все это подробно в своих корабельных журналах.

Итак, в море вышли три корабля под командой Томаса Кавендиша. Благополучно миновали острова Зеленого Мыса, прошли вдоль африканского побережья и наконец повернули в сторону Бразилии. Плавание проходило без особых приключений. Пользуясь относительным спокойствием, Кавендиш, памятуя наказ королевы, составлял карту берегов, измерял глубины и скорость течений, отмечая все это в журнале. Постепенно матросы, жаждавшие настоящего дела и богатой добычи, начали роптать. Кавендиш успокаивал их, обещая, что, когда пройдут Магелланов пролив, им будет чем заняться.

Рождество застало корабли на подходе к проливу. К этому моменту припасы были на исходе, приходилось есть протухшую солонину и пить затхлую воду. 6 января 1587 года Кавендиш отважно ринулся в пролив. Точной лоции у него не было, приходилось плыть почти вслепую по извилистому фарватеру. Пройти этот лабиринт не удавалось даже судам, ведомым лучшими кормчими. Только великий Дрейк каким-то чудом преодолел его. Испанцы владели картой фарватера, но по декрету, изданному королем, эти сведения были объявлены государственной тайной. После удаchi Дрейка король Испании приказал построить в проливе форт и, таким образом, запереть его. На скалистый берег высадили четыреста солдат, и началось строительство. Земля была неподатливая, климат суровый. Тем не менее форт построили, возвели укрепления. И все это называли Городом короля Филиппа. Кроме солдат, в городе остались колонисты, среди них были даже женщины.

Почти два года просуществовала эта колония в проливе. Потом кончились продукты, а вырастить что-нибудь на каменистой почве так и не удалось. Ни охоты, ни рыбы – ее в проливе не оказалось. Ни деревьев, даже развести огонь было нечем. Приходилось собирать бревна, которые шторм выбрасывал на берег, поэтому каждое полено было на вес золота.

Потом начались болезни – цинга и дизентерия. Сначала умерло больше половины населения, потом еще семьдесят человек. Осталось всего чуть больше двадцати. На родине про них забыли – в Европе шла война, создавалась Непобедимая Армада.

Когда Кавендиш проходил мимо этого так называемого Города Филиппа, двадцать несчастных, забытых, голодных и почти голых (одежда давно обветшала) отчаянно махали руками, встав на колени, умоляли взять их с собой. Их рассказ потряс даже выдавших виды моряков. И Кавендиш решил захватить с собой этих оборванцев. Они могли пригодиться как проводники. Землю эту они называли Портом голода.

В конце февраля корабли Кавендиша вышли в Тихий океан и двинулись к берегам Чили.

Испанцы, появившиеся здесь на пятьдесят лет, можно сказать, уже освоили их. Они построили города Арику, Сантьяго, Кальяо, Лиму. Склады в них ломились от товаров, а охрана была очень слабая – нападения ждать было неоткуда. По той же причине и военного флота у западного побережья Америки не было. Испанцы полагали, что Тихий океан – их собственная вотчина и незачем содержать здесь дорогостоящие корабли. То, что Дрейку удалось проникнуть туда, – чистая случайность.

У берегов Чили произошли первые стычки с испанцами. Захватили два судна, которые Кавендиш тут же сжег, ведь Англия воевала с Испанией. Затем штурмом взял город Пайту и тоже предал его огню. Однажды, это было в начале июля у берегов Калифорнии, был захвачен очередной испанский корабль. От его капитана узнали, что в этих водах со дня на день ждут манильский галион. 4 ноября 1587 года во время продолжающегося дрейфа кораблей Кавендиша у берегов Калифорнии был замечен парус. Это была «Санта-Анна» – водоизмещением более 700 тонн, «самый богатый из кораблей», как говорили о нем сами испанцы.

Бой был ожесточенным и продолжался более пяти часов. На галионе «Санта-Анна» пираты захватили огромную добычу: более ста двадцати тысяч монет, несколько ларцов с драгоценными камнями, слитки серебра, китайские шелка, жемчуг и фарфор, благовония и другие ценности. Всех испанцев, захваченных на судне, а их было двести человек, в том числе женщины и дети, Кавендиш, как обещал капитану «Санты-Анны», высадил на берег. Сам же галион был ему ни к чему – слишком громоздкий и тихоходный. Пришлось его поджечь. Несчастные испанцы на берегу наблюдали за гибелью корабля, у них не оставалось надежды на спасение.

Цель, которую Кавендиш поставил перед собой, была достигнута. Можно было возвращаться в Англию.

9 сентября 1588 года «Желание» бросил якорь в порту Плимута. На пристани Кавендишу и его спутникам устроили торжественную встречу. Столь же торжественно Кавендиша приветствовали в Лондоне. Здесь понимали значение его плавания и оценили не только сокровища, привезенные им, но и его географические открытия, составленные им карты, что по тем временам считалось большой ценностью.

Так закончилось третье в истории человечества кругосветное плавание. Кавендиш обогнул земной шар за два года и пятьдесят один день.

В августе 1591 года Кавендиш отправился в очередное плавание. В Южную Америку он снарядил «Лейчестер галион» и еще четыре корабля. Увы, на этот раз удача покинула Томаса. Штормы не позволили пройти пролив. Кавендиш на флагмане отделился от остальной флотилии и направился обратно в Бразилию. В этом плавании Кавендиш умер.

Кончино Кончини (? – 1617)

Флорентиец из сенаторского рода. Известен под именем маршала д'Анкара. Итальянский авантюрист, фаворит королевы Марии Медичи, супруги Генриха IV и матери Людовика XIII. После убийства короля был назначен первым камергером, губернатором Амьена, маршалом Франции и фактически управлял страной. Убит по приказу Людовика XIII герцогом Витри.

Мария Медичи, выйдя замуж за Генриха IV, перевезла во Францию и свою свиту. В ней были женщина и мужчина, которым вскоре предстояло сыграть во Франции катастрофическую роль. Ее звали Леонора Дози, его – Кончино Кончини.

Она была молочной сестрой королевы; умная, честолюбивая, ловкая, Леонора пользовалась большим авторитетом у флорентийки. Ей было двадцать семь лет. Это потом она стала называться Галигаи – именем, под которым ее знают сегодня.

Он исполнял при королеве обязанности шталмейстера. По рассказам знавших его людей, он был «тщеславен и хвастлив, гибок и смел, хитер и честолюбив, беден и жаден». Ему было двадцать пять. Во время путешествия из Италии во Францию Леонора влюбилась в Кончини и завлекла его в свою постель.

Леонора стала камеристкой королевы, а во Франции этой должности удостоиваются только дамы из высшей знати. Так что у Кончини в руках оказалась вся свита Марии Медичи.

Кончино Кончини, амбициозный, хвастливый, бессовестный, льстивый с вельможами, высокомерный с теми, кто ниже его, сумел добиться множества значительных постов. К моменту смерти короля его состояние было одним из самых крупных в Париже. На улице Турнон ему принадлежал великолепный особняк, стоимость которого оценивалась в сумму около 200 000 экю. В этом особняке он закатывал поистине княжеские празднества.

Под мощной защитой королевы, которая осыпала его бесконечными милостями, он очень скоро стал для всех нестерпим. Не раз и не два дворяне, с которыми он вел себя нагло,

поручали наемникам как следует отколотить его. Но это не послужило ему уроком, и он продолжал властвовать во дворце и держаться так бесцеремонно, что за его спиной не утихал ропот возмущения. Простой народ все это объяснял (шепотом, конечно), тем, что он был любовником Марии Медичи, а Леонора просто закрывала на это глаза, чтобы не лишиться безграничных благоденствий своей молочной сестры. Королева отдала ему даже несколько драгоценных камней из короны.

По столице гуляли памфлеты и непристойные песенки, в которых королеву обзывали шлюхой, а фаворита окрестили именем какой-то рыбы. После смерти Генриха IV Кончини, сумевший выманить у королевы баснословную сумму в восемь миллионов экю, купил себе Анкрский маркизат в Пикардии. Затем стал первым дворянином в королевском покое, суперинтендантом дома королевы, губернатором городов Перона, Руа, Мондидье и, наконец, маршалом Франции, хотя в жизни своей не держал в руках шпаги.

С этого момента фаворит начал откровенно командовать не только министрами, но и королевой. Однако теперь из-за бесконечных нападков он стал более осторожным и никогда не выходил из дворца один.

В управляемой Кончини стране царили развал и анархия, а это, в свою очередь, подтолкнуло знатных сеньоров королевства к мысли заполучить побольше независимости, коей они лишились в годы правления Генриха IV. Конде, вернувшийся во Францию, встал во главе этого движения.

В 1614 году они с оружием в руках потребовали созыва Генеральных штатов. Генеральные штаты собрались в октябре 1614 года, но ничего не дали из-за сенок между депутатами третьего сословия и высшей знати, поэтому регентша распорядилась прекратить дебаты.

Между тем маршал д'Анкр давно занял должность действительного любовника Марии Медичи. Историк Мишле приписывает именно маршалу д'Анку (т. е. Кончини) отцовство Никола, герцога Орлеанского, рожденного в 1607 году... Придворные не ограничивались распеванием двусмысленных куплетов за спиной у любовников. Самые смелые позволяли себе довольно рискованные шуточки в присутствии Марии Медичи.

Кончилось все это тем, что весной 1617 года молодой Людовик XIII, взбешенный его наглыми манерами и чудовищными насмешками по адресу своей матери, отдал приказ Никола Витри, капитану своих гвардейцев, убить Кончини. Убийство было назначено на 17 апреля.

Утром того дня, около десяти часов, фаворит королевы, как всегда, направился во дворец в окружении пятидесяти или шестидесяти человек, составлявших его обычную свиту.

Вдруг перед ним неожиданно возник Витри. «Именем короля, вы арестованы!» Кончини недоуменно уставился на капитана. «Меня арестовать?» – «Да, вас».

Пораженный, он отступил на шаг, чтобы выхватить свою шпагу, но не успел. Одновременно три пистолетные пули поразили его: одна угодила в лоб, другая в щеку, третья в грудь. Он рухнул прямо в грязь и был тут же затоптан людьми Витри.

Друзья Кончини не сделали даже попытки вступить за него.

Убийство маршала д'Анка страшно обрадовало парижан. В семь часов утра сотни две перевозбужденных и недобро глядящих людей явились в СенЖермен-л'Оксерруа. «Бесчинство началось с того, что несколько человек из толпы стали плевать на могилу и топтать ее ногами, – рассказывал г-н Кадне, брат коннетабля де Люиня. – Другие принялись раскапывать землю вокруг могильного холма прямо руками и копали до тех пор, пока не нащупали места стыка каменных плит».

Вытащив труп из разрытой могилы, люди яростно накинудись на него и начали его терзать. Привязав веревку к ногам, толпа с дикими криками потащила труп через весь Париж. Наконец ошметки фаворита, покрытые пылью, плевками, грязью, притащили на Новый мост и там сожгли в присутствии веселящегося люда.

Через два месяца после этого, 8 июля, жена Кончини, Леонора Галигаи, ложно обвиненная в колдовстве, была сожжена на Гревской площади.

Со смертью Кончини в моду надолго вошло слово «соіоп» (ничтожество, трус). Этой характеристики маршал удостоился за свое малодушие.

Григорий Отрепьев, Лжедмитрий I (? – 1606)

Русский царь-самозванец (1605–1606). В 1601 году объявился в Польше под именем сына Ивана IV – Дмитрия. В 1604 году перешел с польско-литовским отрядом границу, был поддержан частью горожан, казаков и крестьян. Став русским царем, попытался лавировать между польскими и русскими феодалами. Убит боярами-заговорщиками во главе с Василием Шуйским.

История самозванца, принявшего имя царевича Дмитрия, принадлежит к числу самых драматических эпизодов русской истории.

...Предки Григория Отрепьева прибыли на Русь из Литвы. Одни из них осели в Галиче, а другие – в Угличе. В 1577 году неслужилый «новик» Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан получили поместье в Коломне. Несколько лет спустя у Богдана появился сын, названный Юрием. Примерно в то же время у царя Ивана родился сын Дмитрий.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника и рано погиб. После смерти отца Юшку воспитывала мать. Благодаря ее стараниям мальчик научился читать Священное Писание. Потом его послали на учебу в Москву, где жил зять Отрепьевой, Семейка Ефимьев, которому суждено было сыграть в жизни Юшки особую роль. Похоже, именно в доме дьяка Ефимьева он выучился писать. (После пострижения Гришка Отрепьев стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Без каллиграфического почерка он никогда бы не получил это место.) Учение давалось Отрепьеву с поразительной легкостью.

Бедность и сиротство не позволяли способному ученику надеяться на выдающуюся карьеру. Юрий поступил на службу к Михаилу Романову. Многие считали Романовых

наследниками короны. Служба при их дворе, казалось бы, сулила юноше определенные перспективы. Однако опала, постигшая романовский круг в ноябре 1600 года, едва не погубила Отрепьева. Под стенами романовского подворья произошло настоящее сражение. Вооруженная свита Романовых оказала отчаянное сопротивление царским стрельцам.

Юшке Отрепьеву повезло – он чудом спасся, ибо его, как боярского слугу, ждала виселица. Страх перед наказанием привел Отрепьева в монастырь. 20-летнему дворянину, полному надежд, сил и энергии, пришлось покинуть свет, забыть мирское имя. Отныне он стал смиренным чернецом (монахом) Григорием. Переход от жизни в боярских теремах к прозябанию в монашеских кельях был слишком резким. Чернец тяготился монашеским одеянием, поэтому вскоре отправился в столицу.

Как же осмелился Отрепьев вновь появиться в Москве? Во-первых, царь отправил Романовых в ссылку и прекратил розыск. Оставшиеся в живых опальные очень скоро заслужили прощение. Во-вторых, по словам современников, монашество на Руси нередко спасало преступников от наказания.

Опальный монах попал в Чудов, самый аристократический, кремлевский монастырь. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. «Живучи-де в Чудове монастыре у архимандрита Пафнутия в келии, – рассказывал он знакомым монахам, – да сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе». Старания Отрепьева были оценены, и с этого момента начался его стремительный, почти сказочный взлет.

Григорий был очень молод и провел в монастыре немного времени. Однако Пафнутий произвел его в дьяконы. Роль келейника влиятельного чудовского архимандрита могла удовлетворить любого, но не Отрепьева. Покинув келью, он переселился на патриарший двор.

После службы у Романовых Отрепьев быстро приспособился к новым условиям жизни. Случайно попав в монашескую среду, он сразу выделился в ней. Юному честолюбцу помогли выдвинуться не подвиги аскетизма, а необыкновенная восприимчивость натуры. Церковники сразу оценили живой ум и литературные способности Отрепьева. Что-то притягивало к нему и подчиняло других людей. Григорий хвастался, что может стать царем в Москве. Узнав об этом, царь Борис приказал сослать его в Кириллов монастырь. Но, вовремя предупрежденный, Григорий успел бежать в Галич, потом в Муром и, вернувшись в Москву, в 1602 году бежал из нее. Отрепьев бежал за кордон не один, а в сопровождении двух монахов – Варлаама и Мисаила.

Отъезжавших монахов никто в городе не преследовал. Никто не тревожил бродячих монахов и в приграничных городах. Отрепьев открыто служил службу в церкви. Власти не имели причин принимать экстренные меры для их поимки. Беглецы миновали границу без всяких приключений. Описывая свои литовские скитания, «царевич» упомянул о пребывании у Острожского, переходе к Габриэлю Хойскому в Гошу, на Волыни, а потом в Брачин, к Вишневецкому. Но Отрепьев не для того покинул патриарший дворец и кремлевский Чудов монастырь, чтобы похоронить себя в каком-нибудь захолустном литовском монастыре. Григорий сбросил монашеское одеяние и объявил себя царевичем. Когда Адам Вишневецкий известил короля о появлении московского «царевича», тот затребовал подробные объяснения. И князь Адам в 1603 году записал рассказ самозванца о его чудесном спасении.

«Царевич» довольно подробно поведал о тайнах московского двора, но начинал фантазировать, едва переходил к изложению обстоятельств своего чудесного спасения. По словам «Дмитрия», его спас некий воспитатель, который, узнав о планах жестокого убийства, подменил царевича мальчиком того же возраста. Несчастный мальчик и был зарезан в постельке царевича. Матьцарица, прибежав в спальню и глядя на убитого, лицо которого стало свинцово-серым, не распознала подлога.

«Царевич» избегал называть точные факты и имена, которые могли быть опровергнуты в результате проверки. Он признавал, что его чудесное спасение осталось тайной для всех, включая мать, томившуюся тогда в монастыре в России. Новоявленный «царевич» в Литве жил у всех на виду, и любое его слово легко было тут же проверить. О своем пострижении «царевич» рассказал следующее. Перед смертью воспитатель вверил спасенного им мальчика попечению некоей дворянской семьи. «Верный друг» держал воспитанника в своем доме, но перед кончиной посоветовал ему, чтобы избежать опасности, войти в обитель и вести жизнь монашескую. Юноша так и сделал. Он обошел многие монастыри Московии, и наконец один монах опознал в нем царевича. Тогда «Дмитрий» решил бежать в Польшу...

«Расстрига» очень скоро нашел новых покровителей, и весьма могущественных, в среде польских и литовских магнатов. Первым из них был Адам Вишневецкий. Он снабдил Отрепьева приличным платьем, велел возить его в карете в сопровождении своих гайдуков.

Авантюрой магната заинтересовались польский король Сигизмунд III и первые сановники государства, в их числе канцлер Лев Сапега. Тайно потворствуя интриге, Сапега объявил, что его слуга, которого теперь стали величать Юрием Петровским, хорошо знал царевича Дмитрия по Угличу.

Таким образом, Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу. Одновременно ему стал открыто покровительствовать Юрий (Ежи) Мнишек. Один из холопов Мнишека также «узнал» в Отрепьеве царевича Дмитрия.

Таковы были главные лица, подтвердившие в Литве царское происхождение Отрепьева.

Конечно, Вишневецкий и Мнишек не сомневались в том, что имеют дело с самозванцем. Однако он был им выгоден в их борьбе с Москвой. Тем не менее поворот в карьере авантюриста наступил лишь после того, как за его спиной появилась реальная сила.

Отрепьев с самого начала обратил свои взоры в сторону запорожцев.

Сечь бурлила. Буйная запорожская вольница точила сабли на московского царя. Именно в Запорожье в 1603 году началось формирование повстанческой армии, которая позже приняла участие в московском походе самозванца. Казаки энергично закупали оружие, вербовали охотников.

К новоявленному «царевичу» явились гонцы с Дона. Донское войско готово было идти на Москву. Самозванец послал на Дон свой штандарт – красное знамя с черным орлом. Его гонцы выработали затем «союзный договор» с казачьим войском.

В то время как окраины глухо волновались, в сердце России появились многочисленные повстанческие отряды. Династия Годуновых оказалась на краю гибели. Отрепьев уловил чутьем, сколь огромные возможности открывает перед ним сложившаяся ситуация. Казаки, беглые холопы, закрепощенные крестьяне связывали с именем царевича Дмитрия надежды на освобождение от ненавистного крепостнического режима, установленного в стране Годуновым. Отрепьеву представлялась возможность возглавить широкое народное выступление.

Самозванец мог стать казацким предводителем, вождем народного движения. Но он предпочел сговор с врагами России.

Иезуиты решили с помощью московского царевича осуществить заветную цель римского престола – подчинение Русской церкви папскому владычеству. Сигизмунд III попросил Вишневецкого и Мнишека привезти царевича в Краков. В конце марта 1604 года «Дмитрия» привезли в польскую столицу и окружили иезуитами, которые старались убедить его в истинах римско-католической веры. «Царевич» понял, что в этом состоит его сила, притворился, что поддается увещаниям, как рассказывали иезуиты, принял святое причастие из рук папского нунция Рангони и обещал ввести римско-католическую веру в Московском государстве, когда получит престол.

Перемирие с Польшей в 1600 году не обеспечило России безопасности западных границ. Король Сигизмунд III вынашивал планы широкой экспансии на востоке. Он оказал энергичную поддержку Лжедмитрию I и заключил с ним тайный договор. Самозванец обязался передать Польше плодородную Чернигово-Северскую землю. Семье Мнишек, своим непосредственным покровителям, Отрепьев посулил Новгород и Псков. Лжедмитрий, не задумываясь, перекраивал русские земли, лишь бы удовлетворить своих кредиторов. Но самые дальновидные политики Речи Посполитой, включая Замойского, решительно возражали против войны с Россией.

Король не выполнил своих обещаний. В походе Лжедмитрия I королевская армия не участвовала. Под знаменами Отрепьева собрались около двух тысяч наемников – всякий сброд, мародеры, привлеченные жадой наживы. Эта армия была слишком малочисленной, чтобы затевать интервенцию в Россию. Но вторжение Лжедмитрия поддержало донское казачье войско.

Несмотря на то что царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали вяло и нерешительно, интервенты довольно скоро убедились в неверности своих расчетов. Получив отпор под стенами Новгород-Северского, наемники в большинстве своем покинули лагерь самозванца и ушли за рубеж. Нареченный тесть самозванца и его «главнокомандующий» Юрий Мнишек последовал за ними. Вторжение потерпело провал, но вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, наиболее трудные месяцы, пока волны народного восстания не охватили всю южную окраину государства. Голод обострил обстановку.

Дворянство в массе своей настороженно отнеслось к самозваному казацкому царьку. Лишь несколько воевод невысокого ранга перешли на его сторону. Чаше крепости самозванцу сдавали восставшие казаки и посадские люди, а воевод приводили к нему связанными.

Теперь бывший боярский слуга и расстрига Отрепьев, оказавшись на гребне народного выступления против Годунова, попытался сыграть роль казацкого атамана и народного вождя. Покинутый большей частью наемников, Отрепьев спешно формировал армию из непрерывно стекавшихся к нему казаков, стрельцов и посадских людей. Самозванец стал вооружать крестьян и включил их в свое войско. Войско Лжедмитрия тем не менее было наголову разбито царскими воеводами в битве под Добрыничами 21 января 1605 года. Несмотря на поражение Лжедмитрия, его власть вскоре признали многие южные крепости. В течение почти полугода воеводы не сумели взять Кромы, в которых засел атаман Корела с донцами. Под обгорелыми стенами этой крепости решилась судьба династии.

Обуреваемый страхом перед самозванцем, Годунов не раз засылал в его лагерь тайных убийц. Позже он приказал привезти в Москву мать Дмитрия и пытался у нее правду: жив ли царевич или его давно нет на свете?

13 апреля 1605 года Борис скоропостижно умер в Кремлевском дворце. Передавали, будто он из малодушия принял яд. Находившийся при особе царя во дворце Яков Маржарет засвидетельствовал, что причиной смерти Бориса явился апоплексический удар.

Незадолго до кончины Годунов решил доверить командование армией любимому воеводе Петру Басманову, отличившемуся в первой кампании против самозванца. Молодому и не слишком знатному воеводе предназначалась роль спасителя династии. Последующие события показали, что Борис допустил роковой просчет.

Между тем Лжедмитрий медленно продвигался к Москве, посылая вперед гонцов с письмами к столичным жителям. Когда разнесся слух о приближении «истинного» царя, Москва «загудела, как пчелиный улей»: кто спешил домой за оружием, кто готовился встречать «сына» Грозного.

1 июня посланцы Лжедмитрия Гаврила Пушкин и Наум Плещеев прибыли в Красное село, богатое торговое место в окрестностях столицы. Их появление послужило толчком к давно назревавшему восстанию. Красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Толпа смела стражу, проникла в Китай-город и заполнила Красную площадь. Годуновы выслали против толпы стрельцов, но они оказались бессильны против народа. С Лобного места Гаврила Пушкин прочитал «прелестные грамоты» самозванца с обещанием многих милостей всему столичному населению – от бояр до «черных людей».

Годуновы могли засесть в Кремле «в осаде», что не раз спасало Бориса. Но их противники позаботились о том, чтобы крепостные ворота не были заперты. Вышедшие к народу бояре одни открыто, а другие тайно агитировали против Федора Борисовича. Бывший опекун Дмитрия, Богдан Бельский всенародно поклялся, что сам спас сына Грозного, и его слова положили конец колебаниям толпы. Народ ворвался в Кремль и принялся громить дворы Годуновых. Посадские люди разнесли дворы многих состоятельных людей и торговцев, нажившихся на голоде.

20 июля Лжедмитрий торжественно въехал в Москву. Но уже через несколько дней раскрылся заговор бояр против него. Василий Шуйский был уличен в распространении слухов о самозванстве нового царя и, отданный Лжедмитрием под суд собора, состоявшего из духовенства, бояр и простых людей, был приговорен к смертной казни. Лжедмитрий заменил ее ссылкой в галицкие пригороды, но затем вернул Шуйского и двух его братьев с дороги и, простив, возвратил им имения и боярство.

Петр Йов был низложен, и на место его возведен архиепископ Рязанский, грек Игнатий, который 21 июля и венчал Лжедмитрия на царство.

Как правитель, самозванец отличался энергичностью, большими способностями, широкими реформаторскими замыслами. Лжедмитрий ввел в Думу в качестве постоянных членов высшее духовенство; учредил новые чины на польский манер: мечника, подचाшия, подскарбия. Он принял титул императора, или цезаря, удвоил жалованье служивым людям; старался облегчить положение холопов, воспрещая записи в наследственное холопство. Лжедмитрий хотел сделать свободным выезд своим подданным в Западную Европу для образования, приближал к себе иноземцев. Он мечтал создать союз против Турции, в который вошли бы Германия, Франция, Польша, Венеция и Московское государство. Его дипломатические отношения с папой и Польшей преследовали главным образом эту цель, а также признание за ним императорского титула. Папа, иезуиты и Сигизмунд, рассчитывавшие видеть в Лжедмитрии покорное орудие своей политики, просчитались. Он держал себя вполне самостоятельно, отказался вводить католицизм и допустить иезуитов. Лжедмитрий отказался делать какие-либо земельные уступки Польше, предлагая денежное вознаграждение за оказанную ему помощь.

В ноябре 1605 года состоялось в Кракове обручение Лжедмитрия, которого заменял в обряде посол московский Власьев, а 8 мая 1606 года в Москве был заключен и брак самозванца с Мариной Мнишек.

Царь Дмитрий все еще был популярен среди москвичей, но их раздражали иноземцы, прибывшие в столицу в свите Мнишек. Безденежные шляхтичи хвастались, что посадили на Москве «своего царя». Поляков, кстати, среди них было не так уж и много – явно преобладали выходцы с Украины, из Беларуси и Литвы, многие были православными. Но их обычаи, поведение, наряд резко отличались от московских. Воспользовавшись раздражением москвичей против поляков, наехавших в Москву с Мариной и позволявших себе разные бесчинства, мятежные бояре во главе с Василием Шуйским в ночь с 16 на 17 мая ударили в набат, объявили сбежавшемуся народу, что ляхи бьют царя, и, направив толпы на поляков, сами прорвались в Кремль.

Лжедмитрий, ночевавший в покоях царицы, бросился в свой дворец, чтобы узнать, что происходит. Завидев подступившую к Кремлю толпу, царь пытался спуститься из окна по лесам, устроенным для иллюминации. Если бы ему удалось уйти из Кремля, кто знает, как повернулись бы события. Но он оступился, упал и повредил ногу. Лжедмитрий пытался сначала защищаться, затем бежал к стрельцам, но последние под давлением боярских угроз выдали его, и он был застрелен.

Народу объявили, что царь был самозванцем. Тело его сожгли и, зарядив прахом пушку, выстрелили в ту сторону, откуда он пришел.

Марина Мнишек (ок. 1588 – ок. 1614)

Польская авантюристка. Дочь польского магната Ежи Мнишека. Жена Лжедмитрия I и Лжедмитрия II. Была выдана яицкими казаками русским правителям. Умерла, по-видимому, в заточении.

...Марине было около шестнадцати, когда в феврале 1604 года в прикарпатский городок Самбор к ее отцу, сандомирскому воеводе Ежи (Юрию) Мнишеку, прибыл человек, которому по прихоти истории суждено было на миг вознестись на российский престол. Известно, что претендент на престол впервые «открылся» православным украинским магнатам князьям Вишневецким: сперва Адаму, а затем его брату Константину, зятю Мнишека. Сандомирский воевода стал организатором экспедиции «царевича Дмитрия», добившись от него многочисленных обещаний, и прежде всего свадебного контракта. Документ, подписанный в Самборе 25 мая 1604 года, гласил, что после вступления на московский престол «царевич» женится на Марине; по обычаю ей полагалось обеспечение – «оправа». Марина должна была получить в личное владение Новгород и Псков; ее батюшке был обещан миллион польских злотых.

Экспедицию первого самозванца долгое время было принято изображать как попытку польского правительства и римской курии подчинить себе Русь. И хотя щедрое обещание «царевича» папскому нунцию и иезуитам помогли его будущему тестю получить разрешение короля Сигизмунда III на вербовку войск для похода, вся эта авантюра была делом рук прежде всего самого Мнишека, его ближайших родственников и союзников. Почему же 56-летний сенатор, владелец великолепных резиденций, влиятельный вельможа решился подобно Кортесу покорить с горсточкой наемников огромную державу? Причины просты: во-первых, жадность, отягощенная изрядными долгами; во-вторых, все та же фамильная гордыня, мечта о возвышении любой ценой.

Марина вряд ли была осведомлена обо всех интригах, предварявших московскую экспедицию ее отца и жениха. По всей вероятности, она приняла предложение «царевича» вполне добровольно.

Отзывы современников о первом Лжедмитрии, надо сказать, весьма благосклонны. Даже осуждая «расстригу», русские летописи отмечали, что был он «остроумен и наученный книжном доволен, дерзостен и велеречив вельми, конское ристание любляше вельми, на враги свои ополчителен, смел вельми, храбрость имея и силу велию». Ростом «царевич» был невысок, но, по отзывам современников, хорошо сложен. Хотя он не отличался красотой, ум и уверенность в себе придавали ему особое обаяние. Все эти качества, помноженные на титул наследника московского престола, делали его женихом более чем завидным. Судя по всему, в этом сватовстве присутствовал не только простой расчет. Поддержка Мнишека нужна была «Димитрию» лишь до вступления на престол; после этого настаивать на сва-

дье, торопить Марину и ее отца с приездом в Москву его могло заставить, пожалуй, лишь искреннее чувство.

В ноябре 1605 года в Краков прибыл посол нового царя дьяк Афанасий Власьев. По обычаю династических браков, ему было поручено представлять государя на заочном венчании. Обряд исполнил родственник Мнишек краковский архиепископ кардинал Бернард Мацеевский.

Избранница «московского царя» с огромным удовольствием играла роль царицы: восседала в церкви под балдахином в окружении свиты, посетила Краковский университет и оставила свой автограф в книге почетных посетителей. Осыпанная драгоценностями, Марина наслаждалась ролью царственной особы, и почести явно кружили ей голову.

Тем временем Мнишек получил от московского царя 300 тысяч злотых. 2 марта 1606 года Марина наконец выехала из родного Самбора, окруженная огромной свитой (по разным данным, ее численность составляла от 1269 до 3619 человек).

Въезд в столицу состоялся утром 2 мая. Эта церемония описана многими очевидцами, пораженными ее пышностью, великолепием, роскошью. Малиновый звон бесчисленных колоколов, длинное шествие придворных в раззолоченных нарядах, сияющие панцири кавалерии, толпы москвичей, пришедших увидеть свою новую государыню...

После краткого свидания с супругом в Кремле Марину привезли в Благовещенский монастырь, где ее встретила (как говорят, ласково) «мать» царя – вдова Ивана Грозного Марфа Нагая. Здесь полагалось несколько дней ждать венчания. Пребывание в монастыре слегка тяготило Марину. Она жаловалась на слишком грубую русскую пищу, и царь приказал кушанье для нее готовить польским поварам. Для развлечения Марины он послал в монастырь музыкантов, что шокировало москвичей и тотчас вызвало в народе толки.

Венчание назначили на четверг, 8 мая. И здесь Дмитрий снова нарушил русский обычай (хотя и не закрепленный в церковном праве): не заключать браки перед постным днем – пятницей. Перед самым заключением брака в Успенском соборе патриарх Игнатий помазал Марину на царство и венчал царским венцом (шапкой Мономаха). Это также не соответствовало русской традиции, но, похоже, Дмитрий хотел сделать приятное жене и тестю, подчеркнув особое положение Марины. Царица приняла причастие по православному обряду – вкусив хлеба и вина, что осуждалось католической церковью и могло восприниматься как принятие Мариной православия. В действительности Дмитрий не хотел принуждать жену к смене веры и желал лишь исполнения ею – для спокойствия подданных – православных обрядов во время торжественных церемоний.

А в городе тем временем становилось тревожно. раздражение москвичей росло.

Возникшим недовольством решили воспользоваться мятежные бояре во главе с князем Василием Ивановичем Шуйским (уже однажды изобличенным в интригах против Дмитрия, но неосмотрительно им прощенным). Слухи о заговоре дошли до царя, но он лишь отмахнулся. Торжества не прекратились. Возможно, открытое выступление против Дмитрия было бы обречено на неудачу. Но Шуйские пошли на хитрость.

В ночь на 17 мая в столице вновь зазвонили колокола. Разбуженные жители побежали на Красную площадь и обнаружили там всадников во главе с Шуйскими, кричавших, что поляки хотят извести государя. Толпа бросилась штурмовать дворы, занимаемые польскими вельможами и послами, в том числе и Юрием Мнишеком. Уцелели те, кто сопротивлялся до конца.

Стрельцы сперва хотели было защищать царя (обещавшего им награду), но заговорщики пригрозили им разорением стрелецкой слободы, и те в испуге отступились. Тело убитого царя было выставлено на Красной площади; Шуйские объявили о его самозванстве, несколькими днями позже князь Василий был избран царем, осуществив (себе же на горе) свою давнишнюю мечту.

Марина спаслась буквально чудом. Выбежав из спальни, она наткнулась на лестнице на заговорщиков, но, по счастью, не была узнана. Царица бросилась в покои своих придворных дам и, как рассказывали, спряталась под юбкой гофмейстерины Барбары Казановской (своей дальней родственницы). Лишь через несколько дней пан Юрий узнал, что дочь его осталась в живых. Но бояре забрали у нее все: подарки мужа, деньги и драгоценности, четки и крест с мощами. Марина, однако, не слишком жалела о потерянном. Марину ослепил блеск короны, но не блеск золота. И во всей истории с первым самозванцем Марина Мнишек была, пожалуй, единственной, кого трудно в чем-либо упрекнуть. Она вышла замуж за сына Ивана Грозного – не ее вина, что русский царевич оказался ненастоящим.

Вскоре Мнишеки, их родственники и слуги (всего 375 человек) были сосланы Шуйским в Ярославль. Местные жители неплохо относились к Марине и ее спутникам. Стража приглядывала за пленниками не слишком рьяно и даже помогала им пересылать письма в Польшу.

Смерть первого самозванца не обескуражила его сторонников.

Один из приближенных убитого царя, Михаил Молчанов, в майские дни 1606 года бежал из Москвы в Речь Посполитую, рассказывая по дороге о чудесном спасении покойника. Поверили многие (тем более что растерзанный труп, выставленный Шуйскими на Красной площади в скomorошьей маске, был неузнаваемым). Этим новостям было выгодно верить и Мнишеку. Этому верила и Марина.

Лжедмитрий II объявился в Стародубе в середине 1607 года.

В мае 1608 года войска самозванца, состоявшие из поляков, украинцев, белорусов и русских, одержали победу над Шуйским под Волховом.

Известия об успехах «царя Дмитрия» достигли Ярославля почти одновременно с новостями из Москвы. По перемирию с Польшей, подписанному 13(23) июля 1608 года, царь Василий обязался освободить всех задержанных поляков.

Предполагалось, что Юрий Мнишек и Марина отправятся в Польшу, предварительно пообещав не примыкать к новому самозванцу, а Марина не станет титуловаться царицей. 16 августа воевода с дочерью и частью свиты отправился в путь. Их сопровождал русский отряд во главе с князем Владимиром Долгоруковым. Путь пролегал через Углич, Тверь и Белую к литовской границе. Весьма вероятно, что сведения об этом путешествии достигли Тушина не без помощи пана Юрия. У Белой путешественников поджидал сильный тушинский отряд во главе с ротмистрами Зборовским и Стадницким. Воины Шуйского быстро разбежались. Марине было объявлено, что она едет в Тушино к своему мужу. Очевидцы вспоминали, что молодая женщина искренне радовалась предстоящей встрече. Впрочем, по дороге в Тушино Марине открылась тщательно скрываемая от нее правда. Известие это потрясло Марину.

Тем временем неутомимый Мнишек торговался с очередным «зятем». Лжедмитрий не жалел обещаний. Мнишеку было обещано 300 тысяч злотых (но только при условии взятия Москвы), а в придачу вся Северская земля и большая часть Смоленской. 14 сентября договор был заключен. Помимо щедрых посулов, «тесть» не получил практически ничего. Но мечта о будущем удельном княжестве и московском золоте заставила пана Юрия пожертвовать дочерью.

20 сентября 1608 года один из предводителей тушинцев – литовский магнат Ян Петр Сапега – торжественно проводил Марину в лагерь Лжедмитрия II. По-видимому, несколькими днями позже католический священник тайно обвенчал Марину с «царем». Будучи до этого всего лишь статистом исторической драмы, она попыталась – на несчастье свое – вмешаться в большую политику. Что двигало ею? Вряд ли желание реальной власти. Скорее, другое – оскорбленное самолюбие, память о считанных днях царственного величия.

В конце декабря 1609 года самозванец бежал из Тушина в Калугу. Марина осталась в лагере одна. 5(15) января 1610 года она обратилась к королю с просьбой об опеке и помощи.

Подчеркивая свои (именно свои, а не Лжедмитрия) права на московский престол, она говорила, что возвращение ей власти «будет служить несомненным залогом овладения Московским государством и прикрепления его обеспеченным союзом».

Сигизмунд всячески затягивал переговоры с тушинцами. Тогда Марина попыталась воздействовать на войско.

Объезжая лагерь, она сумела поднять значительную часть донских казаков и некоторые другие отряды. Но Рожинскому удалось подавить это выступление. Опасаясь наказания и, вероятно, выдачи королю, Марина в ночь на 24 февраля бежала из Тушина, облачившись в мужской наряд. Вела ее все та же гордыня. Марина не могла, не желала признать себя побежденной. Блеск царской короны был мимолетным, как солнечный зайчик, но дороги назад уже не было.

Сбившись с пути, она попала в Дмитров, занятый войсками Яна Петра Сапеги. Тушинский «гетман» советовал ей вернуться, и вновь в ответ прозвучало: «Мне ли, царице всероссийской, в таком презренном виде явиться к родным моим? Я готова разделить с царем все, что Бог ниспошлет ему».

24 июня 1610 года войско Шуйского было разгромлено поляками под началом коронного гетмана Станислава Жулкевского. Сам Шуйский 17 июля был «сведен» с трона, а затем насильно пострижен в монахи.

Московские бояре, выбирая из двух зол меньшее, заключили договор с Жулкевским, и Москва присягнула на верность Владиславу Жигмонтовичу, сыну Сигизмунда III. В город вошел польский гарнизон. Марине с Лжедмитрием пришлось бежать в Калугу. Их сопровождали 500 казаков атамана Ивана Мартыновича Заруцкого.

12 декабря 1610 года Лжедмитрий II был убит крещеным татаринном князем Петром Урусовым.

Марина была потрясена вестью о гибели мужа. Она оказалась едва ли не единственной, кто оплакивал его искренне. Жители Калуги сперва отнеслись к ней с сочувствием. Но бояре, желавшие присягнуть королевичу Владиславу, отправили ее в заключение. В начале января 1611 года у нее родился сын, крещенный по православному обряду и в честь «деда» названный Иваном.

В этот момент на стороне Марины выступили донские казаки атамана Заруцкого. Заруцкий намеревался посадить на престол новорожденного сына Марины, надеясь, по видимому, стать при нем регентом. Как бы там ни было, с января 1611 года казачий атаман оставался единственным союзником Марины (пытаясь использовать в своих интересах потускневшее, но все еще популярное в народе имя Дмитрия). Другие ополченцы не всегда относились к планам Заруцкого с энтузиазмом.

Тем временем Минин и Пожарский сформировали второе ополчение. В августе 1612 года при известии о приближении Пожарского к Москве Заруцкий вновь отступил к Калуге. Марина с сыном находилась в то время в Коломне. Как сообщает «Летопись о многих мятежах», «Заруцкий из-под Москвы побежо и пришеше на Коломну, Маринку взя, и с воренком с сыном, и Коломну град вгромив, пойде в Рязанские места, и там многую пакость делаше». Тем временем в Москве собрался Земский собор, избравший на престол 7 февраля 1613 Михаила Федоровича Романова. Участники Собора присягнули «на Московское государство иных государей и Маринку с сыном не обирати и им ни в чем не доброхотати, и с ними ни в чем не ссыпатися».

Некоторое время Марина с сыном и Заруцкий находились на Украине. Повидимому, отчаявшись, Марина и атаман хотели выйти из игры и найти убежище в Речи Посполитой, но казаки все еще нуждались в «знамени». Позже в Москве узнали, что «Заруцкий хочет идти в Казилбаши [Персию], а Маринка-де с ним идти не хочет, а зовет его с собою в Литву». Затем стало известно, что он собирается идти на Астрахань.

Казакам Заруцкого удалось захватить город и убить астраханского воеводу князя Хворостинина. Заруцкий завязал отношения с татарами, с персидским шахом Аббасом, надеясь, по-видимому, выкроить для себя, Марины и ее сына собственное государство на юге России. Марина с сыном расположилась в Астраханском кремле.

А Заруцкий продолжал рассылать указы и грамоты от имени «государя царя и великого князя Дмитрея Ивановича Всея Руси, и от государыни царицы и великой княгини Марины Юрьевны Всея Руси, и от государя царевича и великого князя Ивана Дмитриевича Всея Руси». В «ответных» грамотах московское правительство именовало ее «еретицею, богомерзкия, латынские веры люторкою (!), прежних воров женою, от которой все зло Российского государства учинилось». Казаков уговаривали отступить от Заруцкого, атаманы обещали прощение, если он покинет Марину. Так прошла зима 1614 года.

Астраханцам тем временем казацкая власть весьма надоела. Когда начались мятежи, Заруцкий заперся в Астраханском кремле и принялся стрелять из пушек по городу. На подходе были царские отряды. 12 мая 1614 года Заруцкий с Мариной, «воренком» и горсткой верных казаков бежали из Астрахани. 29 мая они взяли курс на реку Яик. Уже 7 июня воевода князь Иван Одоевский выслал на Яик отряд под началом стрелецких голов Пальчикова и Онучина. Целый день казаки отбивали атаки стрельцов, а на следующее утро связали Заруцкого, Марину и ее сына и присягнули Михаилу Романову. 6 июля пленников доставили в Астрахань, а 13 июля скованными отправили в Москву (стрельцам было приказано убить их в случае попытки освобождения).

Четырехлетний сын Марины вскоре был всенародно повешен за Серпуховскими воротами, став одной из последних жертв Смуты (и его невинная кровь, увы, пала на новую династию). Атамана Заруцкого также казнили.

Смерть же самой Марины последовала в том же 1614 году. Может быть, ее смерть ускорили – уморить человека в тюрьме нетрудно...

Пушкин как-то сказал, что Марина Мнишек «была самая странная из всех хорошеньких женщин, ослепленная только одною страстью – честолюбием, но в степени энергии, бешенства, какую трудно и представить себе».

Лжедмитрий II (? – 1610)

Самозванец неизвестного происхождения. Его называли Тушинским вором. С 1607 года выдавал себя за якобы спасшегося царя Дмитрия (Лжедмитрия I). В 1608–1609 годах создал Тушинский лагерь под Москвой, откуда безуспешно пытался захватить столицу. С началом открытой польской интервенции бежал в Калугу, где был убит.

Объявившийся в Стародубе в середине 1607 года Лжедмитрий II был личностью, совсем не подходящей для трона. «Мужик грубый, обычаев гадких, в разговоре сквернословный», – так аттестовал его польский ротмистр Самуэль Маскевич. Происхождение сего мужа воистину «темно и скромно» – то ли школьный учитель из белорусского местечка Шклова, то ли русский выходец, то ли попович, то ли крещеный еврей, то ли даже еврей некрещеный (что уж совсем невероятно). Его появление некоторые историки объясняют желанием польских панов посеять смуту в Московском государстве.

Рассказывают, что самозванец, вышедший из литовских владений в Московское государство, не решился сразу объявить себя царем. Сначала он называл себя московским боярином Нагим и распространял в Стародубе слухи, что Дмитрий спасся. Когда же его с пособником, подьячим Алексеем Рукиным, стародубцы подвергли пытке, последний показал, что называющий себя Нагим и есть настоящий Дмитрий. Он принял повелительный вид, грозно махнул палкой и закричал: «Ах вы, сякие дети, я государь!» Стародубцы и путивльцы бросились к его ногам и запричитали: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй нас. Рады служить тебе и живот свой положить за тебя». Он был освобожден и окружен почестями. К нему присоединились Заруцкий, Меховицкий с польско-русским отрядом и несколько тысяч северцев. С этим войском Лжедмитрий взял Карачев, Брянск и Козельск. В Орле он получил подкрепление из Польши, Литвы и Запорожья.

В мае 1608 года войскам самозванца удалось одержать победу над Шуйским под Волховом. Вскоре самозванец подошел к Москве и расположился в Тушине, в 12 верстах от столицы, отчего и получил кличку «Тушинский вор». Почти полтора года продолжался тушинский период российской Смуты. В лагере самозванца оказались не только польские, украинские, белорусские и русские авантюристы, но и представители знати – противники Шуйского. Лжедмитрий призывал на свою сторону народ, отдавая ему земли «изменников» бояр и позволяя даже насильно жениться на боярских дочерях. Лагерь вскоре превратился в укрепленный город, в котором были 7000 польских воинов, 10 000 казаков и несколько десятков тысяч вооруженного сброда.

Главная сила Тушинского вора состояла в казачестве, которое стремилось к установлению казачьей вольности. «У нашего царя, – писал один из служивших у него поляков, – все делается, как по Евангелию, все равны у него на службе». Но когда в Тушине объяви-

лись родовитые люди, то сразу стали возникать споры о старшинстве, появились зависть и соперничество друг с другом.

В августе-сентябре 1608 года часть освобожденных по ходатайству Сигизмунда поляков попала в распоряжение тушинцев. Находившаяся в их числе Марина Мнишек после уговоров Рожинского и Сапеги признала Лжедмитрия II своим мужем и была с ним тайно обвенчана. Сапега и Лисовский присоединились к Лжедмитрию. Казаки продолжали стекаться к нему, так что у него было до 100 000 человек войска.

В столице и окрестных городах влияние самозванца неуклонно росло. Ему подчинились Ярославль, Кострома, Вологда, Муром, Кашин и многие другие города.

Сначала самозванец обещал тарханные грамоты, освобождавшие русских от всяких податей, однако жители вскоре увидели, что им придется давать столько, сколько захотят с них брать. Поляки и русские воры образовывали шайки, которые нападали на села, грабили их, издевались над людьми. Такие поступки ожесточили русский народ, и он уже не верил в то, что в Тушине настоящий Дмитрий.

После неудачи поляков под Троице-Сергиевым монастырем положение «царька» Лжедмитрия пошатнулось, отдаленные города стали от него отсекаться. Очередная попытка захватить Москву не имела успеха; в Пскове и Твери тушинцы были разбиты и бежали. Москва была освобождена от осады.

Поход Сигизмунда III под Смоленск еще больше ухудшил положение Лжедмитрия – поляки стали переходить под знамена своего короля. Самозванец, переодевшись крестьянином, бежал из стана. В укрепленной Калуге его приняли с почестями. В Калугу прибыла и Марина Мнишек. Под охраной, выделенной Сапегой, Лжедмитрий жил в почете. Ему вновь присягнули Коломна и Кашира.

Под Клушином, в 150 километрах от Москвы, 24 июня 1610 года войско Шуйского было разгромлено поляками под началом коронного гетмана Станислава Жулкевского. Путь на Москву был открыт. Жулкевский подступал к ней с запада, самозванец – с юга. Лжедмитрий взял Серпухов, Боровск, Пафнутьев монастырь и дошел до самой Москвы. Марина остановилась в Николо-Угрешском монастыре, а самозванец – в дворцовом селе Коломенском. Вновь, как в тушинские времена, до Кремля было рукой подать и царский престол был пуст. Однако и на этот раз история отвела калужскому «царьку» незавидную роль. 17 августа Жулкевский заключил с московскими боярами договор, по которому на московский престол должен был вступить сын Сигизмунда III королевич Владислав. Москва, а потом и многие другие русские города присягнули ему на верность. Отныне введенный в Москву польский гарнизон стал непреодолимым препятствием для самозванца. Жулкевский, впрочем, пытался уладить дело миром. От имени короля он обещал Лжедмитрию в случае поддержки королевского дела отдать город Самбор или Гродно. Но, возмущенно писал гетман в своих мемуарах, «он не думал тем довольствоваться, а тем более его жена, которая, будучи женщиной амбициозной, довольно грубо бормотала: “Пусть Его Величество король уступит Его Величеству царю Краков, а царь Его Величество уступит королю Его Величеству Варшаву”». Тогда Жулкевский решил попросту арестовать их, но Марина с «царьком» 27 августа бежали в Калугу, сопровождаемые 500 казаками атамана Ивана Мартыновича Заруцкого, который впервые выступил на их стороне.

Он погиб вследствие мести крещеного татарина князя Урусова. Смерть Лжедмитрия произвела страшное волнение в Калуге; все оставшиеся в городе татары были перебиты донцами.

Иван Исаевич Болотников (? —1608)

Предводитель восстания (1606–1607). Беглый холоп, был в турецком рабстве. Организатор и руководитель повстанческой армии в южных районах России, под Москвой, Калугой, Тулой. В октябре 1607 года был сослан в Каргополь, а затем ослеплен и утоплен.

Иван Болотников был холопом князя Телятевского. Он бежал из его черниговских владений к донским казакам. Не известно, сколько времени Иван провел среди них, в каких походах участвовал, но в одной из схваток с крымскими татарами Болотников был взят в плен.

Татары продали Болотникова в Турцию, где он в течение нескольких лет был подневольным гребцом на галерах. В галерные гребцы попадали наиболее молодые, крепкие и выносливые пленники. Болотникова освободили немецкие корабли, перехватившие турок на море.

Болотников держал путь на родину через Германию и Польшу. Весть о вторичном «спасении» «Дмитрия», на сей раз от рук бояр-заговорщиков во главе с князем Василием Шуйским, воспользовавшихся народным восстанием в Москве 17 мая 1606 года против поляков, чтобы убрать самозванца, заставила Болотникова ускорить свое прибытие в Польшу.

«Дмитрий» нашел убежище в сандомирском замке. К. Буссов живописует в своей «Хронике» встречу Болотникова с неизвестной личностью, вероятно, фаворитом Лжедмитрия I Михаилом Молчановым, сумевшим после восстания 1606 года в Москве бежать в Польшу. Расспросив Болотникова и убедившись, что имеет дело с опытным воином, «верным царю Дмитрию», новый самозванец якобы сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводою и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь, в Польше,

что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук».

С этим письмом Болотников направился в Путивль. Князь Шаховской, видя его желание постоять за Дмитрия и убедившись в его знании военного дела, поручает ему отряд в 12 000 человек.

Болотников отправляется в Комарицкую волость и возвещает всем, что сам видел Дмитрия и Дмитрий назначил его главным воеводой. Против него Василий Шуйский выслал отряд под начальством князя Юрия Трубецкого, но последний, встретившись с силами Болотникова, отступил. Это послужило своеобразным сигналом к восстанию городов и холопов. Город за городом провозглашали царем Дмитрия и присылали к Болотникову вспомогательные отряды; холопы и крестьяне почти повсюду поднимались на своих господ и присоединялись к его отряду. Кроме того, к Болотникову примкнуло ополчение Истома Пашкова, отряд вольницы, пришедший из Литвы.

Кромы, Мценск, Одоев, Алексин, Калуга – все эти города лежали в районе наступления Болотникова. По пути на Москву Болотников лично руководил расправами над помещиками. Наступая на Калугу после победы над Кромами, Болотников обнаружил, что она занята войсками князя И. Шуйского, брата царя, посланными навстречу ему из столицы. Тогда Болотников вступил в переговоры с калужскими посадскими людьми. Те перешли на его сторону. Царское войско вынуждено было спешно покинуть город и дать сражение 23 сентября 1606 года в невыгодных для себя условиях.

На каких условиях открыли калужане ему ворота? Своих сторонников он щедро вознаграждал, отобрав у московских купцов товары, соль и хлеб. Таким образом, Болотников умело использовал противоречия между московским купечеством и местными торговыми людьми. При этом он искал поддержки у всего посадского населения города, включая и торговых людей с высоким достатком, возвышая их над пришлыми московскими купцами, существенно затрагивающими их коммерческие интересы. Сквозь пальцы смотрел он и на захват калужскими посадскими людьми имущества московских дворян.

С многочисленным войском главный воевода самозванца Дмитрия направился к столице. Стоявшие на пути города дружно признавали его власть. Только в Коломне отважились сопротивляться, что повлекло за собой полное разграбление города.

22 октября 1606 года Болотников остановился в селе Коломенском, в семи верстах от Москвы. Здесь он построил острог, укрепив его деревом и валом, и стал рассылать по Москве и разным городам грамоты, возбуждая бедных и меньших против богатых и знатных и призывая целовать крест законному государю Дмитрию Ивановичу.

Ополчение Болотникова стремительно росло; из него выделялись отдельные шайки, преимущественно из холопов, которые своими набегами и разбоями держали столицу в осадном положении. Москвичи уже готовы были подчиниться Болотникову, прося только показать им царевича Дмитрия, и даже начали с воеводой по этому поводу переговоры. Но Дмитрий не являлся.

Некоторые города стали выражать сомнение в существовании Дмитрия и переходили на сторону Шуйского. К тому же в самом войске Болотникова произошел раскол: один лагерь составили дворяне и боярские дети, другой – холопы, казаки и прочий люд. У последних в предводителях был Иван Болотников, у первых – Истома Пашков и братья Ляпуновы. Между вождями возникли разногласия, в результате на сторону Шуйского перешли сначала Ляпуновы, а затем Истома Пашков. Шуйский тем временем основательно укрепил Москву и теперь принимал в свое войско ополченцев от переходивших на его сторону городов.

Видя, что ратные силы Шуйского с каждым часом все увеличиваются, Болотников решил форсировать события. Он пытался взять штурмом Симонов монастырь, но был отброшен с большими потерями. Шуйский предложил ему сдаться, пообещав при этом высо-

кий чин. Но предводитель повстанцев оставался верным Дмитрию-самозванцу и был полон решимости бороться за его дело до последней возможности. Василий Шуйский решил перейти от обороны к нападению. Болотников был вынужден уйти из острога. Московские ратные люди преследовали его до деревни Заборье, где верный Дмитрию воевода смог снова укрепиться. Однако пало и это укрепление; часть казаков с атаманом Беззубцевым во главе перешли на сторону Скопина-Шуйского, начальника московского войска. Болотников бежал. В Калуге он собрал до 10 000 беглецов и приготовился к обороне.

Высланные сюда Шуйским отряды окружили город со всех сторон, несколько раз шли на штурм, разбили спешившее к Болотникову на помощь ополчение под командованием князя Масальского. Болотников успешно отбивал набеги неприятеля и сам предпринимал успешные вылазки. Ни многочисленные потери, ни недостаток в съестных припасах, особенно чувствительный к концу зимы, не могли его заставить сдаться, хотя ему было обещано полное прощение. Воевода, правда, был недоволен, что царевич Дмитрий все не являлся, а вскоре и совсем скрылся.

Тогда среди терских и волжских казаков появился новый самозванец, принявший имя царевича Петра, будто бы сына Федора Ивановича, подмененного дочерью, вскоре умершею. Он уже подступал к Путивлю. Его помощью и решил воспользоваться князь Шаховской. Он отправил Лжепетра в Тулу, а затем и двинулся сам. На помощь Болотникову он отправил отряд под начальством князя Телятевского. Последний разбил 2 мая царских воевод Татеева и Черкасского под Калугою, на Пчелве. Тогда Болотников сделал вылазку и навел такой страх на осаждавших, что они в страхе все разбежались, оставив неприятелю пушки, обоз и запасы. После чего воевода выступил из Калуги и направился в Тулу, где уже были Шаховской и Лжепетр.

30 июня к Туле подступил с большим войском (около 100 тысяч человек) и сам царь Василий Шуйский. Началась осада Тулы, продолжавшаяся немногим более трех месяцев. Ни атаки осаждавших, ни истощение продовольственных припасов не ослабили энергии и твердости Болотникова и его воинов. И неизвестно, сколько бы еще времени продолжалась эта осада и чем бы она окончилась, особенно после того, как между царскими полководцами возникли разногласия, если бы не явился к Шуйскому «большой хитроделец» Мешок Кравков, запрудю Упы затопивший Тулу.

По одной версии, Болотникова и Лжепетра выдали Шуйскому сами туляки. Другая же версия такова.

Осажденных стал мучить голод. Многие мятежники переходили с повинной к Шуйскому, но предводители продолжали отчаянно сопротивляться и соглашались сдаться только при условии, если им будет даровано прощение. «А если нет, – говорили они, – будем держаться, хотя бы нам пришлось друг друга съесть». Царь обещал им милость, и 10 октября 1607 года боярин Колычев занял Тулу.

Болотников явился перед Шуйским во всем вооружении, снял с себя саблю, положил перед царем, ударил ему челом до земли и произнес свое клятвенное обещание служить царю верно до гроба, если тот, согласно своему целованию, не прикажет его умертвить. 18 октября царь прибыл в Москву. Сюда же привезли и Болотникова и других предводителей мятежа. После допроса их отправили в тюрьму в Каргополь, где Болотникову выкололи глаза, а затем утопили.

Тимофей Анкудинов (1617–1654)

Самозванец, выдававший себя за Ивана Васильевича, сына царя Василия Шуйского, довольно долго разъезжавший по Европе, пока не попался в руки московским властям. Был четвертован в Москве.

Тимошка Анкудинов родился в Вологде в 1617 году. Отец его Дементий Анкудинов был мелким торговцем-холостяником. Он скупал холсты и полотно по деревням и потом в Вологде перепродавал их московским купцам.

Тимошка с самого раннего детства поражал всех своею смышленостью, и отец его отдал в школу при местном Пафнутьевском монастыре. Там Тимошка обучался чтению, письму, цифири и церковному пению. На шестнадцатом году жизни про его способности узнал вологодский архиерей, отец Нектарий, и взял его к себе в келейники.

Тимошка так понравился старцу, что стал для него просто необходимым. У этого архиерея была любимая внучка, Авдотья Васильевна, и отец Нектарий, чтобы прочнее привязать к себе смышленного, красивого и веселого Тимошку, женил его на своей внучке, дав в приданое за ней три деревни с большим рыбным озером.

Тимошка обратился в Тимофея Дементьевича и стал важным человеком. Дом – полная чаша, жена – красавица и любит без ума, сам архиерей ничего без Тимошки не делает, и со временем дела Вологодской епархии перешли фактически в его руки. Тимошка уже и тогда умел пользоваться положением, и щедрая мзда более руководила его решениями, чем правда и совесть.

Так благодушествовал Тимошка до 1636 года; когда престарелый архиепископ умер, на его место назначили другого, и тот устранил от себя и Анкудинова, и других близких покойному лиц. В числе их был дьяк Патрикеев, который дружил с Анкудиновым. Этот Патрикеев уехал в Москву и там скоро пристроился к одному из приказчиков. Остался Тимошка один и затосковал. Вероятно, он принадлежал к порочным от природы натурам, и только доброе влияние старика архиерея сдерживало его, потому что не прошло и года с его смерти, как Тимошка развернулся вовсю и пустился в разгул.

Отец его умер, прокляв его, мать ушла в монастырь, постригшись под именем Соломоницы, жена изводилась в слезах и горе.

Тимошка в два года пропил все свое состояние и тогда опомнился. На время он вновь принял человеческий образ, решился взяться за ум, примирился с женою и поехал в Москву, думая о своем приятеле Патрикееве. Патрикеев в то время был уже дьяконом при воеводе князе Черкасском в приказе Новой Чети. Тимошка прямо направился к нему, разжалобил его, и Патрикеев устроил Тимошку у себя в приказе писцом. Здесь у него товарищами оказались Василий Григорьевич Шпилькин и Сергей Песков.

Тимошка образумился и ретиво взялся за дело. Несомненно, он был незаурядным человеком, потому что в короткое время стал считаться в приказе самым деятельным и нужным человеком. Приказ Новой Чети ведал всеми царскими кабаками и кружальными дворами. Всем им надо было вести строгую запись и собирать с них деньги за водку.

Прошло всего три года, и Тимошка Анкудинов стал заниматься сбором денег и хранить казну в приказе. Снова он жил в почете и довольстве, снова звался Тимофеем Дементьевичем. У Тимошки снова был дом – полная чаша, жена на него не могла налюбоваться; и ко всему у него родился сын Сергей, которого крестили его сослуживцы – писец Песков и дьяк Шпилькин.

Но натура Тимошки не выдержала строгой жизни, и он снова предался разгулу и игре в зернь. Москва не Вологда, и здесь денег понадобилось еще больше. Тимошка, не стеснясь, пользовался царскою казною и скоро опустошил ее. Измученная его поведением жена стала вместо слез и упреков грозить ему. Тут Тимошка совершил первое воровское и наглое дело. Он пришел к куму своему Шпилькину и выпросил у него дорогие уборы и украшения для своей жены.

«Приехали ко мне вологодские купцы. Хочется жену в богатстве показать. Так не откажи. Сделай милость!»

Шпилькин с радостью сделал одолжение куму и отдал Анкудинову все уборы своей жены, серьги, запястья, ожерелья, которые тот тотчас пропил.

Спустя время Шпилькин спросил их у Анкудинова, а тот с наглостью отказался и даже обиделся. Шпилькин пошел жаловаться князю Черкасскому, но Тимошка так азартно стал ругать и поносить Шпилькина, что князь махнул рукой и сказал: «Делайтесь промеж себя сами!»

Так Анкудинов в лице бывшего своего друга и кума приобрел злейшего врага, который потом сторицею заплатил ему за свою доверчивость.

Тимошка продолжал куролесить. Он редко стал являться в приказ, пьянствовал без просыпу, бил жену смертным боем, и, когда приблизился день ревизии, решился на страшное дело. За время своих скитаний по кружалам и кабакам он сдружился с одним потерянным человеком, Константином Конюховским, польским шляхтичем, которого совершенно подчинил себе. С ним вместе он и выполнил задуманное.

Ребенка он передал своему куму Пескову, сказав, что с женой идет на богомолье, улестил жену, которая еще раз поверила в его исправление, и ночью, когда она заснула, запер ее в горнице, взял все, что было в доме ценного, и поджег дом, после чего с Конюховским убежал из Москвы.

От дома Анкудинова выгорела почти вся улица. На Москве решили, что и Тимошка, и жена его сгорели, а тем временем он со своим приятелем быстро двигался к польской границе. Подходя к Витебску, они остановились на дороге в корчме, где встретили торговавшего в России немецкого купца Миклафа. Тимошка подпоил его, ловко увлек беседою, а тем временем его друг и помощник вывел из конюшни большого, сильного брабантского коня Миклафа вместе с седлом и тороками, в которых было 2000 талеров.

Едва стемнело, Тимошка тоже выбрался из корчмы и скоро присоединился к приятелю, с которым направился к Можайску. Миклаф, протрезвев, хватился коня и денег и понял, что был нагло ограблен. В Москве он поднял шум. По описанным приметам дьяки подумали на Анкудинова, и тогда же явилось подозрение, что он не сгорел, а сбежал, к тому же в казне приказа осталось всего несколько рублей.

А Тимошка со своим другом, которого он обратил в слугу, доехал уже до польской границы и, назвав себя сыном умершего Василия Шуйского, властно приказал вести себя в Варшаву, к королю.

Смутное время, когда с такой жадностью поляки разоряли Русь, было еще недавним прошлым. Король Владислав пылал ненавистью к русским, которые не оправдали его надежд на престол. Самозванцы из Руси находили полную поддержку у поляков. Король Владислав милостиво принял Тимошку Анкудинова, обещал ему помочь, поручил его своему окружению, назначив от себя дом в Варшаве для пребывания, 4 пары коней, 2 крытых возка для пользования, 10 жолнеров для стражи, 6 пахолков для услуг и 3000 злотых в месяц на содержание, не считая стола, который тоже был от короля. Тимошка Анкудинов обратился в Иоанна Шуйского, и польская знать окружила его вниманием и почетом. Простодушный Конюховский только диву давался.

В это время приехали в Варшаву русские купцы и рассказали про пожар в доме Анкудинова, про растрату казны, ограбление купца Миклафа и высказали подозрение на Тимошку. По описаниям он походил на «Иоанна Шуйского», и канцлер предупредил Владислава, но тот только засмеялся.

«Нам заведомо, что он вор, но через него я принесу много хлопот Московии», – ответил он, и Тимошка продолжал жить веселой, беспечной жизнью, сытый, пьяный и ласкаемый женщинами.

Но Владислав не успел осуществить своего плана и умер.

Тимошка понял, что в Варшаве ему больше делать нечего, и решил перебраться к Богдану Хмельницкому с той же сказкой о своем происхождении.

Опять вместе с Конюховским он убежал ночью из Варшавы и стал пробираться в Малороссию. Богдан Хмельницкий в то время то ссорясь, то мирясь с Тугай-беем, сидел в Переяславле. Туда к нему добрался Тимошка, рассказал свою сказку и быстро вошел к нему в доверие. Между тем к Хмельницкому прибыло русское посольство от молодого царя Алексея Михайловича. Богдан Хмельницкий встретил русских послов с величайшим почетом. Он приказал звонить в колокола, стрелять из пушек и вышел за город, окруженный своими полковниками, бунчуками и нарядной свитою, в которой находился и Тимошка Анкудинов. Старшим послом прибыл Унковский, но, на беду Тимошки, в посольстве оказался знакомый ему дьяк Иван Козлов, который сразу его признал. Едва наступила ночь, Тимошка и Конюховский поспешили оставить гостеприимный Переяславль.

Козлов рассказал про Тимошку Унковскому, а Унковский спросил о нем Богдана и, когда узнал, что он еще и выдает себя за Шуйского, посягая на престол, потребовал его выдачи. Но Тимошки и след простыл.

Посольство, вернувшись в Москву, рассказало про свою встречу с новым самозванцем, и от царя во все посольства был разослан указ о его поимке. Ограбленному Миклафу, как

знавшему его в лицо и горящему мстью, был выдан открытый лист на поимку его в случае встречи..

А в голове Тимошки сложился уже новый план, и он со своим верным Конюховским прямо отправился в «Едигульские орды» к хану Девлет-Гирею. У Девлет-Гирея он принял магометанство, от него, обласканный, попал к крымскому хану и, наконец, добрался до самого турецкого султана. И тут он имел огромный успех. Султан обласкал его, приблизил к себе и обещал свою помощь для возвращения престола. Это было могущественное покровительство. Влияние султана было огромно. В то время посол императора Фридриха III раскуривал для него кальян, и за это султан приказал своему вассалу, князю Рогоцци, прекратить свои завоевания. За Тимошкой ухаживали все ищущие покровительства султана, и неизвестно, чем бы окончилась его странная карьера, если бы он не поддался своим страстям.

В пьяном виде он ухитрился проникнуть в гарем любимца султана, старого Мухамеда Киуприли, чуть не был схвачен и едва успел спастись от смерти. Остаться в Константинополе он уже не мог и поспешил убежать, направившись в Трансильванию, к князю Георгию Рогоцци, леннику султана. Он был ласково принят в столице князя, Вейсенбурге, и у него сложился новый план. Еще при дворе султана он слышал, что шведская королева ищет союза с Рогоцци для войны с Польшей; издавна он знал, что шведы ненавидят Россию, и потому решил обратиться к покровительству шведской королевы, для чего попросил у Рогоцци рекомендательное письмо. Тот снабдил его письмом и при этом дал еще 3000 талеров.

Тимошка покинул гостеприимный Вейсенбург и прибыл в Стокгольм, где и представился королеве, передав ей письмо Рогоцци.

Шведская королева Христина, дочь прославленного Густава Адольфа, была одной из самых эксцентричных личностей. Она ходила в мужском костюме, терпеть не могла женского общества, любила езду верхом, собак, охоту, пила, как рейтар, и была всегда окружена умнейшими людьми того времени. Такая королева не могла обходиться без фаворитов. Тимошка Анкудинов произвел на нее более чем благоприятное впечатление. Она сразу признала в нем великого князя Иоанна Шуйского и, сообразно званию, назначила ему дом для проживания, обед со своего стола, 4 коня, 10 человек прислуги и 5000 талеров в месяц, обещая содействие в занятии престола.

Беспрерывные балы, маскарады и охота с непременными пирами как нельзя более понравились Тимошке и его другу Конюховскому, и они катались как сыр в масле, но беда стерегла Тимошку.

В Стокгольм приехали русские купцы, и некоторые из них узнали Тимошку. Вернувшись в Москву, они тотчас донесли об этой встрече, и в Стокгольм, к Христине, был послан царским послом дьяк Козлов (тот самый, что признал его у Богдана Хмельницкого) с требованием выдать вора.

Пылкую и гордую Христину охватил гнев, когда она узнала, кому оказывала покровительство, она тотчас приказала схватить Тимошку, но его и след простыл. Он успел как-то пронюхать о грозящей беде и скрылся, покинув на произвол судьбы своего неизменного товарища. Волей-неволей царскому послу пришлось удовольствоваться злополучным Конюховским.

Судьба забросила Тимошку в Нейштадт, владение герцога Голштинского Фридриха II. Здесь, на беду, лицом к лицу встретился с ним злополучный купец Миклаф и поднял крик. Испуганный Тимошка бросился бежать, но был схвачен и посажен бургомистром в тюрьму городской ратуши.

Тимошка еще не унывал, но судьба его была уже решена. Миклаф предъявил открытый лист, по которому за выдачу самозванца предлагалось 100 000 червонцев, и стесненный в финансах герцог, не колеблясь, решил выдать Тимошку русскому правительству. Тимошка

тотчас был закован в кандалы и перевезен в казематы крепости. Отсюда бегство было уже немислимо.

Тем временем о поимке Анкудинова было отписано в Москву, и три месяца спустя за ним приехал со стражей старый его враг, дьяк Василий Григорьевич Шпилькин, тот самый, которого он обворовал когда-то.

Торг был заключен, и закованного Тимошку с великим бережением отвезли в Москву.

Тимошка упорно стоял на том, что он Иван Шуйский, сын царя Василия Шуйского, у которого не было вовсе детей.

Его уличали по очереди все знакомые: сам Шпилькин, Миклаф, Песков, приведший его сына, наконец, его мать, инокиня Соломонида. Тимошка стоял на своем, перенося мучительные истязания.

Наконец царю надоело слушать доклад о его упорстве, и он приказал казнить вора и самозванца обычной для таких преступников казнью – четвертованием.

В августе 1654 года на площади Большого рынка в Кремле была совершена эта страшная казнь. Сперва ему отрубили левую руку и левую ногу, потом – правую руку и правую ногу и, наконец, голову. Палачи нанизали их на пять кольев и бросили в свальную яму.

Генри Морган (1635–1688)

Британский буканьер, знаменитый пират. Организовал самые крупные экспедиции в истории вест-индских буканьеров. Завоевал Панаму (1671). В 1674 году удостоился рыцарского звания и был назначен вице-губернатором Ямайки.

Генри родился в местечке Пенкарн, что в графстве Монмутшир, или в Ланримни. Позже Морган говорил, что считает себя уроженцем графства Монмут в Валлийской Англии.

Семья его принадлежала к зажиточным землевладельцам. Но Генри Морган не пожелал жить в провинциальной глуши и отправился в поисках приключений в Вест-Индию. Он завербовался на работу в колонию Барбадос – остров стал английским владением в 1605 году. В 1658 году в возрасте 23 лет он перебрался с Барбадоса на Тортугу, где в течение пяти лет был рядовым разбойником.

В 1664 году, узнав, что его дядя, полковник Эдвард Морган, получил назначение на пост вице-губернатора Ямайки, он с первой же оказией отправился туда.

Менее чем через год после прибытия в Порт-Ройал Морган благодаря протекции дядюшки стал капитаном и владельцем корабля водоизмещением пятьдесят тонн с несколькими пушками на борту. Экипаж далеко не нового суда составлял тридцать человек. Генри принял предложение двух других капитанов, Морриса и Джекмана, захватить испанские шаланды, груженные кампешевым деревом, стоящие у мексиканского берега. Добыча была взята без единого выстрела, после чего экспедиция предалась разбойному плаванию у атлантического побережья Мексики. Флибустьеры разорили испанское селение Видья-Эрмосе в двенадцати лье от берега, однако на обратном пути натолкнулись на отряд в триста испанцев, поджидавших их на берегу и успевших занять их суда. Бой развернулся прямо на пляже под проливным тропическим дождем, что осложнило действия испанских мушкетеров: порох отсырел. В рукопашной борьбе флибустьерам не было равных, им удалось пробиться к кораблям и спастись.

Вскоре возле Белиза тридцати пиратам удалось захватить маленький порт Рио-Гарта и все привезенные туда на рынок товары (был как раз базарный день). Дальше к югу та же участь постигла Трухильо и еще несколько портов и селений.

Обычно грабеж начинался с церкви, кстати, сплошь и рядом никакой другой поживы не оказывалось. Встреченные индейцы были настроены миролюбиво, и Морган воспользовался этим в целях разведки. Посланные к устью реки Сан-Хуан индейцы, вернувшись, настойчиво повторяли название Гранада. Морган снарядил туда экспедицию из ста человек. Они плыли в индейских пирогах и только с наступлением шестой ночи сошли на берег Гранады, к тому времени насчитывавшей три с половиной тысячи жителей.

Люди Моргана захватили семнадцать пушек на центральной площади – огневую мощь местного гарнизона. Флибустьеры загнали человек триста в собор, остальные в панике разбежались. Нападавшие не потеряли ни одного человека.

За шестнадцать часов пираты вытащили из церквей кресты и чаши, а из домов – деньги, золотую и серебряную посуду, драгоценности, золоченое шитье, шелка и бархат. Гранада оказалась настоящей сокровищницей.

Таинственным образом весть о триумфе намного опередила возвращение победителей. В Порт-Ройале три корабля экспедиции встречала толпа народа. Морган сообщил губернатору, что половину сокровищ Гранады пришлось оставить на месте: взяли столько, сколько могли унести. Вскоре с Морганом встретился адмирал английских флибустьеров Эдвард

Мансфилд и предложил Генри стать его заместителем. Стать вице-адмиралом под началом прославленного героя – высокая честь, поэтому Морган ответил согласием.

Пятнадцать кораблей под командованием старого адмирала и его новоиспеченного заместителя вышли в море ясным январским утром 1666 года. Из Лондона поступил приказ нанести удар по заморским владениям Голландии, с которой Англия находилась в состоянии войны.

Вечером четвертого дня было решено захватить испанский остров СантаКаталина (ныне – Провиденс). Для флибустьеров взятие острова было пустячным делом. Увы, грабить там оказалось нечего, и разочарованные люди Моргана едва не взбунтовались. В результате Мансфилд отправил Моргана назад, на Ямайку.

Там Морган построил себе дом, решив обзавестись семьей. Его супругой стала его дальняя родственница Елизавета Морган.

Но с каждым месяцем дела на острове шли все хуже и хуже.

Когда Мансфилд возвратился из похода, Моргана не оказалось на острове. Вскоре старый адмирал отплыл из Порт-Ройала. Через несколько месяцев пришло известие, что Мансфилд прибыл в Тортугу и там умер. Смерть скоропостижная и во многом загадочная, поговаривали даже, что он был отравлен...

Едва Мансфилд вышел в море, в Порт-Ройале объявился Морган. Валлиец был официально возведен губернатором Томасом Модифордом в ранг адмирала.

В начале 1668 года Морган на трех кораблях ушел в плавание. Недалеко от кубинского побережья к нему присоединились еще девять судов – три английских и шесть французских. Под началом адмирала оказалось около семисот человек, в том числе четыреста пятьдесят англичан.

Целью нападения был выбран Пуэрто-дель-Принсипе, город, расположенный в глубине острова Куба. Флибустьерский флот бросил якорь в бухте Санта-Мария. Двенадцать дней продлилась пиратская оккупация города. Но поживиться там было нечем – единственное «сокровище» заключалось в скромной утвари двух церквей.

Вскоре флотилия Моргана отправилась в новую экспедицию, на этот раз на девяти кораблях. Местом назначения был город Пуэрто-Бельо – Дивная гавань, как называл Колумб удобную бухту, врезающуюся в гористый берег Панамского перешейка. Два-три раза в год караван перевозил сокровища Чили и Перу в Пуэрто-Бельо. По прибытии каравана на атлантическое побережье там устраивалась Золотая ярмарка, длившаяся две недели.

Адмирал Морган все предусмотрел и все приготовил. Высадились ночью. Четыреста восемьдесят бойцов на лодках двинулись вверх по течению Гуанчи, чтобы зайти в тыл Пуэрто-Бельо.

На этот раз экспедиция оказалась успешной. Добыча составила двести пятьдесят тысяч золотых пиастров, сокровища церквей и монастырей, ювелирные изделия, драгоценные камни и богатые ткани, множество другого товара, триста рабов. Богатство Порт-Ройала возросло по меньшей мере на треть.

В 1668 году английский король Карл II отправил на Ямайку корабль «Оксфорд», водоизмещением 300 тонн, с 36 орудиями на борту, под командованием одного из самых способных капитанов, Эдварда Коллиера. Ему было предписано обеспечить защиту острова против нападения с моря. Губернатор приказал капитану Коллиеру поступить под командование адмирала Моргана.

Перед тем как отплыть в очередную экспедицию, на кораблях устроили пир. Морган пировал на «Оксфорде». Канониры капитана Коллиера, бегавшие в погреб за порохом для заздравных залпов, успели накачаться до потери сознания; в конце концов один из них ворвался в погреб с еще тлевшим фитилем. «Оксфорд» взлетел на воздух. Все пировавшие

на баке – около двухсот человек – погибли. Шлюпки вылавливали немногих уцелевших, среди которых оказались Морган и Коллиер.

У Моргана осталось всего восемь кораблей и от силы пятьсот человек. Он отправился в Маракайбо, но добыча оказалась скудной. Захваченных горожан, которые должны были уплатить выкуп, запирали, по обыкновению, в церквях. За пять дней «кампании» адмирал не потерял ни одного человека.

Засада ожидала моргановское войско у выхода из лагуны, двенадцать дней там стояли три мощных испанских корабля. Низкая осадка не позволяла фрегатам войти в мелководную лагуну, поэтому они заперли флибустьеров в озере, отрезав им единственный путь к отступлению.

3 мая вахтенный офицер испанской «Магдалены» доложил адмиралу, что флибустьерские корабли затеяли какой-то маневр. Через какое-то время они приблизились к испанским фрегатам. Неожиданно корабли Моргана опустили паруса и остановились.

На рассвете следующего дня флибустьеры подняли паруса и решительно двинулись к испанским фрегатам, при этом три крупных корабля держались позади. Вперед вырвалось лишь одно судно под флагом Моргана.

Расстояние все сокращалось. Испанцы приготовились к abordажу, по нападавшим открыли огонь из мушкетов и пистолетов. Корабль Моргана вплотную подошел к «Магдалене» и стукнулся о ее борт. Испанские матросы вонзили в него abordажные крючки. Борт «испанца» был много выше, и солдаты, спрыгнув на палубу дерзкого пирата, тут же застрелили нескольких нападавших, остальные бросились в море и лихорадочно поплыли прочь. Испанцы в недоумении забегали, натыкаясь на соломенные манекены и деревянные орудия. Их недоумение длилось всего четыре секунды. На пятой палуба пиратского судна разверзлась у них под ногами, ослепительная вспышка затмила взор и на «Магдалену» обрушилось пламя.

Матросы испанской «Маркесы» спешно обрубали якорные канаты и выбросили свой корабль на берег. «Сан-Луис» был захвачен флибустьерами. Добыча оказалась огромной. Выкуп, драгоценности и рабы оценены в двести пятьдесят тысяч реалов.

К 1669 году все путешественники, побывавшие в Панаме, описывали ее как место сказочных наслаждений. В десяти тысячном городе размещалась казначейская палата, куда свозили добытое в Перу золото. Морган решил покорить Панаму. В конце 1669 года он обладал значительным влиянием. Он только что купил на Ямайке огромное поместье, впоследствии названное Долиной Моргана.

Подготовка к походу заняла шесть месяцев. 19 декабря 1670 года армада подняла паруса. Она состояла из 28 английских и 8 французских кораблей и насчитывала 1846 человек.

Вначале Морган намеревался совершить рейд на Провиденс (Санта-Католину) и отобрать остров у испанцев, чтобы обеспечить тыл экспедиции, а во-вторых, набрать там индейцев – проводников, знающих Панамский перешеек. Остров Провиденс был захвачен 22 декабря 1670 года. Затем авангард из четырехсот человек захватил форт Сан-Лоренсо. Наконец пираты вышли на тропу, по которой испанцы перевозили награбленное у индейцев золото. В походе участвовали тысяча четыреста пиратов. Ядовитые змеи, ягуары и крокодилы то и дело попадались на пути. Еще опаснее были укусы moskitov и ядовитых муравьев, которыми кишели джунгли. Начался голод. Пришлось есть листья и траву.

Пираты закричали от восторга, когда увидели городские башни Панамы. Но город был хорошо укреплен, испанцы возвели на дороге к нему укрепления и поставили батареи.

18 января губернатор Панамы Гусман предпринял вылазку из города с большим отрядом. Тридцать индейцев должны были в решительный момент выпустить на поле полторы

тысячи «боевых единиц», с которыми моргановским флибустьерам еще не приходилось сталкиваться, – полудиких быков.

Морган назвал придуманное им расположение войск терцией. Отряд стоял ромбом. В голове размещался отряд из 300 человек, обращенный острием в сторону врага. В центре – главные силы, 600 человек, стоявшие прямоугольником. Затем арьергард, треугольник в 300 человек. Один фланг флибустьерской армии защищал холм, другой – болото. Весь строй медленно двигался вперед под барабанный бой.

Испанские всадники, натолкнувшись на острие терции, рассыпались в стороны, а пираты вели в упор убийственный огонь из мушкетов. Не помогли испанцам и быки: после первого выстрела флибустьеров они повернули назад и, отбежав подальше в поле, принялись мирно щипать травку.

Битва продлилась два часа. Большие испанские корабли успели выйти в море, успев взорвать пороховые склады. Панама была объята пламенем. Флибустьеры успели собрать огромную добычу, но многое сгорело.

По возвращении в Сан-Лоренсо Морган объявил, что на каждого участника экспедиции приходится 200 пиастров, в то время как все рассчитывали получить самое меньшее по тысяче реалов. Разочарованные пираты обвинили своего адмирала в надувательстве. Несколько дней жизнь адмирала была в опасности. Морган отплыл в обратный путь тайно, в сопровождении лишь четырех судов. Большая часть пиратов остались разбойничать на побережье Центральной Америки.

В июле 1670 года Испания официально признала владения Англии в Карибском море и две державы договорились о прекращении пиратства в отношении друг друга. Губернатор Ямайки узнал об этом договоре только в мае 1671 года. И все же он превысил свои полномочия, объявив войну Испании и назначив Моргана адмиралом.

В апреле 1672 года Генри Морган был арестован и отправлен в Англию. В Лондоне к нему отнеслись снисходительно. А многие считали его выдающимся мореплавателем. Словом, судебный процесс не состоялся. Три года Морган прожил в столице Англии. Он был принят в лучших домах. А когда началась война с Нидерландами, знаменитого пирата попросили написать меморандум о защите Ямайки. В 1674 году с поста губернатора был смещен Томас Линч. Морган удостоился рыцарского звания и назначения вице-губернатором Ямайки.

С начала 1680 года Морган на посту исполняющего обязанности губернатора. Он немедленно закрывает Порт-Ройал для всех флибустьерских судов и объявляет пиратов вне закона. «Я намерен предать смерти, бросить в узилище либо выдать испанским властям всех пиратов, которых мне удастся задержать», – писал бывший пират в Лондон. Население приняло эти меры с удовлетворением.

В 1682 году на Ямайку возвращается Томас Линч и занимает пост губернатора. Он сразу же отстраняет Моргана от должности.

В конце 1687 года очередной губернатор, герцог Альбемарлем пишет в Лондон прошение о восстановлении Моргана членом Совета острова. Лондон отвечает не сразу. Лишь в июле 1688 года прибывает корабль с вестью, что прощение удовлетворено. Но бывший пират уже редко поднимается с постели. 25 августа около одиннадцати часов утра сэр Генри Морган скончался. Его состояние на нынешние деньги составляло более одного миллиона фунтов стерлингов. Любопытно, что нынешнее семейство американских миллиардеров Морганов не скрывает, что их династия началась именно с того самого Генри Моргана, знаменитого мореплавателя и авантюриста.

Степан Тимофеевич Разин (ок. 1630–1671)

Предводитель Крестьянской войны 1670–1671 годов, донской казак, атаман, воевал с крымскими и турецкими феодалами. Совершил с отрядами казацкой голытьбы поход на Волгу и Яик (1667), в Персию (1668–1669). Весной 1670 года возглавил Крестьянскую войну, в ходе которой проявил себя опытным организатором и военачальником. Был выдан казацким старшиной царскому правительству и казнен в Москве.

Степан Тимофеевич (Стенька) Разин был среднего роста, широкоплеч, крепко сложен, отважен, жесток и хитер. По словам иностранных летописцев, брат Степана Тимофеевича, служивший в войске князя Георгия Долгорукого, был повешен за дезертирство. Степан и третий брат, Фрол, будто бы поклялись отомстить за него боярам и воеводам. Однако этот эпизод пока не нашел документального подтверждения.

В 1667 году, собрав отряд из голытьбы и разбойников, Разин хотел плыть по Азовскому морю и грабить турецкие берега, но черкасский атаман Корней Яковлев не позволил ему этого и некоторое время удерживал казаков в повиновении московскому царю. Тогда Стенька поплыл верх по Дону, грабя богатых казаков и разоряя их дома. Добравшись до того места, где Дон сближается с Волгой, он заложил там стан (около города Паншина), названный Ригой. Порох и свинец казаки получали от посадских людей из Воронежа за деньги или в обмен на товар. Когда слух о появлении казацкого стана дошел до Царицына, началась переписка местного начальства с московским, но серьезных мер против казаков никто не принимал.

Чуть позже тысячный отряд Разина напал на караван, спускавшийся по Волге с грузом хлеба из Нижнего Новгорода в Астрахань. Барки были разграблены, агенты, сопровождавшие хлебный транспорт, подвергнуты пыткам и повешены. Одна из барок принадлежала патриарху Иосафу, недавно унаследовавшему сан Никона, – возможно, именно это обстоятельство привело Степана к мысли выдать себя за союзника Никона, мстящего за его низложение. Позднее легенда о пребывании Никона в шайке отважного атамана получила широкое распространение.

Караван сопровождал отряд стрельцов, который не оказал разинцам никакого сопротивления. Бездействие стрельцов воспламенило народное воображение. Атаман прослыл колдуном: одним окриком он останавливает корабли; одним взглядом повергает в оцепенение солдат, которым поручена охрана их; от его тела отскакивают пули.

Окрыленный легким успехом, Стенька расположился лагерем на холмах близ Камышина и готовился к новым подвигам. Наконец он отправился к Царицыну, но не взял его, а

только напугал воеводу, который беспрекословно подчинился его требованиям. У Стеньки были теперь уже 35 стругов и 1500 человек. Он проплыл мимо Черного Яра, где разбил и высек московского воеводу Беклемишева.

Скорее всего, у Разина вообще не было никакого плана. Авантюрист по натуре, он искал приключений. Стенька обогнул северный берег Каспийского моря до устья Яика, нынешнего Урала, и напал на одноименный городок, не оказавший сопротивления. Из этого городка Разин совершал набеги на крымских татар, к устью Волги и против мусульманских кораблей вдоль дагестанского побережья.

Переговоры с казаками, захватившими Яик, не дали никакого результата. Не произвели на них никакого впечатления и послания царя. В конце 1667 года астраханский воевода князь Иван Прозоровский получил приказ выступить в поход. Стенька Разин быстро расправился с высланным против него отрядом; часть солдат он переманил на свою сторону, остальных перебил. Весной следующего года он получил с Дона подкрепление в 700 казаков и вышел в море; начался самый блестящий период его карьеры.

Опустошив персидское побережье от Дербента до Баку, Разин достиг Решта. Вступив с казаками в переговоры и согласившись обменяться заложниками, губернатор города Будархан открыл рейд казачьей флотилии. Стенька собирался обосноваться на персидской земле и послал шаху предложение поступить к нему на службу. Однако переговоры затянулись. Тем временем жители Решта тайно напали на казаков и убили 400 человек. Разин отплыл в Фарабат.

Казаки жестоко отомстили за поражение. Явившись в Фарабат будто бы с намерением наладить торговые отношения с местным рынком, они неожиданно напали на жителей. Весной 1669 года казаки вернулись на восточный берег Каспийского моря, чтобы разграбить туркменские улусы и напасть затем на персидский флот. Флот был уничтожен. Персидский адмирал Менедихан спасся всего с тремя судами, оставив в руках победителя сына и дочь, которую Стенька сделал своей любовницей.

Похождения казачьего атамана начали принимать опасный оборот. Переговоры, затеянные шахом, провалились; Стенька и его спутники не знали, что им дальше делать и как поступить с награбленной добычей. Тем временем астраханский воевода, подготовившись на этот раз более основательно, с нетерпением ждал их у прохода с 36 судами и 4000 стрельцов.

Не разобравшись в ситуации, Стенька безрассудно сразился с этой внушительной силой, но вынужден был отступить, а затем сдался на милость победителя. Следуя инструкциям, Прозоровский пошел на большие уступки. Казаки предложили возвратить все, что они награбили на не мусульманской территории, разгром же каспийских берегов можно считать ответом на постоянные набеги персидских подданных или данников на московские прибрежные владения. Соображения эти легли в основу переговоров.

Стенька пировал с воеводами, одарил их персидскими тканями, бил челом царю городами, отнятыми у шаха, и достиг своей цели – позволения вернуться на Дон с остальной частью добычи. Пообещав сдать свою артиллерию, он сохранил двадцать пушек, сославшись на необходимость идти через степи, где ему могли угрожать крымские или азовские татары и турки.

Позже воевод упрекали за то, что они не распределили казаков по стрелецким ротам. Но воеводы даже не помышляли об этом: Стенька и его друзья предстали перед ними в таком великолепии – покрытые шелками, с руками, полными золота, – что воскресили в них воспоминание об Олеге и его дружине, ослепивших Киев богатствами, захваченными в греческой империи. На лодках их красовались чуть не легендарные шелковые канаты и паруса! Для стрельцов соблазн был слишком велик, у них могло появиться желание присоединиться

к торжествующей казачьей вольнице. Казаки шатались по кабакам в бархатных кафтанах и расплачивались драгоценными жемчужинами.

Прибывший в это время в Астрахань на корабле «Орел» голландец Стрюис так описывал атамана:

«Он казался высоким, держался с достоинством, имел вид горделивый. Сложен он был стройно, но лицо было несколько попорчено рябинами. Он обладал даром внушать страх и любовь... Мы вторично посетили его и нашли на реке, в раскрашенной и вызолоченной лодке, пьющим и веселящимся с некоторыми из его офицеров. Возле него была персидская принцесса...»

Красота этой наложницы и ее знатное происхождение еще больше поднимали авторитет Стеньки, возбуждая, впрочем, зависть среди его соратников. Этим, вероятно, объясняется неожиданный поступок, которым, согласно преданию, завершился роман с персидской царевной. В самый разгар пиршества, опьяненный вином и страстью, атаман бросил прекрасную персиянку в Волгу, оправдывая свой поступок желанием рассчитаться с любимой рекой, наградившей его властью, золотом, всякими богатствами; он, в свою очередь, пожертвовал ей лучшую часть своей добычи!

Подобные эпизоды внушили астраханским воеводам желание поскорее избавиться от таких соседей; 4 сентября казаки покинули Астрахань.

Поднимаясь по Волге, Стенька вопреки договоренности вошел в Царицын, где поил своих людей водкой за счет жителей, сорвал откуп с царицынского воеводы Григория Унковского и направился наконец к Дону. Навстречу ему выехали послы, которых он отправил в Москву.

В Астрахани Разин проникся сознанием своего значения и могущества; он и не думал выполнять только что принятые на себя обязательства. Не вернув, как обещал, оставленных ему двадцати пушек, он окопался между Кагальником и Ведерниковым, вызвал в новую резиденцию свою жену и брата Фрола и как бы поделил область войска Донского: в Черкасске верховодил по-прежнему Корнил Яковлев, под началом Разина было до 2700 хорошо вооруженных казаков, овеванных легендарной славой персидского набега.

Для того чтобы заручиться поддержкой местного населения, он воздерживался от грабежей и даже не мешал развитию торговых отношений между Донской областью и Москвой. Он добивался лишь, чтобы московские купцы отдавали предпочтение Кагальнику перед Черкасском, что, впрочем, совпадало с чаяниями торговцев. Черкасские казаки, конечно, косились на конкурента, угрожавшего им разорением.

Корнил Яковлев не выдержал конкуренции, и вся власть вскоре перешла к Стеньке, который стал вводить новые порядки. Считая попов агентами московского правительства, он предпринял попытку ввести гражданский брак. Разин поднялся по Дону до городка Паншина, где соединился с Васькой Усом, разорявшим тем временем помещичьи вотчины около Воронежа и Тулы. Вместе с этим подкреплением набралось до 7000 вооруженных людей, с которыми Стенька двинулся сухопутным путем к Царицыну.

Жители этого города покорно раскрыли перед ним ворота. Башня, в которой засел градоправитель Тимофей Тургенев, была взята приступом; несчастного воеводу протащили с петлей на шее до Волги и утопили. У Стеньки Разина возник грандиозный план: подняться по реке, захватывая по пути города и расправляясь с воеводами, как с Тургеневым, взбунтовать население и пойти на Москву, чтобы положить там конец правлению бояр, врагов народа и царя.

Узнав, что Прозоровский послал сильный отряд из Черного Яра и что одновременно 5000 стрельцов из Москвы спускаются по реке к Царицыну, чтобы зажать его в тиски, Стенька выступил им навстречу, настиг отряд у острова Денежного, в семи верстах от Царицына, и оттеснил к городу, где стрельцов встретили пушечными выстрелами. Часть из них

погибла, другая часть попала в плен. Московский военачальник Иван Лопатин и его помощники разделили участь Тургенева. Уцелевшие стрельцы были удивлены, узнав, что Стенька вовсе не сражается против царя, а выдает себя за его защитника от гнусной боярской камарилы.

Астраханские стрельцы также не выдержали натиска и сдались без сопротивления. Стенька Разин, соблазнившись возможностью разграбить Астрахань и установить там свое правление, изменил первоначальный план – подняться по Волге и идти на Москву, ослабленную войной с Польшей. Вместо этого он поспешил в южную торговую столицу.

Князю Прозоровскому сообщил о поражении спасшийся командир отряда астраханских стрельцов князь Семен Львов. Прозоровский поспешил укрепить город. Но население его было взбудоражено тревожными слухами и предзнаменованиями. Среди стрельцов началось брожение; 15 июня они с угрозами потребовали уплаты просроченного жалованья. При помощи духовенства Прозоровскому кое-как удалось их успокоить. Через неделю Стенька Разин появился под стенами города. Два дня спустя после попытки вступить с осажденными в переговоры он пошел на штурм.

Астрахань была защищена стенами в четыре сажени (сажень – 2,134 м) вышины и в полторы сажени толщины, с башнями и 460 пушками. Но стрельцы убили лейтенанта Фому Бойля, помощника капитана «Орла» Бутлера, командовавшего артиллерией, и пушки не помешали казакам влезть по лестницам на укрепления. Московские офицеры и чиновники спрятались в соборе. Прозоровский был тяжело ранен пикой. Митрополит успел лишь причастить мужественного воина. Заперли тяжелую, из кованого железа дверь храма, но в окна летели пули. Наконец дверь поддалась, и, переступив через тело стрелецкого сотника, защищавшего вход в церковь, казаки накинулись на еще живого Прозоровского и связали его и остальных московских посланников.

Расправа не заставила себя ждать: Стенька прошептал несколько слов Прозоровскому, воевода отрицательно покачал в ответ на его предложение головой, и тотчас же казаки потащили умирающего на колокольню, откуда сбросили его на крепостные стены. После проведенного для видимости допроса остальные пленники были казнены. В монастыре Святой Троицы, где их похоронили, один монах насчитал 441 труп.

За побоищем последовал грабеж.

Стенька Разин превратил Астрахань в казачий город, разделив жителей на тысячи, сотни и десятки под начальством избранных есаулов, сотников и десятников, организовал «круг» и говорил, что собирается восстановить древнее вече. Однажды утром население вывели за город, на большое поле, принять присягу на верность царю, атаману и казачьему войску, с клятвой выдавать «изменников». Два священника отказались от присяги; Стенька велел утопить одного из них, а другому – отрезать руку и ногу. Он приказал сжечь все бумаги архивов и канцелярий, заявив, что поступит так же в Москве и даже в самом дворце царя. Неграмотным казакам эти бумаги были не нужны.

Атаман и его подручные бражничали с утра до ночи, превратив свое правление в непрерывную оргию.

В конце июля Разин почувствовал, что Москва может собраться с силами и тогда с ней не совладать. Он велел выступать в поход. Увы, но благоприятное время уже было потеряно.

Оставив в Астрахани Ваську Уса, Стенька поднялся по Волге на двухстах лодках; две тысячи верховых казаков следовали по берегу. Затем были также захвачены и разграблены Саратов и Самара. В начале сентября Разин достиг Симбирска. Это было время его триумфа.

Симбирский воевода Иван Милославский получил в подмогу из Казани отряд под начальством князя Георгия Барятинского. Барятинский вступил в бой с превосходящими силами крамольного атамана и продержался целый день. Ночью, однако, повторилось то же, что случилось в Астрахани и Царицыне: жители Симбирска пустили казаков в главный форт

города, и под огнем собственных пушек Барятинский вынужден был отступить. Милославский стойко держался в другом форте. Стенька в течение целого месяца не мог вытеснить его оттуда. Тем временем Барятинский вернулся со свежими войсками. Дважды раненный в схватке, Разин лишился возможности руководить своими людьми и был разбит наголову. Под покровом ночи Степан с донскими казаками спустился по Волге.

Утром Барятинский и Милославский без труда расправились с остатками войска Разина. Несколько сот человек были брошены в воду; остальных или изрубили на куски, или повесили вдоль дорог.

Но до этого разгрома народные волнения стали приобретать гигантский размах. Отступление Барятинского произвело сенсацию; к тому же казаки распространяли соблазнительные слухи по всему течению Верхней Волги, что среди них находится не только патриарх Никон, но и царевич Алексей – жертва бояр, обманывающих своего государя. Стенька окружал глубокой таинственностью две старательно оберегаемые лодки в его флотилии, в которых за красными и черными бархатными драпировками будто бы скрывались высокопоставленные особы.

В своих воззваниях он объявлял беспощадную войну чиновникам всех рангов, предвещал конец всякой бюрократии и всякой власти. Хотя он отрицал, что выступает против царя, однако давал понять, будто и этот институт власти уже отжил. Но Стенька не хотел заменить его собственным. Как казак, он останется среди казаков, своих братьев, которые в новой организации, скопированной по образцу казачьих установлений, установят всюду полное равенство.

Народ взбунтовался на обширной территории от саратовских степей до Рязани и Воронежа. Крестьяне убивали своих помещиков или их управляющих и массами переходили в казачество. Всюду организовались новые шайки; при их приближении городская гольтьба бросалась на воевод и их подчиненных, заменяла их атаманами и есаулами, устанавливая новый режим, не забыв предварительно истребить представителей старого.

Местные инородцы, мордва, чуваш и черемисы, присоединялись к восстанию. Движение с особенной силой распространялось на запад к Пензе и Тамбову, и на северо-запад, к Нижнему Новгороду. Однако в Арзамасе прославленный полководец, князь Георгий Долгорукий перешел в наступление и вскоре очистил от разбойников всю страну...

Стенька Разин бежал в Самару, оправдывая свое поражение бездействием пушек и отступничеством соратников. Но хитрость эта подорвала легенду о его сверхъестественной силе, и жители Самары, разочаровавшись в нем, закрыли перед Стенькой ворота. Так же поступили и саратовцы. В Черкасск Корнилу Яковлеву из Москвы поспешно выслали в подкрепление 1000 рейтаров и драгун под начальством Григория Косоогова. Когда к известию о приближении этого отряда присоединились слухи об ужасных репрессиях Долгорукого, участь Стеньки была решена.

Официальные сведения относительно обстоятельств, обусловивших развязку, крайне сбивчивы и противоречивы. Трудно определить, каким именно образом были захвачены Фрол и Стенька, но, так или иначе, смутьянов схватили и препроводили в Москву. Атаман сохранял полную достоинства невозмутимость, а брат его, напротив, стонал и причитал.

Вся Москва 4 июня 1671 года присутствовала при въезде легендарного героя. Атаман, к своему великому сожалению, не мог сохранить прежних великолепных одеяний. Его везли в жалких рубищах на телеге вместе с виселицей.

По преданию, самые жестокие пытки не заставили его проронить ни слова. 6 июня его повели на лобное место. Стенька выслушал, не моргнув глазом, приговор, присуждавший его к четвертованию, набожно повернулся к соседней церкви, четырежды поклонился народу, прося прощения, и, не теряя самообладания, отдал себя в руки палачей. Его положили меж двух досок; сначала ему отрубили правую руку повыше локтя, затем левую ногу

ниже колена. Стенька даже не вскрикнул. Его сочли мертвым, но при виде приготовлений предстоящей мучительной казни Фрол не выдержал и выкрикнул «слово и дело», что давало ему право получить отсрочку для сообщения судьям важных признаний; льгота эта искупалась, впрочем, дополнительными жестокими пытками. Вдруг из-под окровавленных досок, между которыми лежало искалеченное тело Стеньки, раздался грозный окрик: «Молчи, собака!»

Это были последние слова легендарного атамана. Они также не подтверждаются историческими документами. Фрол же отделался пожизненным заключением.

По преданию, Стенька Разин, готовясь к смерти, сочинил поэму, сохранившуюся в народе; в ней он просит, чтобы его похоронили на перекрестке трех дорог, ведущих в Москву, Астрахань и Киев...

Пьер Легран (XVII век)

Французский пират. Нормандец по прозвищу Пьер Великий стал первым буканьером, обосновавшимся на острове Тортуга. На небольшом баркасе захватил огромный галеон – флагманский корабль испанского казначейского флота.

В 1788 году в Париже издали книгу под названием «Морская летопись», где описывались похождения Леграна.

В 1665 году на острове Тортуга в Карибском море продолжали базироваться пираты. Частым гостем здесь был и Пьер Легран, нормандец из Дьеппа. К тому времени это был уже опытный капитан, отважный мореход и солдат, прошедший выучку у пиратов. У него было собственное судно – небольшой парусник с экипажем из двадцати восьми человек.

Обычно он действовал так: притаившись где-нибудь в неприметной бухте, выжидал, пока не появится испанское торговое судно, или крейсировал у побережья Кубы, высматривая свою добычу. Если же необходимо было пополнить запасы продовольствия, то нападал на прибрежные деревни и брал все, что там можно было найти из съестного.

Так однажды, рыская по морю в поисках добычи, он доплыл до западного побережья Кубы. В этот момент на горизонте показалось три галеона. Один из них отстал от остальных. Легран подозвал своего опытного помощника Тома и спросил: «Посмотри, ведь это вооруженные галеоны, они везут золото из Веракруса. Не так ли? И последний из них едва поспевает за остальными. Разве это не добыча для таких, как мы, готовых на все?»

Том не понял, шутит или говорит всерьез его капитан. Он ответил: «Ни один корсар еще не нападал на такой корабль».

«Тогда я буду первым, – усмехнулся Легран. – Шесть недель мы сидим без хлеба и вина. Положение наше хуже не бывает, а души мы и так продали дьяволу. Предлагаю хорошенько обдумать мое предложение. К утру мы все можем стать богачами. Решайте, друзья!»

Команда единогласно одобрила план. Пираты поклялись сражаться не на жизнь, а на смерть.

Два часа спустя пираты незаметно подошли к испанскому галиону и вскарабкались на его борт. Оглянувшись, они увидели, как их собственный корабль погружается в пучину. Легран приказал просверлить отверстия в его днище. Теперь пиратам действительно оставалось лишь одно: умереть или победить.

Незаметно подкравшись к вахтенному и рулевому и тихо ликвидировав их, пираты захватили верхнюю палубу. Тем временем Легран осторожно подошел к иллюминатору офицерской каюты. Он увидел, что капитан и трое офицеров сидят за столом и при свете свечи играют в карты. «С этими проблем не будет», – подумал Легран и шепотом приказал Тому с пятнадцатью пиратами спуститься под палубу, чтобы врасплох захватить спящий экипаж.

Легран и четыре пирата ворвались в капитанскую каюту. Офицеры было бросились на пиратов, но это стоило им жизни.

Между тем внизу испанцы яростно сопротивлялись. Легран со своими людьми бросился на подмогу, и это решило исход схватки. Испанцы сдались.

Никогда еще, пожалуй, не доставалось такое богатство джентльменам удачи. Никому никогда из пиратов за всю жизнь не приходилось видеть столько золота: шесть полных ящиков и еще ящики с драгоценными камнями. Сокровищ этих хватило бы, чтобы обеспечить зажиточную жизнь всей команде до конца дней.

...Прошло несколько лет. Видимо, все годы Легран продолжал пиратствовать, только переменил район действий. Он, как и многие пираты Карибского моря, объявился в Индийском океане.

Однажды на принадлежавший голландцам остров Маврикий высадились французские корсары во главе с Леграном. Губернатор Ван Бринк сдался и за это получил право покинуть остров, захватив свое имущество. Его дочь Анита оказалась на борту корабля «Кураж», который принадлежал Леграну. То ли ее силой привели на борт, то ли сама согласилась – неизвестно. Но, так или иначе, юная красавица попала в логово корсара. И здесь сообщила ему тайну, которую знала лишь она одна. Рассказала о том, что когда-то узнала от своей кормилицы, которая была дочерью мулатки. Так вот эта самая мулатка поведала дочери о том, что на острове зарыты несметные сокровища. Один старый пират, умирая, открыл мулатке, которая за ним ухаживала, тайну спрятанных сокровищ и передал план с указанием места и условных знаков на тайнике. Мулатка давно умерла, ее дочь тоже. Теперь тайной владела одна Анита. С помощью Леграна она надеялась отыскать клад, что и предложила тому сделать. Первая же их попытка увенчалась успехом. Из тайника извлекли сундук, полный золотых монет. Это только часть, уверяла Анита. Главное сокровище зарыто на горе Вершина Открытия, где когда-то был лагерь пиратов. Но к этому тайнику им так и не удалось добраться. Двоим было не под силу ворочать огромные валуны, расчищая завалы на пути к сокровищу.

Известно, что Легран после этого вернулся в родной Дьепп, где жил до конца дней как богатый и всеми уважаемый гражданин. Про Аниту сведений не сохранилось.

Мишель де Граммон (? – 1686)

Французский буканьер. Четыре крупных похода прославили его имя: в Маракайбо (1678), Куману (1680), Веракрус (1682) и Кампече (1686). Авантюристы и «морские волки» мечтали служить под его началом и называли его «генерал Граммон». В 1686 году был назначен королевским лейтенантом побережья Сан-Доминго.

Согласно легенде, де Граммон родился в Париже, в семье офицера королевской гвардии, в последние годы царствования короля Людовика XIII. Его отец рано умер, а мать вышла замуж во второй раз. Неизвестно, как бы сложилась судьба молодого человека, не ухаживай за его хорошенькой сестрой некий гвардейский офицер, часто появлявшийся в доме де Граммонов. Юный гасконец де Граммон с ревнивостью подростка наблюдал за романом сестры и в один прекрасный день попытался выставить влюбленного из дома. Разразился скандал, юноша был в ярости, офицер неистовствовал от возмущения. На следующий день он встретил де Граммона; слово за слово, и офицер назвал его сосунком. «Будь я постарше, моя шпага показала бы, кто есть кто», – отвечал подросток, и дело закончилось дуэлью, на которой мальчишка нанес смертельную рану своему противнику. Далее последовало совершенно необъяснимое продолжение – умирающий успел оставить завещание, в соответствии с которым оставлял часть своего состояния де Граммону.

Дело о дуэли удалось замять, а 15-летнего бретера отправили в школу юнг. Вскоре он стал кадетом Королевского морского училища. Далее его имя всплывает на страницах истории в период франко-испано-голландской войны (1674–1678) в связи с французской кампанией на Антильских островах. В качестве корсара он снарядил небольшое судно и захватил у острова Мартиника голландскую торговую флотилию. Доля счастливчика составила пятую часть захваченного – 78 тысяч ливров. Дальнейшее выглядит как роман – отделить правду от вымысла невозможно. Шевалье пришел на Сан-Доминго, прокутил все деньги за несколько дней, совершенно не заботясь о том, что на его долю приходится лишь пятая часть, бросил последние две тысячи ливров золота на кон в кости и... выиграл такие деньги, что смог купить 52-пушечное судно. Он сразу отправился на Тортугу набирать экипаж. Тут-то и началась одиссея де Граммона, от которой содрогнулись испанские города.

В 1678–1679 годах де Граммон принял участие в кампании против Кюросао. После крушения эскадры у островов Авес он остался там для ремонта и килевания французских судов. Когда запас припасов иссяк, шевалье решил навеститься за ними в Маракайбо. Форт в горловине залива он овладел без труда – испанский комендант сдался с гарнизоном без боя и заключил договор с флибустьерами. Де Граммон вошел в город и выяснил, что жители перебрались в Гибралтар. Тогда он устремился в лагуну и перехватил несколько небольших судов, продемонстрировав, что обладает флотоводческими способностями. 12-пушечный испанский фрегат стоял на якоре недалеко от берега. Де Граммон направил стрелков с приказом забраться на деревья и начать обстреливать судно, в то время как сам с экипажем предпринял абордаж на шлюпках. План удался, фрегат был захвачен, а де Граммон углубился в глубь континента и захватил город Торилья.

Он был еще корсаром, когда в 1680 году пришли известия о мире с Испанией. Но де Граммон уже не мог остановиться.

В 1682 году под Веракрусом состоялась одна из самых блистательных флибустьерских операций. Город, расположенный в заливе Кампече, на мексиканском побережье, служил перевалочным пунктом при транспортировке товаров из Нового Света в Европу. Подсту-

питься к нему было невероятно трудно. Гарнизон крепости насчитывал 3 тысячи человек, а цитадель с 600 солдатами и 60 пушками, расположенная на небольшом островке, закрывала вход в гавань. Кроме того, к Веракрусу могли быть быстро стянуты подкрепления из соседних областей Новой Испании. Однако де Граммон разработал изящный план действий. Он располагал информацией, что в Веракрус из Каракаса идут два судна с грузом какао. Флибустьер решил воспользоваться подходящим случаем. Из пиратской флотилии были выбраны два наиболее крупных судна, которые при свете дня открыто подошли к городу под испанскими флагами. Приход ожидаемых кораблей, их внешний вид соответствовали известиям, полученным губернатором...

К полуночи из глубины залива в гавань, где стояло два корабля, вошли остальные пиратские суда. Флибустьеры высадились к западу от города и на рассвете подошли к

воротам, перерезали часовых, захватили крепость и дом губернатора. Когда утром жители проснулись, город был уже в руках разбойников. Они грабили город весь день, получили выкуп с людей, запертых в церкви, и плату за город, которые быстрым порядком собрал епископ Веракруса. Вдруг с колокольни большой церкви дозорные разглядели в море мачты кораблей. Это был испанский флот. Разбойники попали в ловушку, но не растерялись. Они быстро погрузили награбленное, сели в шлюпки, добрались до своих кораблей и приготовились к бою. Но боя почему-то не произошло, и перегруженные пиратские корабли медленно ушли в море.

В 1685 году в заливе Кампече вновь появилась экспедиция де Граммона. В июле корабли встали на якорь к югу от города Кампече, а флибустьеры на лодках подошли к берегу. Опрокинув на подступах к городу испанский отряд, флибустьеры на плечах отступающих вошли в Кампече. Некоторое время в городе продолжались уличные бои, но они были непродолжительны. Де Граммон провел в городе почти два месяца, отряды его людей рассыпались по окрестностям, но, кроме обильных запасов продовольствия и спиртного, флибустьерам досталось немного. Тем временем к Кампече подошел губернатор провинции Мерила с войсками. В результате одной из стычек в его руки попали два флибустьера. Де Граммон предложил обменять их на нескольких знатных испанцев, пригрозив в случае отказа изрубить всех пленных в куски и сжечь город дотла. На это последовал неожиданный надменно-грубый ответ губернатора: «...Испания достаточно богата сокровищами и людьми, чтобы отстроить и заселить Кампече заново». Получив подобное послание, разъяренный де Граммон устроил показательную казнь нескольких испанцев и сжег часть города, после чего отпраздновал именины Людовика XIV и отбыл на Тортугу.

Несколько позже он был назначен королевским наместником в южной части Сан-Доминго, но недолго пребывал на этом посту. В октябре 1686 года он быстрым порядком погрузился на корабль и с отрядом флибустьеров уплыл с Тортуги. Причины и цель столь спешно организованной экспедиции остались неизвестны, так же как и судьба всех ее участников. Больше о де Граммоне и его людях никто ничего не слышал.

Уильям Дампир (1652–1715)

Английский мореплаватель, пират, купец и ученый, совершивший три кругосветных путешествия, открыл много островов в Тихом океане. Британская АН избрала его своим членом. Научные исследования сочетал с грабежом главным образом испанских поселений на Тихоокеанском побережье Америки. О своих путешествиях написал ряд книг, в частности, «Путешествие в Новую Голландию».

Уильяма Дампира современники называли королем пиратов. Но он был не только морским разбойником – Дампир был выдающимся мореплавателем, совершившим три кругосветных путешествия, сделавшим много географических открытий и гидрологических исследований. Его имя носят архипелаг, остров, мыс, проливы и т. д. Он автор трех книг, которые пользовались большой популярностью. Труды Дампира были столь высоко оценены современниками, что он удостоился чести быть избранным в члены Королевского общества – Британскую академию наук.

Уильям Дампир родился в 1652 году в Ист-Токере (графство Сомерсет в Англии) в крестьянской семье. Рано оставшись сиротой, он в шестнадцать лет поступил юнгой на торговый корабль. Совершив несколько плаваний, Дампир в 1673 году перешел на службу в военный флот. В одном из боев он был ранен и по выходе из госпиталя уехал из Англии на Ямайку. Там он работал управляющим плантацией.

В 1678 году Дампир возвратился в Англию. Он женился и приобрел небольшое поместье. Но в том же году вновь решил вернуться на Ямайку. В пути Дампир встретил флибустьеров и вступил в экипаж небольшого судна без флага, которое, согласно стыдливой записи в его дневнике, занималось «поисками провианта» в Карибском море (всему, что касалось пиратских дел, Дампир находил пристойные формулировки). Вскоре молодой корсар собрал отряд отчаянных головорезов и повел его в глубь материка «на лесной промысел». Когда отряд вернулся на Ямайку, разбойники несколько месяцев пропивали награбленные ценности, а их вожак обрабатывал собранный научный материал.

В 1679 году Дампир повел свой корабль к берегам Гондураса и Никарагуа, где разграбил испанский город Портобелло и изучал москитов. В 1680 году в Дарьене он ограбил Санта-Марию и безуспешно пытался овладеть Панамой. Разбитая шайка отправилась к островам Хуан-Фернандес. По пути Дампир встретился с племенами индейцев, описал их жизнь и традиции.

Затем Дампир перебрался в Виргинию и снова вышел в море на корабле капитана Кука. Они занялись обычным пиратским делом, грабили и топили все встречные испанские суда. Дампир при этом проявлял себя не только как пират, но и как выдающийся наблюдатель-океанограф. Он собирал материалы для карт и описаний тихоокеанских островов и берегов Испанской Америки.

Интерес Дампира к природе был предметом шуток его коллег, которые интересовались только звонкой монетой. Но капитан был невозмутим и даже поручал иногда своим пиратам вести в перерывах между грабежами научные наблюдения, заставляя их подробно описывать все виденное, и заносил эти рассказы в свои дневники.

В 1686 году Дампир на корабле капитана Свана посетил Галапагосские острова. Так как эта операция оказалась неудачной, то Сван отправил свой корабль в Ост-Индию.

Отделившись от Свана, Дампир и доктор Вафер захватили новенький испанский барк и, «обычным путем обзаведясь всем необходимым», отправились в самостоятельное плавание.

На северо-западном берегу Австралии Дампир провел немногим более двух месяцев и проник довольно глубоко в глубь страны, названной Землей Дампира. Во время этой экспедиции он сделал много научных открытий: описал красавцев фламинго, морского льва – сивуча, морского котика, морского слона; изучил ветры-пассаты у берегов Южной Америки, изложил теорию их возникновения; исследовал течения в южной части Тихого океана, наблюдал полярную ночь, добравшись до Южного полярного круга.

Два года (1687–1688) капитан бороздил океан, наводя страх на испанские поселения западного берега Америки. К Дампиру присоединилось еще несколько кораблей, и он возглавил целую эскадру с более чем тысячей пиратов. В 1690 году заболевший Дампир расстался со своими товарищами на Никобарских островах и в туземном каноэ, еле живой, добрался до Суматры, где и нашел убежище. Оправившись от болезни, он объехал весь южный берег Азии, побывал в Малакке, Тонкине, Мадрасе и Бенкулене. В 1691 году, завершив кругосветное плавание, Дампир с триумфом (но без всяких средств) вернулся в Лондон. Здесь он обработал свои дневники, которые вел непрерывно с 1674 года, и в 1697–1699 годах издал в Британии один из основных трудов своей жизни: «Капитан Дампир. Плавание вокруг света».

В Англии Дампир получил большую известность в ученых кругах, был представлен графу Оксфордскому – первому лорду Адмиралтейства и совершенно очаровал короля Вильгельма III, который ввел его в состав членов Королевского общества. Его портрет был помещен в Национальной галерее.

Британское Адмиралтейство решило организовать экспедицию для исследования берегов Новой Голландии (Австралии) и во главе ее поставило Дампира, принятого на службу в военный флот. На корабле «Робак» Дампир 14 января 1699 года вышел из Англии и 31 июля подошел к западному берегу Новой Голландии. Он обследовал обширный залив, названный им заливом Шарк, и открыл группы островов – архипелаг Дампира. Проследовав через открытый им пролив мимо северо-западного выступа Новой Гвинеи, Дампир 4 февраля 1700 года достиг острова Вайгео и направился на восток.

Дампир открыл острова, названные им Сент-Маттиас (Св. Матвей). Затем обследовал открытую им землю – Новую Британию и повернул обратно в Англию, но в Атлантическом океане корабль дал такую сильную течь, что с трудом удалось 23 февраля дойти до острова Вознесения. Прежде чем корабль утонул, Дампир успел спасти дневники и австралийский гербарий, но потерял все свое личное имущество. 2 апреля попутный английский корабль взял потерпевших крушение на борт.

В Лондоне Дампир был отдан под суд за жестокое обращение с командой и гибель экспедиционного судна. Однако приговор суда оказался довольно мягким: Дампиру не разрешалось в дальнейшем служить на кораблях флота ее величества королевы Анны. На его счастье, началась война за испанское наследство. Дампир легко выхлопотал себе каперское свидетельство, снарядил два корабля, «Сент-Джордж» и «Синг Порт», и в 1703 году отправился на Тихий океан на пиратский промысел.

Во время стоянки кораблей у островов Хуан-Фернандес Дампир в припадке ярости подрался со штурманом корабля «Синг Порт» Александром Селкирком и в наказание выса-

дил его на остров. Селкирку разрешили захватить с собой одежду, постель, ружье, фунт пороха, пули, табак, топор, нож, котел, Библию, несколько других книг религиозного содержания и принадлежавшие ему инструменты и книгу по мореходству.

Возвратившись, Дампир выпустил в 1707 году в свет книгу о плавании на бриге «Робак» («Путешествие в Новую Голландию»).

В 1708–1711 годы в качестве главного штурмана полувоенной-полупиратской экспедиции Роджера Вудса Дампир снова совершил кругосветное путешествие. Когда корабли оказались вблизи островов Хуан-Фернандес, Дампир вспомнил о Селкирке и предложил посмотреть, жив ли штурман, которого он высадил четыре с половиной года назад. Жизнь Селкирки на необитаемом острове произвела сенсацию в Англии и вдохновила Дефо на создание «Робинзона Крузо».

Отдавая должное капитану Дампиру, современники писали, что как исследователь он был очень любознателен, пытлив и неутомим, а как пират отличался необычайной храбростью, жестокостью и в гневе становился ужасным.

Мари Пти (1665–1720)

Французская авантюристка. В 1702 году держала игорный дом в Париже. В 1705 году, переодевшись в мужскую одежду, отправилась вместе с чрезвычайным послом Фабром в Персию. После смерти Фабра провозгласила себя главой посольства короля Франции и продолжила путешествие. С почестями была принята при дворе персидского шаха. По возвращении во Францию была арестована и предана суду, но затем оправдана. В 1715 году нанесла визит прибывшему в Париж персидскому послу и была снова арестована.

В 1702 году на улице Мазарини существовал довольно подозрительный игорный дом, где собиралось множество самых живописных личностей, причем некоторые приходили не только затем, чтобы перекинуться в картишки. Притон процветал благодаря белокурой хозяйке, мадемуазель Мари Пти (или Пети).

Это была необыкновенно красивая молодая женщина двадцати семи лет. Резкая и грубая с теми, кто ей не нравился, она была обворожительно мила с приглянувшимися мужчинами. Любовников она заводила на месяц, на неделю, на ночь, на два часа – в зависимости от желания, которое они в ней возбуждали, но в любом случае она всегда оставалась хозяйкой положения...

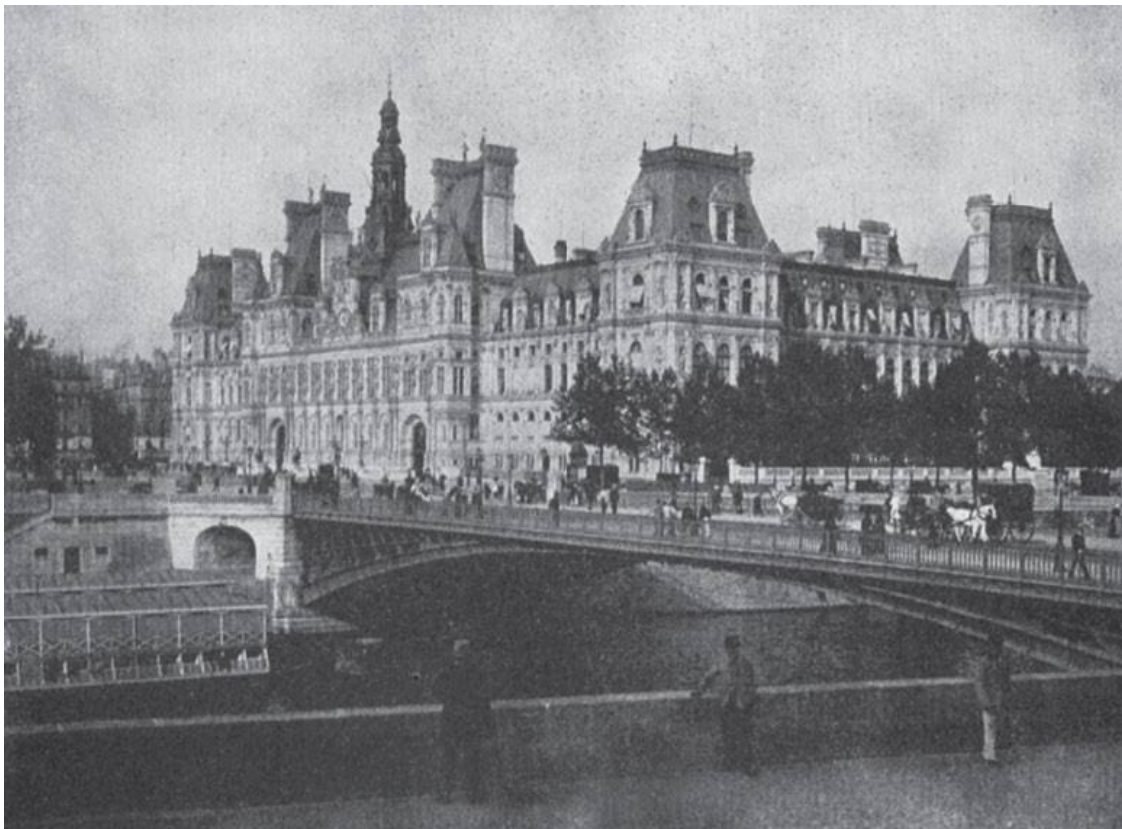
Однажды в дом этой очаровательной молодой особы зашел мужчина лет пятидесяти, с пылким взором и хорошо подвешенным языком, и она немедленно попала под власть его чар. В три часа ночи, когда ушел последний игрок, она увлекла незнакомца в спальню. Здесь они познакомились: гостя звали Жан Батист Фабр, он был крупным торговцем из Марселя.

Полчаса спустя после любовных утех они отдыхали под шелковым балдахином, и Фабр рассказывал очаровательной мадемуазель Пти историю своей жизни. Он сказал, что его семейство держит в своих руках торговлю с Турцией и что сам он в 1675 году завел коммерческое представительство в Константинополе. Он описал свой роскошный дом, ничем не уступавший дворцам парижской знати, и сообщил, что марсельские негоцианты в течение последнего века фактически взяли на содержание посла, который без их денег просто не смог бы существовать.

«Я знаком с великим визирем, – добавил Фабр, – со всеми пашами и, само собой разумеется, с послом. Господин де Ферьольт стал моим другом. Пока он не получил назначения, я даже исполнял его обязанности, а потом занял пост управляющего делами, потому что в Версале меня очень ценят».

Все рассказанное Фабром было истинной правдой. Он только забыл упомянуть, что оказался в долгу, как в шелку, что кредиторы с нетерпением поджидали его возвращения в Константинополь, а жена его стала любовницей господина де Ферьоля...

Наконец на рассвете Фабр поведал прекрасной содержательнице игорного дома, что господин де Поншартрен намеревается отправить его послом к персидскому шаху. Молодая женщина, очарованная этими рассказами, попросила взять ее в путешествие.

Эта идея пришла Фабру по нраву, и он согласился.

Прошло несколько дней. Каждый вечер негоциант появлялся на улице Мазарини и уединялся с Мари, которая уже грезилась, не признаваясь в этом, о восточной роскоши и изысканных наслаждениях...

Она не предавалась бы столь упоительным мечтам, если бы узнала, что будущий посол бродит по Парижу почти без гроша в кармане. Впрочем, однажды Фабр признался любовнице, что «переживает некоторые финансовые затруднения». Будучи человеком хитрым, он дал ей понять, что недостаток денег может повредить ему при дворе и что тем самым окажется под угрозой их отъезд в Персию.

Женщина расстроилась. У нее были кое-какие сбережения – она отдала их Фабру. Вскоре ей пришлось продать свое заведение.

Освободившись от денежных забот, негоциант стал встречаться с влиятельными людьми, беседовал с господином де Торси и господином де Поншартреном, преемником Кольбера. Ему удалось обворожить всех министров своими глубокими познаниями о состоянии дел на Востоке.

Вечерами он излагал Мари суть своей миссии. Нужно было завязать тесные сношения с Персией, в которую уже начали проникать английские, голландские и португальские торговые компании, добиться безопасности для христиан, утвердить преимущество французской коммерции и подготовить проникновение в Индию. В общем, проект не отличался новизной, однако для его осуществления требовалась изрядная дерзость; все предыдущие попытки добиться этого потерпели неудачу.

В январе 1703 года Фабр получил официальное предписание отправиться в Персию. Мадемуазель Пти стала немедленно готовиться к отъезду.

Когда все было готово, марсельскому негоцианту вручили верительные грамоты. Новый посол в сопровождении своего племянника Жозефа Фабра и мадемуазель Пти, одетой в мужское платье, отбыл в Марсель в конце 1704 года, а оттуда далее на восток.

17 апреля посол и бывшая содержательница игорного дома прибыли в Алеппо. Здесь мадемуазель Пти вновь пришлось прибегнуть к маскировке, ибо местные жители не одобрили бы тот факт, что посланник Людовика XIV путешествует в обществе своей любовницы. Поэтому Фабр стал представлять ее в качестве жены главного мажордома миссии, господина дю Амеля.

Пылкий темперамент подводил ее, и отцы-иезуиты, обитавшие в Алеппо, были изумлены некоторыми неосторожными словами и жестами предполагаемой супруги мажордома. Отец-настоятель предпринял собственное маленькое расследование и достоверно установил личность веселой мадам дю Амель.

Решив пресечь скандальное путешествие преступной четы уже в Малой Азии, дабы в Персии не узнали об этом прискорбном обстоятельстве, настоятель отправился к паше и попросил задержать господина Фабра в Алеппо.

Паша согласился, и в течение полугода караван не мог двинуться дальше.

Мадемуазель Пти сочла своим долгом развлекать свиту посла: каждый вечер она созывала гостей, и ужин заканчивался восхитительной оргией. Она умела веселить компанию и знала множество песенок весьма игрового содержания...

В октябре 1705 года, убедившись, что паша не собирается менять гнев на милость, Фабр и Мари тайком покинули Алеппо, добрались до моря и отплыли в Константинополь, где персидский посланник спрятал их, перед тем как переправить в Эривань.

Добравшись до места, Фабр узнал, что хан Абдельмассин ненавидит французов. Это его страшно напугало. Тогда мадемуазель Пти, надев самое красивое платье, отправилась во дворец Абдельмассина и стала его любовницей. Благодаря этому простому решению все затруднения разрешились незамедлительно. Уже через неделю Фабр получил из Исфагана извещение, что верительные грамоты приняты и посольству будет оказан радушный прием.

Удачное начало вдохновило мадемуазель Пти и добавило ей смелости вступить на тяжкий тернистый путь дипломатии.

Через несколько дней после отъезда из Эривани Фабр внезапно заболел. Он метался в жару, корчился от невыносимой боли, кричал, что его отравили. 16 августа он отдал богу душу.

Мадемуазель Пти растерялась. Что станет с ней в этой чужой стране, среди враждебных людей?

И тогда в голову ей пришла гениальная мысль! Обыскав труп любовника, она нашла ключи от сундуков и шкапулок, разыскала секретные бумаги и провозгласила себя главой посольства Франции.

Спутники взирали на нее в изумлении.

«Мне поручено, – сказала она, – обучить персидскую королеву французским придворным манерам. Я исполню это любой ценой, а если меня попытаются задержать, то я готова принять мусульманство и прогнать иезуитов...» Эти слова произвели должное впечатление на слушателей. «Пока же нам нужно вернуться в Эривань», – добавила очаровательная посланница.

Маленький отряд повернул назад, и вскоре мадемуазель Пти оказалась под надежной защитой хана. Это был ловкий маневр: хан, испытывая признательность за дарованное ему наслаждение, добился того, чтобы Исфаган признал Мари в качестве официальной посланницы.

Так благодаря любви король-Солнце обрел своего представителя при персидском дворе...

Мадемуазель Пти, заручившись поддержкой хана, решила найти союзников и среди французов. Союзником, разумеется, мог быть только любовник. На всякий случай она обзавелась двумя.

Они поселились вместе с ней в большом доме, ставшем ее резиденцией, и она заказала кровать соответствующих размеров. Это произвело неприятное впечатление на местных жителей, которым казалось естественным, чтобы мужчина имел нескольких жен, тогда как женщина, имевшая нескольких мужей, воспринималась как нарушительница устоев.

Ее стали осуждать, а обозленные иезуиты прямо называли ее шлюхой. Люди же из миссии Фабра оказались не столь суровыми – они просто смеялись.

Глава христиан Персии монсеньор Пиду де Сен-Олон отнесся к этому более серьезно. Он написал хану Тебриза, большого города, власти которого контролировали дорогу на Исфаган, и предостерег его от всяких сношений с мадемуазель Пти.

«Только одному человеку принадлежит право именовать себя послом Франции, – добавил он. – Это звание перешло к юному Жозефу Фабру, племяннику покойного».

Хан Тебриза, получив это уведомление, оказался в весьма затруднительном положении. Пока он раздумывал, как поступить, Мари стала любовницей нескольких влиятельных чиновников.

Рвение всегда вознаграждается: вскоре в Тебриз, в Эрзерум и в Исфаган полетели послания, в которых Мари превозносилась до небес, и вредоносное влияние писем монсеньора Пиду де Сен-Олона было подорвано.

Однако затем в Эривань пришли весьма огорчительные новости из Константинополя: французский посол господин де Ферьоле по собственной инициативе решил послать в Персию одного из своих друзей, некоего Мишеля – молодого человека двадцати восьми лет, дабы он занял место Фабра и отстранил от дел мадемуазель Пти.

В декабре 1706 года Мари получила известия о приближении каравана. Она испугалась, спешно собрав багаж, приказала подавать верблюдов и нежно простилась со всеми любовниками. Нужно было опередить конкурента и первой предстать перед шахом.

Вечером она выехала в Исфаган.

Через два дня французский караван вступил в Тебриз. Узнав, что соперник уже представлялся хану, мадемуазель Пти отправилась к нему в дом и ласково попросила не затевать против нее интриг. Мишель ответил, что должен исполнить возложенную на него миссию. Она очень рассердилась и, уходя, хлопнула дверью.

Через несколько дней ей удалось полностью расквитаться за это маленькое поражение. Из Исфагана пришло официальное разрешение, шах соглашался принять мадемуазель Пти, тогда как Мишелю предписывалось вернуться в Эривань...

Мари торжествовала.

В персидской столице ее ожидал блистательный прием. Представ перед шахом, она преподнесла ему подарки Людовика XIV, превозносила до небес достоинства самого монарха, остроумно и живо описала Версаль, Париж, французские нравы и обычаи. Шах был очарован ею. На время пребывания посланнице был отведен великолепный дворец; повсюду ее сопровождала почетная стража. Даже в самых смелых мечтах содержательница притона, которую именовали в Персии «франкской принцессой», не возносилась на такую головокружительную высоту.

Стала ли она любовницей шаха, как утверждали некоторые? Это кажется маловероятным, хотя, разумеется, до целомудрия она не опустилась.

Де Поншартрен же, обеспокоенный судьбой персидского посольства и подстрекаемый Ферьолем, который представил ему мадемуазель Пти воровкой, прельстившейся подарками для шаха, подписал верительные грамоты на имя Мишеля. Тот получил их только в начале 1708 года. Пока же ему приходилось изнывать от скуки в Касбине...

Тем временем мадемуазель Пти, вспомнив наставления Фабра, решила заключить с шахом торговый договор.

Эта удивительная молодая женщина начала длительные переговоры, обсуждая каждую статью соглашения с ловкостью и хитростью профессионального дипломата. Проект был принят монархом. Отныне Франция вполне могла конкурировать с английскими, голландскими и португальскими торговыми компаниями. К несчастью, Мари, слишком щедро жертвуя своим телом (во имя процветания восточной политики Людовика XIV), заболела, и ей пришлось прервать переговоры. Недомогание надломило ее – мадемуазель Пти охватила ностальгия по улице Мазарини.

В конце июня, уложив вещи и любезно переспав на прощание со всеми любовниками, она пустилась в обратный путь по Францию.

Здесь ее ожидали непредвиденные осложнения: она была арестована по обвинению в воровстве. Клевета Мишеля достигла цели. В течение долгих месяцев она оставалась в тюрьме, где от нее требовали признаний, что часть подарков, предназначавшихся шаху, перешла в руки ее любовников.

В это же время новый посол вручал верительные грамоты в Исфагане и подписывал торговый договор с Персией, явившийся на свет благодаря усилиям мадемуазель Пти...

Впрочем, ему недолго пришлось хвастаться этим успехом. Господин де Поншартрен, не дожидаясь оправдательного вердикта истории, в конце концов признал заслуги Мари и вернул ей свободу. Через два года, в 1715 году, сбылась заветная мечта авантюристки: персидский шах, никогда не направлявший послов к иностранным монархам, пожелал иметь своего представителя при дворе короля-Солнца...

Мадемуазель Пти хотела выпустить мемуары. Однако они так и не были изданы. Говорят, это были происки врагов «французской принцессы»...

Джон Лоу (1671–1729)

Шотландский финансист. Предложил Филиппу Орлеанскому заменить монеты банковскими билетами. Система шотландца завершилась грандиозным банкротством...

Джон родился в семье золотых дел мастера и банкира. 23 лет от роду он убил на дуэли некоего Вильсона, был приговорен к смертной казни, но помилован и заключен в тюрьму. Сбежав из тюрьмы, он искал счастья на материке. Джон много странствовал по Италии, где банковское дело тогда особенно процветало. По возвращении в Шотландию он написал в 1700 и 1705 годах два труда, в которых доказывал, что деньги составляют богатство народа и потому следует заботиться об их умножении. Но дорогую металлическую монету можно заменить дешевой бумагой, которая может быть умножена в количестве, соответствующем оборотам. Когда в Шотландии его предложения не были поддержаны, он переселился сначала в Брюссель, затем в Париж, где приобрел известность и состояние как необыкновенно удачливый игрок.

Франция в то время была совершенно разорена, рос государственный долг, в сборе налогов господствовала полнейшая несправедливость, правительственные сферы в стремлении к легкой наживе беззастенчиво эксплуатировали народ. Каждый день министры доносили регенту Филиппу Орлеанскому о прискорбном положении, которое сложилось в финансовых делах. Государственная казна оскудевала с пугающей быстротой, и в конце 1716 года дефицит достиг 140 миллионов ливров.

Филипп Орлеанский был в отчаянии. Все средства, к которым можно было прибегнуть, оказались исчерпанными. Страна находилась на пороге катастрофы. Именно тогда мадам де Парабер по просьбе одного из своих любовников, Носе, имевшего некоторые познания в сфере финансов, уговорила регента испробовать систему шотландского банкира Лоу...

Система отличалась простотой: Лоу хотел распространить на всех способ расчетов, принятых между негоциантами, иными словами, заменить монеты банковскими билетами. Чтобы эти бумажки могли завоевать доверие публики, они должны были иметь поручительство мощного и богатого предприятия. Он решил создать при поддержке влиятельных лиц банк, который мог принимать платежные поручения торговцев, выдавая им взамен собственные билеты, которым и предстояло заменить прежние деньги. Наконец, чтобы развеять все сомнения, было обещано, что банковские билеты (в отличие от платежных поручений торговцев) будут оплачиваться при первом предъявлении: вернув их в банк, любой человек мог потребовать, чтобы ему было заплачено за них золотом или серебром.

Лоу рассчитывал, что доверие к этим билетам позволит превратить их в настоящие деньги, с помощью которых можно будет расплачиваться с кредиторами государства.

Регенту эта идея показалась соблазнительной, и он разрешил Лоу учредить банк, который тут же приобрел бешеную популярность у публики.

Тогда Лоу при поддержке Носе и мадам де Парабер решил расширить свою систему: он намеревался привести к расцвету торговлю и погасить задолженность путем учреждения компаний, которым король даровал бы монопольное право на ведение дел. Так была основана в 1717 году Индская кампания, акции которой шли нарасхват.

Регент по наущению мадам де Парабер, жаждавшей обогащения, передал Лоу в аренду королевские земли. «Тогда выпустили 300 000 новых акций по цене 5000 ливров за штуку. Сначала запись была свободной, но ажиотаж приобрел такие размеры, что акции стали продавать только тем, кто расплачивался банковскими билетами. Это превратилось в соревнование, кто быстрее освободится от своего золота».

Успех банка, который сначала осторожно раздавал ссуды и умеренно выпускал билеты, стал причиной его гибели. С 1718 года банк превратился в учреждение государственное, и выпуски потекли нескончаемым потоком. Банк постепенно взял на себя колонизацию Луизианы (основав с этой целью так называемую компанию «Миссисипи», впоследствии соединившуюся с двумя другими и принявшую название компании «Всех Индий»), генеральный и табачный откупы, монетную регалию, конверсию государственного долга. Никакого обдуманного плана в основе этих мероприятий не было. Превращение разнообразного и дорогого государственного долга в единый трехпроцентный рентный долг, выкуп финансовых должностей, уменьшение и упрощение взимания многих пошлин, колонизация – все это очень полезно, но требует труда, честности, настойчивости и не создается в один день. Лоу выпускал для всех своих компаний акции, которые при недостатке наличных денег не могли находить сбыта, тогда он прибегал к печатным станкам и выпускал билеты.

В Париже пронесся слух, что в Луизиане обнаружено несколько золотых месторождений и что на их разработку Индская компания получает от Королевского банка аванс в двадцать пять миллионов банкнотами. Цена акций взлетела с 5000 до 25 000 ливров. Улица была полна спекулянтов. Скупка и перепродажа акций превратились в эпидемию.

Это безумие продолжалось всю зиму 1719 года. Лоу был сделан членом Академии наук и министром финансов. Однако в начале 1720 года у банка появились некоторые затруднения. Герцог Бурбонский, встревожившись, немедленно предъявил билеты к оплате и увез домой шестьдесят миллионов на трех каретах. Тут же с невероятной быстротой распространились тревожные слухи, и весь Париж оказался во власти чудовищной паники. Акции упали в цене на 30, 40 и 60 процентов. Банк, выпустивший три миллиарда бумажных денег

под гарантию семисот миллионов наличных, оказался не в состоянии платить. Система шотландца завершилась грандиозным банкротством...

Остановить начавшееся падений акций и билетов Лоу был не в состоянии. Шотландцу в конце концов пришлось укрыться в Пале-Рояле, ибо чернь могла растерзать его.

Назревал бунт.

Через несколько месяцев Лоу вынужден был бежать из Парижа. Столица же была на грани мятежа. Тогда мадам де Парабер, которая благодаря советам Носе сделала на «системе» состояние, испугалась, что придется возвращать деньги, и побудила регента упразднить Индскую компанию. Постановление было подписано 7 апреля 1721 года. С этого момента акционеры могли считать свое золото безвозвратно потерянным.

Многие писатели, в том числе и Луи Блан, считали Лоу социалистом или демократом, который хотел перевернуть при помощи кредита весь строй хозяйства и кассовых отношений. Однако на самом деле он вовсе не был носителем каких-либо социально-политических идеалов. Сам Лоу сначала обогатился, затем совершенно разорился и, поселившись после бегства из Франции в Венеции, содержал свою семью по-прежнему игрой. Он представил несколько проектов Венецианской республике, но их отвергли. Лоу умер в 1729 году, оставив в наследство своему семейству несколько картин и бриллиант, оцененный в 40 000 ливров. Его жена умерла в Брюсселе в бедности.

Клод Александр Бонневаль (1675–1747)

Один из удивительнейших авантюристов XVIII века, известен под именем Ахмет-паши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.